

АРТ ЛАНД

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

1383-2013

Л. Прошак. «И посетителя посетила смерть...».	
Главы из романа	4
А. Красов. Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский. СПб., 1897 (в сокр.)	56

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

П. Столповский. Глоток косорыловки.	
Я тебя в гробу видал. <i>Рассказы</i>	80
В. Напалков. Йёг каллян. <i>Романысь юкёнъяс</i>	95
Н. Павлова. Алой дзоридзён ыпнитіс. <i>Кывбурыяс</i>	107
М. Педько. Мирошниченко Н. А.	110
Н. Мирошниченко. «По ослепительному бездорожью птица прошла...». <i>Стихи. Вöсь молльён кольёма енэжён эрдас лэбач кок туй...</i> . <i>Переводы</i>	113
В. Тронин. Зверь. <i>Сценарий полнометражного игрового фильма</i>	117

АРТ-ФАКТ

А. Преображенский. Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырянской земли ...	130
Е. Виноградова. Из истории иконы «Святая Троица Зырянская» в Вологде	141
Н. Плаксина. Икона «Спас Нерукотворный» из с. Ирта Яренского уезда: прошлое и настоящее	154
О. Малыгина. Миф о «лэбалан чери» (парящей рыбе). Интервью с И. Федосовой	170
Воспоминания о Л. Д. Чувыровой её коллег и учеников ...	184

Приложение к журналу:
Тамара Ломбина «Зина-капуста».

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 22.05.13. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 3020. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

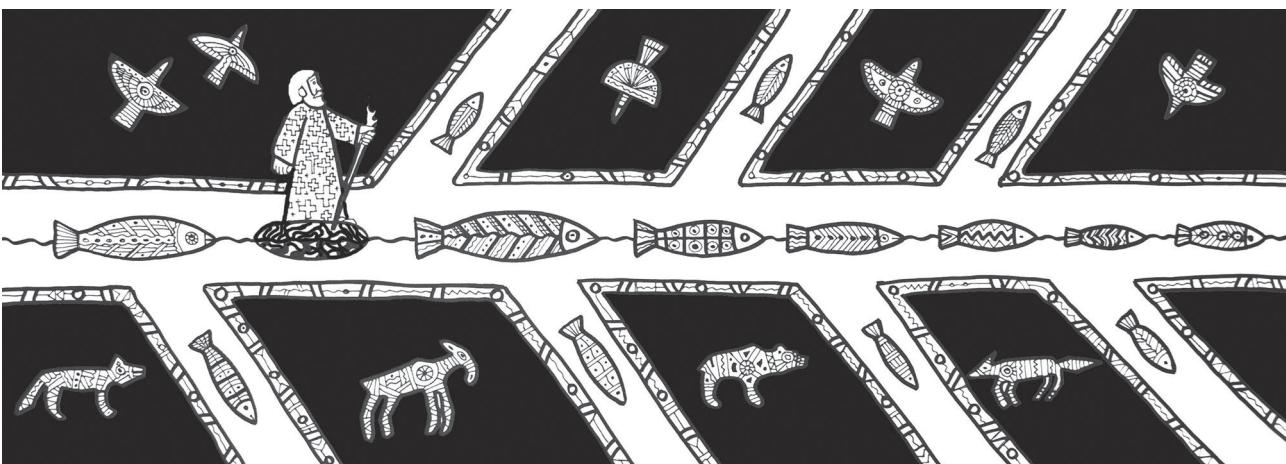
В оформлении обложки использована Икона «Троица Ветхозаветная (Зырянская)». Конец XIV века. 119,5×74. ВОКМ 2780.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найос оз мөддө. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

1383-2013

Людмила Прошак

Людмила Прошак. Первая и главная профессия — журналист. Прошла путь от районки до центральной прессы, работала в горячих точках и местах катастроф, затем в автожурналистике (отсюда — тяга к трофи- и ралли-рейдам, экспедициям). Сейчас — шеф-редактор в московском издательском агентстве А2, ведёт газетный проект на Урале. В свободное от профессии и любимой семьи время пишет научные статьи, монографии (кандидат исторических наук) и художественные книги, основанные на документальных свидетельствах («Спасатели», «Северный волк», «Я — КАМАЗ» и другие). В предлагаемой читателям новой книге все события являются вымыслом, основанным на исторических фактах. Автор посвящает книгу Юрию Алексеевичу Спиридонову, без которого не было бы и самого замысла этой работы.

И ПОСЕТИЛА ПОСЕТИЛА СМЕРТЬ...

Роман-реконструкция

Начало в № 1 2013 года

18

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца декабря в 20-й день,
полунощница

*«Босой» гонец. Чужая рукоять.
Все тайны за иконостасом.*

Опливали свечи, пахло ладаном, инок тихим голосом читал над усопшим Антонием Евангелие.

«И зажёгши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца нашего небесного. Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна нота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё...»¹

¹ Мтф. 5: 15–18.

Андроник сидел в одиночестве. Иноки, уважая его скорбь (ни с кем наместник не был так близок, как с ним), не беспокоили его. А он и горюя, напряжённо думал над предсмертными словами Антония.

Почему об Епифании была его последняя и главная тревога? О чём ему надобно сказать? Зачем наместник отоспал книжника в пустыньку с Кириллом, не дав погостить в обители? От кого они должны сейчас прятаться в пустыньке Окула или в скиту у Параскевы? Почему им грозит смерть и почему, в конце концов, убит сам Антоний? Кому он мог помешать, в чём?

Андроник, позабывшись, сосредоточенно стукнул посохом по полу, поковырял в трещинах между досками, проверяя стыки на прочность. Он спохватился лишь тогда, когда поймал на себе тревожные, обескураженные взгляды: не пристало шуметь при покойнике. Андроник смущался.

За ним водилось такое: волнуясь, пускать в ход посох — это помогало думать. Привычку эту он приобрёл в юности, когда вместо деревянного посоха монаха у него в руках был железный щуп старателя, а потаённый ход, сокрытый от глаз людских, был входом в другой мир. Но это было так давно, что порой Андроник и сам себя спрашивал: было ли...

Сейчас посох просто навёл его на мысль, простую, как яйцо: он понял, что его насторожило с самого начала в храме, когда они нашли в алтаре убитого Антония — его посох! Он стоял у дарохранительницы, а наместник лежал в противоположной стороне — у жертвенника.

Андроник подозвал к себе щуплого послушника, который привёл к настоятелю княжеского гонца.

- От какого князя был гонец? От Михаила Александровича?
- Не ведаю, отче, — развёл руками чернец, — гонец не сказывал.
- А обличием каков был?
- Не понял я его, отче, не то монах, не то воин.
- Молодой, старый?
- А кто его знает: крепкий такой, а голова... босая.
- Как это понимать — «bosая»?
- Без волос, — смущался чернец, краснея, — лысая.
- И куда же он потом делся?
- А дьяв... — начал было послушник, но осёкся, испуганно крестя рот, — не ведаю, отче, как сквозь землю провалился.
- А где отец наместник был, когда ты к нему гонца привёл?
- На престоле.
- Где именно?
- Кажись, у дарохранительницы стоял...

Андроник, зажав в одной руке подсвечник, в другой — ключ, зашагал к церкви. Спросить у него не осмелились, но и одного отпустить не решились: прячась, следом пошли двое дюжих иноков.

Андроник, повернув ключ в замке, потянул на себя дверь, та отозвалась жалобным скрипом. Перекрестившись, шагнул в мрачную мглу храма и остановился: казалось, ночь вывесила вдоль стен траурные одежды, и теперь на всём вокруг, даже на иконах, лежала печать насильтвенной смерти.

Стряхнув с себя оцепенение, Андроник, едва ли не на ощупь, пошёл к алтарю. Поднял подсвечник и почувствовал, как у него подломились колени — с иконостаса на него скорбно взирали лики святых.

Вот здесь лежал Антоний у перевёрнутого жертвенника. А вот здесь, у дарохранительницы, и сейчас стоит его посох. Стало быть, когда вошёл убийца, наместник находился у дарохранительницы. А потом почему-то спешно ушёл оттуда, оставив посох. Не взял, потому что забыл впопыхах или хотел подать тайный знак ему, Андронику?

Андроник, открыв ковчежец, приблизил свечу: лежат, как лежали, запасные дары, предназначенные для причащения больных («Не они явились причиной. Тогда почему же уводил отче своего убийцу от дарохранительницы?»). В раздумье заглянул на самое дно ковчежца и скорее нашупал, чем увидел свёрнутые вчетверо листы. Слежавшийся пергамен развернулся не сразу. Андроник поднёс первую из страниц к свече и прочёл:

**Воспоминания
наместника Оршина монастыря Антония
о событиях в год 6891
с месяца августа 30-го дня по месяц октябрь 16-го дня**

Пряча листы на груди, он нечаянно зацепился ими за ладанку, висевшую на суровой нити. Убедившись, что не порвалась, вздохнул с облегчением.

Андронику не терпелось остаться с письменами наместника наедине. Он никогда уже не услышит голос Антония, но с ним теперь его живое слово. Повернувшись, чтобы уйти, зацепился за посох. Тот с гулким стуком упал. Андроник нагнулся («Надо бы рядом с убиенным положить»), взялся за рукоять и вдруг почувствовал: она изогнутая, с опущенными вниз концами. Но у посоха Антония рукоять была прямой!

Затворившись в келье, положил перед собой посох и погрузился в воспоминания Антония. Лишь однажды Андроник прервал чтение, когда прочитал про себя самого: «Старик споткнулся, череп упал и рассыпался в прах». («Вот значит каким я тогда казался!»)

Андроник отложил рукопись и закрыл глаза. Он словно снова стоял у этого обугленного лаза, в котором нашёл свою Любушку. Они прятались всю осаду в хитросплетении подземных ходов, точнее — в одном из тупиков, и не знали, что это был один из слухов. Там они и стали нечаянными свидетелями того, как некий надсадно сопевший толстяк оставил под привальным камнем записку, и, поддавшись любопытству, достали её. Это был план подземного устройства Московского кремля.

Близ стен стояло войско Тохтамыша, а оставлять такие сведения в потайном лазе с их точки зрения было предательством. Они решили, что Андроник найдёт князя и раскроет заговор, указав на злоумышленника, которого Андрон изрядно успел рассмотреть, потому что уже давно привык обходиться в темноте без света. Это был боярин Василий Румянец.

Уговорились, что Любаша будет дожидаться его здесь, чтобы её родители

ненароком не узнали, что их боярская дочь встречается в подземелье с нищим подмастерьем, у которого повадки крота.

Он не нашёл князя. Хмельная дворня хохоча сказала, что Димитрий Иоаннович сбежал. Андрон сунулся было к воеводе, но вместо него наткнулся на того самого толстого боярина, который прятал в их лазе тайное сообщение. Андрон помчался назад. Он никогда больше в своей жизни не бежал так быстро, как тогда. Он нёсся, не чуя под собой ног, а сердце, захлёбываясь, стучало: «Поздно!»

Столб чёрного дыма он увидел задолго до того, как подбежал к лазу, из которого тот выполз толстым, удущливым змеем. Андрон кинулся вовнутрь. Любушка была там, где он её оставил. Успев обрадоваться, взял её на руки — она рассыпалась в его объятиях...

Иеромонах Андроник запустил пальцы в волосы — кудри из русых давно превратились в пепельные. Он был благодарен за то, что Антоний в своих воспоминаниях, упомянув его, не рассказал ничего о том, что приключилось с Андроном до того, как он стал Андроником. Духовник остался верен себе — сохранил тайну его исповеди, как и всех остальных, кто открывал ему душу.

Но воспоминания были не окончены. Не было в них никакой особой приписки, указывавшей на то, что это всё, что хотел рассказать наместник. Андроник закрыл глаза и живо представил себе Антония, сидящего в своей келье с пером в руке. Улыбнувшись вошедшему, он привычно переворачивает начатый лист чистой стороной вверх...

Значит, если и есть ещё воспоминания, то в келье наместника? Если бы не насильственная смерть, следовало бы подождать сорок дней, прежде чем трогать вещи усопшего. Тогда, но не сейчас.

Андроник, прихватив посох, взял свечу и пошёл в келью. Сердце колотилось в его груди так, как оно стучало, когда он шестнадцать лет назад бежал к потайному лазу, чувствуя, что опоздал.

— Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Он сотворил молитву, прежде чем открыть дверь, как делал всегда. Ответа не было и не могло быть, от этого было больнее вдвойне.

Андроник поставил свечу на стол и обвёл глазами келью. Тихо потрескивая, в божнице мигала лампадка. На твёрдом ложе (наместник спал на голых досках) лежал аккуратно свёрнутый истончённый войлок. Антоний укрывался им ещё тогда, когда был ратником. На специальной подставке покоилось Евангелие. Горкой лежали остро отточенные, приготовленные для работы перья. И ни листка нигде.

Впрочем, почему же нигде? Все свои тайны монах прячет за иконостасом. Андроник шагнул к божнице...

19

**Исповедальная записка
наместника Оршина монастыря Антония
о событиях в год 6899¹
в месяце июля 23-го дня**

Я проснулся и вышел во двор в твёрдой и мрачной уверенности, что прошёл ещё один день моей жизни. Знаете, бывает такое утро, когда вместо того, чтобы радоваться тому, что ещё жив, начинаешь думать о том, сколько уже прожил, а следом приходит и мучительный вопрос — зачем жил...

Вратарь, дремавший у ворот, попытался изобразить бдение, но, убедившись, что мне не до него, снова сомкнул веки. Нарождающееся утро было безветренным и беззвёздным. Лишь яблоки свисали с ветвей зелёными полнолуниями.

Рассвет пребывал в такой тусклой медлительности, что даже звуки взяли в этой безрадостной неспешности. По крайней мере, стучавшему в наши ворота пришлось изрядно потрудиться, прежде чем вратарь, очнувшись от дремоты, открыл засов.

Возглас, который издал враз проснувшийся монах, заставил и меня оставить созерцание незрелых плодов. В воротах стоял тверской архиепископ Евфимий. Пыльная ряса и дорожный посох свидетельствовали о том, что владыка нуждался в отдыхе. Едва не выглянув за ворота, дабы удостовериться, что на сей раз Евфимий явился один, без гостей, я велел вратарю срочно разбудить Андроника, а сам повёл архиепископа в дальнюю келью, которая уже восемь лет носила название «митрополитской».

Владыка, нахочливвшись, как больной воробей, молча лёг лицом к стене. Я не знал, что думать. Наш монастырь, стоявший на отшибе, был далёк от треволнений и забот епархии. Мы жили своей жизнью, а князья и архиастры — своей.

С большим опозданием до меня дошли слухи о том, что преставился московский князь Димитрий Иоаннович и о том, что его сын Василий Димитриевич признал Киприана митрополитом всея Руси. Что из того? Мне не нужно было прилагать усилия к тому, чтобы представить себе Киприана митрополитом (он им и являлся даже тогда, когда был изгнан), но я совершенно не мог вообразить себе князем того самого мальчика, который искал непродажных друзей. Впрочем, все эти перемены во внешнем мире нисколько меня не заботили.

А вот появление Евфимия немало озадачило. Последний раз я был в Твери под Рождество, и там мне сказали, что владыка ещё позапрошлой зимой после очередной ссоры с князем Михаилом Александровичем удалился в монастырь, и епархия пребывает без архиастры. Тогда как понимать появление Евфимия на пороге нашей обители?

Ещё толком не проснувшийся Андроник ждал распоряжений. Ну что ж, они были крайне просты: истопить баню и накормить гостя. Чем? Ну конечно же, капустой. С той поры, как мы попотчевали митрополита «монастырской курицей», не было ни одного неурожайного года на этот овошь. Всё могло не уродить, но капуста — и квашеная, и в вилках — была у нас в изобилии от осени до осени.

¹ 1390 г. от Р.Х.

Заскрипел колодезный ворот, с кухни донёсся звук передвигаемой посуды, застучали топоры, потянуло дымком от бани — монахи пробудились, окунувшись в заботы о неожиданном госте.

Среди всей этой суеты мы не сразу услышали, что в ворота стучат. Поскольку вратарь на заднем дворе помогал рубить дрова, отпирать пошёл я.

Бог не обидел меня ростом, но конный всегда выше пешего, особенно если на всаднике митрополичий клубок. Снизу вверх я смотрел на Киприана, а он сверху вниз смотрел на меня. Мы оба молчали. А что говорить? Я отступил, пропуская знатного гостя. Следом за ним въехали ещё трое. Во дворе стало тесно от клубков, мантий, крестов.

Обведя взглядом приезжих, я всё же нашёл среди них ещё одно знакомое лицо. Это был Афанасий — тот самый молчаливый игумен, который отправился за Киприаном в изгнание.

Рядом с ним спешился протодьякон. То ли облачение на нём было роскошнее, то ли лицо смуглее, то ли борода кучерявее, но он ещё не раскрыл рта, а было ясно — грек.

Сверкнув белыми зубами, он сказал что-то весёлое всаднику — единственному, кто был без клубка: его загорелое лицо, как шлем, обрамляли волосы, напоминавшие спелую рожь, густо подёрнутую инеем. Снег словно лежал и не таял на бровях, сошедшихся на переносице, на длинных усах, переходящих в такую же белую бороду. Я затруднился определить его отчество: он не казался мне ни русичем, ни греком, хотя и ответил шутившему на его родном языке. Грек рассмеялся. Улыбнулся и митрополит. Я молча ждал.

— Это Антоний, — кивнул Киприан на меня. — Однажды я уже свалился к нему как снег на голову, вот решил ещё раз попробовать.

— Так это же хорошо, — заснеженный незнамец усмехнулся улыбкой человека, продолжавшего думать о своём. — Когда снег метёт и всё вокруг белым-белого, тогда ни грязи, ни сора не видать, остаётся только самое важное. Можно жизнь, как книгу, начинать с чистого листа...

— Завтра собор в Твери, вот я и решил воспользоваться оказией, приехав накануне. Как, Антоний, моя келья ещё не занята? — бодро поинтересовался митрополит.

Никто не ждал от меня ничего, кроме простого, радушного ответа, а я мечтал только об одном — онеметь, ведь в келью я уже поселил епископа Евфимия.

— Свободна она, отче!

Ответ, неожиданно раздавшийся за моей спиной, как раз был тем, который надеялся услышать митрополит.

Поморгав, я всё-таки понял, что произнёс это не я, и обернулся, чтобы найти сказавшего. Искать долго не пришлось. Позади меня стоял епископ Евфимий.

— Ну вот, теперь уж точно все в сборе, — не растерялся митрополит. — Можно собор прямо тут проводить.

Только этого не хватало! Я стоял, мысленно представляя как меня заметает снегом. Как бы мне хотелось превратиться если не в сугроб, то по меньшей мере в затворника. Я никогда по-настоящему не понимал отшельника Окула, удалившегося из нашей обители в лесную пустынь, но сейчас я жаждал оказаться на его месте, причём немедленно.

Междуд тем и трапеза, и баня уже поспели. Я с надеждой посмотрел на Афанасия: ему сподручнее справиться с этой задачей — известить всех пастырей и архипастырей о том, что после дороги им есть где и пыль смыть, и голод утолить.

Афанасий, видно, ещё не забыл нашу монастырскую курицу. Пока другие в очередь выстроились у парилки, он принёс в трапезную подорожники: трудоноши, листни, рыбники. Всё это наш повар с благодарностью принял, а вот от предложенного кваса гордо отказался.

— Ну нет, вы уж нашего, оринского, отведайте, — и осторожно, чтобы не расплескать, поставил на стол запотевшие жбаны, полные житного, медвяного, яблочного и яицкого кваса, — а вот эти два прошу заметить особо, они с изюмом и мяты.

Гости, обновлённые после бани, не заставляя себя уговаривать, расселись в трапезной.

— Ну что, хлебосольный хозяин, — обратился митрополит ко мне, — читай молитву.

Я в замешательстве встал, призывая снегопад на свою седую голову.

— Позволь, отец Киприан, — Евфимий махнул мне рукой, повелевая мне молчать. — Я на соборе решил не говорить ни слова, так что всё, о чём я перепутал за эти два года, когда был вынужден удалиться в затвор, скажу сейчас...

— Вот и потрапезничали, — Киприан, пытаясь скрыть раздражение, отодвинул от себя миску.

Евфимий еле заметно усмехнулся и повернулся к образам.

— Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесъ; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, — владыка произнёс молитву тихо, на одном дыхании. — Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй. Господи, благослови.

Архипастыри, дружно перекрестившись, молча ждали продолжения. Евфимий поклонился иконам и выразительно посмотрел на митрополита:

— Это всё! — сел на своё место и взялся за ложку.

Киприан вздохнул и, хмурясь, опустил глаза. Сидевший слева от него архиакон к еде не притронулся, только квас пригубил и отрешённо поставил назад.

— Обиделся, Евфимий? — митрополит положил подбородок на большие пальцы сложенных будто для молитвы рук. — На меня, который тебя судить приехал? На князя, с которым ты в многолетней ссоре? На паству, которую ты на три года без окормления бросил?

Евфимий устало потёр руками лоб:

— Вот ведь как вышло... Прости, владыко, я действительно не чаял тебя здесь встретить. Перед завтрашним днём с силами собраться заехал, устал с дороги. Я ведь с монастыря пешим шёл. И молитву сейчас вместо Антония прочитал лишь затем, чтобы подчеркнуть тебе — зла ни на кого не держу, архипастырем в дальнейшем себя не вижу, не по мне это, уволь.

— А говоришь, что зла ни на кого не держишь, — усмехнулся Киприан, усмешка эта ему далась нелегко, иначе не побелели бы так кончики пальцев прижатых друг к другу ладоней. — Ведь я первый твой упрёк на свой счёт принять готов. Митрополит всея Руси — миротворец промеж всеми князьями литовскими, русскими, киевскими... Хожу, кланяюсь, договариваюсь и — слышишь ты, отшельник! — не стыжусь этого!

— А я не договаривался? — вскинулся Евфимий. — Кто через войска из осаждённой Твери к московскому князю шёл просить мира вместо Михаила Александровича? Я ходил с покорением и поклонением. Заметь, по просьбе самого тверского князя. И он же меня потом миром этим попрекал, дескать, был принят под диктовку Димитрия Московского. А на каких ещё условиях может быть заключён мир с победителем?

Я невольно вспомнил приезд Киприана в Москву, коему был свидетель и участник. Неужели митрополит забыл, как ему самому кричал в спину князь Димитрий Иоаннович: «Чужеземца Киприана — из Москвы вон!..»

Евфимий между тем решил поставить последнюю точку и, сам того не подозревая, слово в слово повторил то, что некогда сказал сам Киприан:

— Я не воин, а епископ!

Митрополит по-прежнему сидел всё в той же позе, со сложенными будто для молитвы руками.

— Не воин, говоришь? А может, и не епископ? Я тоже так когда-то считал. Только ты вот его спроси, кто он? — Киприан кивнул на незнакомца, рассуждавшего о пользе снега. — Он, ища епископа для своей епархии, неожиданно сам сделался епископом. Стал им, не добиваясь владычества. Не вертелся, не старался, не высакивал, никого не подкупал, ничего не сулил. Так ведь, Стефан?

Убелённый сединой владыка всё с той отстранённой насмешливостью пожал плечами, словно подтрунивая над самим собой:

— Так ведь нечего мне было дать, богатств не стяжал, самому самое необходимое дают люди милостивые. Пимен, — Стефан, извиняясь, положил ладонь на грудь и слегка поклонился в сторону Киприана (положение и вправду неловкое, когда при нынешнем митрополите поминают его низложенного предшественника), — поставил меня Бога ради и ради спасения новокрещёных людей.

— Язычники и идолопоклонники твои новокрещёные люди, — незлобиво уточнил Киприан. — Сколько раз они тебя сжечь и умертвить замышляли, сколько раз с дрекольем ходили, с палками, с дубинами...

— Так и у меня посох, — рассмеялся Стефан, приподнимая над столешницей высокий с перехватами жезл, увенчанный крепкой рукоятью.

— А почему сулка¹, как полагается, нет, — спросил придирчиво Киприан, — если посох архиерейский?

— Так ведь мёрзнут ленты да бахрома на морозе, — невозмутимо ответствовал Стефан.

Киприан, мельком глянув на свой золочёный, со змейками и драгоценными каменьями посох, счёл необходимым вернуться к главному:

¹ Прямоугольный плат, которым обёртывали рукоять посоха, чтобы не касаться его голой рукой. Со временем сулки стали украшать золотной вышивкой, они стали негнущимися, и их просто привешивали к посохам.

— Евфимий, вольно или невольно, но ты презрел свой долг архипастыря. Князь — один из твоих духовных чад.

— Ох уж нет, — не вытерпел Евфимий, — не годится этот старый лис на роль несмышлённого дитяти. Потом, ты уж прости мне, владыко, за напоминание, но ты и сам не больно-то успешно Димитрия нянчил.

— Ты прав, — неожиданно согласился Киприан.

Он сказал это столь легко, что сделалось понятно, что за долгие годы изгнания и непризнания митрополит ничего не забыл. Его восхождение к власти стало для него Голгофой.

— Я не смог быть для Димитрия тем, кем был для него Алексий, который держал в своих руках бразды не только церковного, но и великокняжеского правления. Для архипастыря эта стезя опасная. Призванный учить миру и согласию, он оказался вовлечённым в войны, браны и раздоры, за что и упрекал его Патриарх Константинопольский, внушая, что рукоположил его митрополитом всей Руси, а не одной какой-нибудь её части. Я Алексию не судья, но и не ученик. Последний раз спрашиваю тебя, Евфимий, будешь с князем мириться?

— Ни за что! Хочу жить под Богом, а не под князем.

В глазах Киприана сверкнул гневный укор.

— В великие молчальники и печальники попасть норовишь? Такие нам известны хорошо. Только мне вот всё никак невдомёк: если миряне опасаются князя, потому что у них жёны и дети, стяжания и богатства, которых они не хотят лишаться, то вы, отрекшиеся мира и живущие одному Богу, как, видя такую злобу, молчите? Если ты желаешь добра душе великого князя и всей его отчине, зачем ты безмолвствуешь¹?

Стефан погладил рукоять своего посоха:

— Владыко, в тебе сейчас говорит старая обида на Сергия, не заступившегося за тебя перед московским князем. Я думаю, Преподобный знал силу духа твоего и знал волю сил высших. Возможно, он хотел, чтобы мерилом для тебя стало осознание всей тяжести ответственности? Сергий никогда не молчит просто так.

— Да, вышло по его. Я выпил эту полную горькую чашу до дна. Но ты к чему сейчас это вспомнил? Чтобы за него заступиться? — митрополит бесцеремонно ткнул пальцем в Евфимия. — Так пусть он с тобой местами поменяется, ему там, среди твоих снегов, отшельничать сподручнее будет. А ты здесь, подле меня, останешься, будем Русь своей духовной властью укреплять и объединять.

— Среди моих снегов, — усмехнулся Стефан, — отшельником быть не получится. Да и я, отче, вряд ли тебе здесь сгожусь: не умею чинить готовое, проще уж начинать с начала. Прости...

— Ну тогда ты, Антоний? Сколько можно в наместниках ходить.

Вот уж не ожидал! Я посмотрел на Евфимия... Я? На его место? Нет, не хотел бы. Взглянул на Стефана... А на его место встать мне не удастся, даже если очень захочу.

— Не смею...

— А если велю посметь?

¹ Почти дословно — письмо изгнанного из Москвы Киприана к Сергию Радонежскому.

— Прости мне, владыко, — ответил я чужими словами, — ты хочешь возложить на меня бремя выше меры, но ты не найдёшь во мне того, что ищешь¹.

Киприан, несомненно, знал, кому принадлежат эти слова и по какому поводу они были сказаны. Утратив ко мне интерес, он повернулся к сидевшему рядом с ним архидиакону. Тот как раз в этот самый миг потянулся к жбану.

— Арсений! — сурово приговорил митрополит.

— Нет! — вскричал, побледнев, архидиакон.

Квас, расплескавшись, обдал всех мятным духом и струйкой побежал со стола на пол.

— Не блажи, Арсений, — сурово осадил архидиакона Киприан. — Больше некому. Один Юстиниан остался, так ему к патриарху на доклад поспешать надо.

Грек, подняв брови, развел руками и как по писаному изрёк что-то витиеватое.

— Каждому своё дело², — усмехнувшись, коротко перевёл Стефан.

Евфимий встал из-за стола и с облегчением перекрестился:

— Слава Богу, пойду я.

— Что значит, пойдёшь? — нахмурился митрополит. — Это уж собор завтра решит, куда тебе идти.

— Знаю и буду в означенный час. Но сейчас-то я свободен?

— Отче, куда ты? — вмешался я. — Переночуй, места всем хватит. Я келью свою освобожжу.

— Спасибо, Антоний, мне на свежем воздухе будет лучше.

Он и вправду ушёл, проскользнув в полуотворённую створку ворот так тихо, что вратарь его даже не заметил и не почтил прощальным поклоном.

— В Спасо-Каменный³ его, — Киприан стукнул посохом. — Но если на соборе тих будет — тогда в Чудов.

20

Великое княжество Тверское,
р. Орша, Вознесенский Оршин монастырь,
в год 6917 месяца декабря в 20-й день,
полунощница

*«Не из праха выходит горе». Укромное место
для свидетельств. В поисках хозяина посоха.*

Закончив читать, Андроник бережно сложил рукопись, хотел было вернуть её на прежнее место, за образа, но задумался. Безопасно ли оставлять эти записки в обители? А если его самого постигнет та же участь, что и Антония? За какой из секретов наместник поплатился жизнью? О чём надлежало предупредить Епифания? Где он прячется вместе с трудником Кириллом? Почему?

¹ Так ответил Сергий Радонежский умирающему Алексию, когда тот предложил ему свой митрополичий крест.

² Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому своё дело, и приказал привратнику бодрствовать. (Мар.13:34)

³ Это один из первых монастырей на севере, которыйправлялся с ролью тюрьмы. Туда был сослан соратник Аввакума Иван Неронов (1653) и др. А в Чудове монастыре в заточении бывали архипастыри, начиная от епископов и кончая митрополитами.

Андроник снял висевший на шее холцовый мешочек и осторожно пересыпал в него содержимое из свёрнутого пергамена, который лежал там же. «*Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда*¹», — сказал он себе, расправляя листок, изрядно потёртый на изгибах — тот самый, ради которого погибла его Любушка.

Всем письменным свидетельствам надлежит быть в одном месте — надёжном и труднодоступном. Оставалось только решить, где именно.

Его взгляд снова упал на посох, который он положил перед собой, прежде чем начать чтение воспоминаний Антония. Он провёл рукой по изогнутой рукояти, охваченной растительным орнаментом. Андроник принялся изучать посох дальше. Ему показалось странным, что наконечник совсем не сбит.

Вложив в пергамены план тайных ходов Московского кремля (авось пригодится!), он тщательно свернул их гармошкой, примотав к верхнему основанию посоха. А чтобы послание не было заметно, обернул рукоять сулком с длинными концами. Теперь оставалось только вернуть посох его хозяину. В том, что им был Епифаний, Андроник уже не сомневался...

21

Московское великое княжество,
р. Волга, скит, в 4 днях пешего пути от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 25-й день,
полунощница

*Между черницей и чернецом. Молчальник или пособник?
Исчезновение Бориса. Бежать, снова бежать!*

Кирилл возвращался от матушки Параксевы в унынии. Настоятельница указала на дверь и ему, и Епифанию.

— Дозволишь ли добыть до Рождества? — попросил Кирилл.

— Сегодня же, после заката! — был неумолимый ответ.

— Опомнись, матушка, куда ж нам идти в ночи?

— То мне неведомо! — сказала и отвернулась.

— Скажи хотя бы, к чему такая горячка? Вести худые дошли до тебя?

— Ничего не ведаю, — поджала губы Параксева, но всё же добавила, выразительно глядя в глаза Кириллу: — Что чернец чернице наедине сказал, то между ними и умерло.

Кирилл хотел возразить — монахини, шикая, замахали руками, как вороны крыльями: не вздумай, мол, матушке настоятельнице перечить.

Епифаний, как одержимый, работал, торопясь досказать самое важное — то, ради чего писал:

«*Так, казня нас, господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь... И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая...*»²

¹ Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда, но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх. (Иов. 5:6,7)

² См. Сказание о нашествии Едигея.

Кирилл, переминаясь с ног на ногу, пересказал разговор с матушкой Параскевой. Епифаний принял как должное. Бережно укутал в чистый плат рукопись и книгу, задумался.

— Почему за тобой гонятся? — Кирилл не слишком надеялся на ответ.

Епифаний пожал плечами:

— Если я скажу, что и сам не знаю, вряд ли ты мне поверишь?

— Не хочешь говорить, так и скажи, — обиделся Кирилл. — Думаешь, не слышал, как ты Антония просил спрятать тебя с твоими спутниками?

Епифаний усмехнулся невесело:

— Так ведь нашествие... Каждый тщится уберечь самое дорогое. Мать, дитя своё хватает, книжник — книги.

— Может и так, только ты не особо огорчился, когда книги исчезли?

— Их не сожгли, и то ладно. Написанное остаётся.

Кирилл засопел...

— У меня теперь путь один, — нарушил молчание Епифаний, — в Братский затвор, где наша со Стефаном юность промчалась. Ты со мной?..

В дверь легонько поскреблись. Кирилл отворил — Анисья со снедью.

— А Борис где? Он же нам еду носит...

— Нету Бориса, в ученики я его отправила.

— К белоризцам? — наобум брякнул Кирилл.

Анисья не ответила. Глаза печальные, подбородок подрагивает.

— Здесь и сыр вялый, и каравай с рыбью, и трудоноши, — протянула тую стянутый узлом чёрный плат. — Ничего, что скромное, вы теперь путники. А ещё матушка велела, чтобы вы на неё зла не держали. Вот!..

И она протянула Епифанию посох с обёрнутой сукном рукоятью.

— Откуда он у тебя? Почему? — смешался Епифаний.

— В Орше, где вы до нас были, наместника зарубили, а отец Андроник возвращает твою вещь с предостережением. Бежать вам надо, бежать!

22

Московское великое княжество,
р. Волга, скит, в 4 днях пешего пути от Оршиного монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 26-й день,
повечерие

*Нераскаянный грех или нечаянное предательство?
Исповеди завтра не будет.*

Анисья гасила свечи, храм медленно окунался в темноту. Растворились в сумерках Царские врата, иконостас и клиросы. Рассеялся дымок погашенных свеч на аналое¹. Послушница дошла уже до кануна², как южные двери отворились, и из алтаря вышел монах.

¹ Высокий наклонный столик, на котором располагается храмовая икона.

² Особый четырёхугольный столик с изображением Распятия и ячейками для поставления свеч об упокоении, который располагается в левой стороне храма, рядом с изображением Голгофы — Господь, распятый на Кресте, и предстоящие ему Матерь Божия и апостол Иоанн Богослов.

Его чёрное облачение сливалось с мглой, в которую погрузился храм. Анисья лишь язвительно слышала скрип сапог и смутно различала бледное пятно огромного лба.

«*Пресвятая Богородице, спаси меня и не остави без Твоей защиты и покровительства...*» — зашептала послушница, крестясь.

Черноризец, подойдя к ней вплотную, протянул к ней распятие для целования. Анисья коснулась сухими губами, не смея отвергнуть.

— «*Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся*¹», — тихо, но твёрдо сказал монах, протягивая Анисье руку для поцелуя. — Столпам Церкви дана была власть снимать с сердец людей грехи, от них эта власть перешла к нам, церковным представителям. Я знаю, на твоей душе есть совершенный и нераскаянный грех, о котором ты сама не подозреваешь. Я хочу отпустить тебе твоё прегрешение невольное через особую разрешительную молитву.

— Я говою², батюшка, мне завтра на исповедь...

— Не должно отлагать времени своего исправления, завтрашний день неверен для нас, — Сатана мрачно усмехнулся, — иные, замыслив многое, не дожили до утра. Вот и ты утаила свой грех, потому что тебя толкнула на него матушка Параксева.

Анисья смотрела на него в огромном замешательстве, ей хотелось бежать, но ноги отказывались служить ей.

— Нет, что вы, батюшка, как возможно такое, — зашептала она, чувствуя, как по лицу её струятся горячие слёзы. — Я не таила, я как сыночка под сердцем почувствовала, так и покаялась. А в скит я уж с ним, когда он маленький был, пришла. Матушка настоятельница, царство ей небесное, меня поругала, а сыночка до отрочества при себе держать позволила. Это ещё до Параксевы всё вышло, а нынче он с отцом своим рядом будет научаться, там и постриг ему предстоит, он в страхе Божием взращён...

Сатана недоумённо посмотрел на неё. Он ждал другого признания.

— Бог не ждёт, чтобы мы были безгрешными, — наконец произнёс он, — потому что Ему ведома наша человеческая немощь. Единственное, что от нас требуется, — это чтобы мы, осознав свою греховность, устремились на путь покаяния. Я сейчас не о сыне. Я сейчас о пришельцах. Их звали Епифаний и Кирилл, ты им помогла бежать по просьбе матушки Параксевы, так?

Послушница в страхе посмотрела на него, не произнося ни слова. Сатана улыбнулся: молчание было красноречиво.

— Ты ведь согрешила только потому, что привязана к болеющей матушке Параксеве, и потому что пришельцы тебе понравились почитанием книжным, не правда ли? Не бойся, дочь моя, я сохраню тайну исповеди, открытие её кому-либо есть не прощаемый грех. Так куда они побежали, ты знаешь?

— Нет, батюшка, — рухнула на колени Анисья, — Епифаний лишь сказал, что теперь поведёт он...

— Куда?

— Не знаю, ничего не знаю!

¹ Иоанн, 20:22-23.

² Особое усердие в молитве и всяческом душеполезном ограничении.

— Я спрашиваю тебя лишь потому, что переживание и раскаяние невозможно без присутствия свидетеля. Без меня тебе невозможно очиститься от раскаянных грехов.

— Епифаний говорил о каком-то братском затворе, где у них с неким Стефаном юность прошла...

Анисья подняла голову на возвышавшегося над ней монаха и устрашилась, заметив промелькнувшую под усами улыбку.

— «Господь и Бог наш Иисус Христос...» — скороговоркой зачастил черноризец, небрежно крестя её, — отпускаю. Теперь тебе следует молиться в тишине и молчании до утра. Это исцелит твою душу, болеющую грехом.

И выскользнул из церкви.

23

Московское великое княжество,
р. Волга, скит, в 4 днях пешего пути от Оршина монастыря,
в год 6917 месяца декабря в 27-й день
первый час

*Сомнения рассеялись. Без прощения.
Апостольник на срубе.*

Промучившись сомнениями всю ночь, Анисья на утро кинулась к матушке Параскеве. Та по обыкновению страдала от недуга:

— Что припозднилась, молитва ещё когда закончилась, погибели моей хочешь? — встретила она послушницу. — Разотри ноги, онемели совсем.

Та кинулась на колени и, гладя дрожащими пальцами холодные, скрюченные ступни, всё рассказала.

— Дура окаянная! — ткнула в неё посохом игуменья.

— Не хотела я, матушка!..

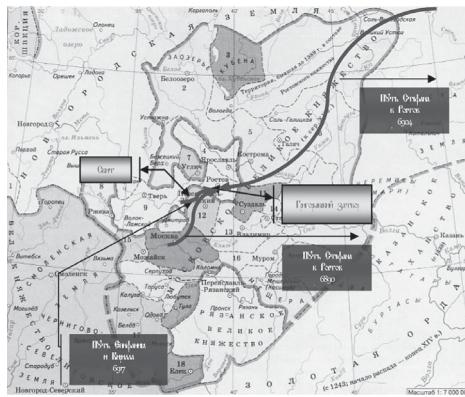
— Не хотела, а предала, — поджала губы Параскева. — С глаз моих вон, нет прощения!

Анисья кинулась опрометью из кельи. Морозя босые ноги (опорки скинула, когда в келью входила) и увязая в сугробах, добежала до колодца, перевесившись, заглянула в чёрное его нутро...

Но, вспомнив матушкины слова: «Ежели в колодезь попадёт жаба дохлая или мышь — вылить из него сорок вёдер, а сам покропить святою водою» — остановилась. Трясущимися руками сняла с себя апостольник, завязала на срубе — когда искать станут, догадаются, где она.

И уж только потом кинулась в непроглядную тьму головой вниз. В последней вспышке сознания она успела увидеть, как из ярко-зелёной рощи ей навстречу топает маленький сын. Белая рубашка, в которую он одет, ему не по росту, поэтому он запинается и падает. А она тянет к нему руки и смеётся от счастья, потому что это его первые шаги...

ГЛАВА II Григорьевский затвор

1

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 18-й день,
повечерие

*После долгой разлуки. Правда неизречённая.
Мученическая смерть книг. В поисках укрытия.*

В затворе приютили беглецов без лишних вопросов. Кирилла игумен поселил в пустовавшую труднишную, а Епифанию освободил ту самую келью, в которой он жил ещё в отрочестве. Казалось, стоит смежить усталые веки — раздастся ломкий юношеский басок Стефана и его притворно строгий окрик: «Когда же ты перестанешь досаждать мне, Епифаний!»

Епифаний отложил перо: нить рассуждений, которую он терпеливо распутывал, снова потерялась в клубке хитросплетений, противоречий и недомолвок. В поисках поддержки он обвёл взглядом родные стены, отыскивая на потемневших бревнах знакомые сучки.

Он съзмальства любил угадывать в лучистых изгибах линий незаконченные портреты, в которых изограф успел лишь нарисовать самое главное — глаза. Эта игра особенно удавалась на закате, когда багровый отблеск подчёркивал их выражение: грустные становились печальными, добрые — кроткими, лукавые — злоказненными, а вот эти два вытянутых кверху овала напоминали глаза вечно удивлённого келаря, а эти — посаженные близко друг к другу, скорее подошли бы затаившемуся в засаде волку...

Ломило спину, Епифаний встал, по телу разлилась блаженная усталость: он только сейчас вспомнил, что сел за работу на рассвете. Предметом его бдений была та самая книга, которую спас на пожаре Кирилл и с которой теперь ни на минуту не расставался Епифаний.

Захватив её с собой, иеромонах спустился с крыльца со смутным ощущением неуверенности в себе: вернувшись в затвор после долгой разлуки, он сверял свои воспоминания с тем, что открывалось взгляду.

В восточном крыле, где его поселил игумен, как и прежде, размещались десять братских келий, а в западном располагалась иконописная мастерская. Епифаний запрокинул голову вверх — колоколенка уже не казалась столь высокой как тогда, когда он смотрел на неё двенадцатилетним отроком. А вот саженцы наоборот стали садом. Уезжая из затвора в Троицу, Епифаний оставил их робкими прутиками, теперь же они заслонили собой заснеженный погост. Мальцом Епифаний избегал ходить мимо могильных плит. Если его посылали к амбарам у тына, он петлял между фруктовых деревьев и возвышавшимися над ними караульной, гостиной, труднишной... Теперь яблони в заснеженных шапках казались великантами, а кельи — игрушечными избушками, примостившимися под их сенью.

Епифаний повернул вправо. Тропинку к книгохранилищу, располагавшемуся в восточном приделе церкви, бывший воспитанник затвора нашёл бы и с заявленными глазами...

Впервые за долгие дни бегства на Епифания сизошёл истинный покой. Книжник улыбался, жадно вдыхая знакомый с отрочества запах. Так младенец, оказавшись на руках у матери, затихает, почувствовав биение её сердца и привкус молока. В книгохранилище витал лёгкий дух киновари и чернил. Казалось, даже сам воздух был того же свойства, что и громоздившиеся здесь на столах и стеллажах свитки, пергамены, огромные, тяжёлые изборники. Их переплёты распространяли особый аромат дерева и кожи. Всё здесь было словно настояно на веках: береста напоминала о прошлом, бумага возвращала в настоящее, а пергамен служил связующим звеном между ними. Рукописная мудрость была растворена в свете свечей, в потемневших рубленых стенах, в отполированных локтями писцов и чтецов столах...

Положив свою книгу на край лавки, Епифаний взял изборник, лежавший в стопке сверху, раскрыл. В глаза плеснуло киноварью заглавных букв: «*Поучение душеполезна... князем и бояром, всем правоверным християном, христоименитым людям митрополита всея Руси...*»¹

Имя митрополита было прилежно выскоблено. Епифаний грустно усмехнулся: исходно должно было стоять имя Митяя, наречённого Михаилом. Указание его авторства, по мнению переписчика, лишало бы сочинение необходимой авторитетности. Прав был Киприан, когда отмечал в «Повести о Митяе» враждебность княжеского любимца к монахам и игуменам. И всё же было в Митяе то, что смогло примирить его со многими в Москве, — дерзновенная мысль о полной автокефалии² русской церкви. Киприан же всеми средствами старался сохранить митрополию единой, даже тогда, когда не стало его главного вдохновителя и защитника — Константинопольского патриарха Филофея...

Епифаний погрузился в размышления настолько, что не сразу заметил хранителя Алферия. Он был горбат и стар, но по-прежнему зорок и проворен. Бесшумно

¹ Ныне поучение (по спискам XVII в.) известно как принадлежащее перу святителя Алексия, но авторство это оспаривается.

² Учреждение независимой от Константинополя (Царьграда) русской митрополии.

вынырнув откуда-то из-за ларей с рукописями и едва глянув на открытую книгу, он тут же угадал невысказанные мысли Епифания:

— Сомнения при исправлении и переписывании мучительны и тяжки.

— Но, отец Алферий, разве потомки наши не смогут проверить, истинно ли повествуемое и, усомнившись, отыскать преданное забвению или обойдённое глубоким молчанием? Разве не писал Василий Великий в своём поучении: «*Будь ревнителем праведно живущих и имена их, и жития, и дела записывай на своём сердце*»?

— «Праведно!» — поднял дрожащий перст Алферий. — Обязанность беспрерывной летописи тяжких времён утешать сердца, поучать их, а не запутывать. В нашем затворе мы свой иноческий долг книжников видим в том, чтобы, сберегая слабые искры византийской образованности, дать духовенству свидетельство похвальное и справедливое.

— Знаешь, Алферий, а я когда пишу, нет-нет да и думаю: как обойдутся с выстраданным мною переписчики? Дерзнут ли что-нибудь исправить по своей или чужой воле? Вдруг *написанное кому-то покажется неугодным из-за того, что я так много высказал против неблагочестия, случившегося на нашей земле?*

— Летописец должен быть беспристрастен. А ты оцениваешь!

— А какая же справедливость без истины?

— Помилуй бог, «*что есть истина?*»!¹ — отмахнулся раздражённо Алферий.

— Но разве не должны мы, не оскорбляясь и не ожидая почитания, поступать так же, как Начальная киевская летопись, которая, ничего не тая, описывает всё бренное земное? Да и наши первые властители, не гневясь, повелевали описывать всё происходящее, доброе и худое, что и другим после них образцом будет; таким был при Владимире Мономахе великий Сильвестр Выдумицкий, писавший без прикрас и скончавшийся в почёте. И мы этому учимся — не проходить мимо всего того, что случилось в наши дни, чтобы властители наши, узнав об этом, внимали бы таким делам: пусть молодые почитают старцев и одни, без опытнейших старцев, ни в каком земском правлении не самочинствуют, ибо «*красота града есть старчество*»².

— «*Спроси у отца своего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе*»³, — подхватил Алферий, которого память в последние годы подводила во всём, кроме знания Писания. Но, заметив лежащую на крае стола книгу Епифания, он переменил тему: — А это что за Служебник? Это не наш. Ты принёс? Как называется?

— А вот как, отче, нынешние затворники нарекут его: по-гречески *Тетропрангелие* или по-русски *Четвероблаговестие*? — едко спросил Епифаний, ещё не остыv от внезапно вспыхнувшего спора.

— И ты заметил, что в затворе уже не то, что прежде? — грустно кивнул Алферий. — Печаль не в том, что славянский язык вытесняет греческий, а в том, что на самой духовной традиции лежит тусклая печать запустения: Русь — под Ордой, Византия — под крестоносцами. Вот и в затворе эллинистическое науче-

¹ Ин. 18: 37-38. Этот вопрос в Евангелии от Иоанна Пилат задал Спасителю, Он отвечает, обращаясь к Небесному Отцу: «Слово Твое есть истина» (Ин. 17:17).

² См. Сказание о нашествии Едигея.

³ Втор. 32:7.

ние языкам, богословию, философии и иконописи скudeют. А ведь ещё в прошлом веке не то что архипастыри и монахи, иные князья и бояре книжниками были изрядными. А нынче вместо учёности — грамотность, да и то наполовину — читающих по-гречески осталось совсем мало. В такие мрачные годы самое место монастырскому подвигу, в котором книги — наущная потребность...

Епифаний с грустной нежностью смотрел на Алферия. За те годы, что они не виделись, хранитель сильно сдал. Ещё тогда, когда они со Стефаном были в затворе молодыми послушниками, Алферий казался им едва ли не стариком, и только теперь, спустя сорок лет, Епифаний вдруг понял, как молод был тогда хранитель. («И зачем я только затеял со старцем этот ненужный спор?»)

Епифаний пошёл вдоль полок, перебегая пальцами с корешка на корешок, словно обмениваясь с книгами рукопожатием.

— Старые знакомые? — кивнул хранитель.

— Больше чем знакомые — наставники, друзья, как и ты, Алферий...

Повернувшись, иеромонах увидел широко распахнутые выцветшие глаза хранителя, смотревшие на него снизу вверх с благодарностью.

— Так как, дашь посмотреть свою книгу? — Алферий протянул руки, как дитя в ожидании манны небесной.

Епифаний застыл в нерешительности. В нём ещё эхом звучали слова хранителя: «*Обязанность беспрерывной летописи тяжких времён утешать сердца, поучать их, а не запутывать*». До этого внезапно вспыхнувшего спора Епифаний с лёгким сердцем доверил бы ему свою книгу. Смутившись, он отвернулся и спросил, не отрывая взгляда от корешков:

— За те годы, что меня тут не было, пополнилось хранилище?

— Какое там, многих книг мы лишились прошлым летом в пожаре, — вздохнул Алферий. — Огонь опустошил Великий Ростов. Сгорело пятнадцать церквей. Успенский собор тоже пострадал, священные облачения, украшения, иконы — всё дотла. Так пламя бушевало, что камни оплавились и верх церковный едва не провалился. Затвору тоже досталось.

— Иным книгам, как и людям, *плетутся венки мученические*, — печально откликнулся Епифаний. — А Стефановы книги? Что-нибудь из его трудов уцелело? Из тех, что он переписал или сам сочинил?

— Все претерпели немало, — уклончиво ответил Алферий.

В глубине души он обиделся на Епифания за то, что тот так и не показал ему свою книгу.

2

Пояснительная записка хранителя книг Григорьевского затвора Алферия о событиях в год 6905¹ месяца апреля 12-го дня и о том, что им предшествовало

Накануне этого достопамятного и тревожного дня я, недостойный инок, с Божией помощью вернулся с Афона, куда ездил по благословению владыки для

¹ 1396 г. от Р.Х.

собрания книг и рукописей. Подобно тому, как человек на чужбине понимает, что значит для него отчина, так и я, невежда, уразумел, побывав в Святой Горе, что соверши я свой жизненный путь, минуя Григорьевский затвор, тщетны были бы все мои усилия.

Я был поражён сходству: оказывается, мы в затворе читали тех же святых отцов и те же жития святых, что и наши греческие братья. Если чем и отличались наши книгохранилища, так это подбором богословских полемических трактатов.

До сего времени мы в затворе были ограничены в их выборе, за исключением сочинений, непосредственно имеющих отношение к нашей митрополии, а также некоторые *scholia* Максима Исповедника, переведённые афонским монахом Исаией и собственноручно переписанные нашим митрополитом Киприаном. Но ныне и этот пробел будет устраниён благодаря щедрости, которую проявили настоятели святогорских монастырей, великодушно поделившись с нами означенными трудами.

Мне не терпелось соединить сочинения, привезённые с Афона, с нашими собраниями. Но прежде следовало обновить описание находящихся в затворе книг. Скромный запас свеч не располагал к расточительности, потому пришлось дожидаться рассвета. Никогда прежде мне не приходила в голову дерзновенная мысль поторопить солнце. Сотворив утреню с поспешностью, которая была бы непростительной в любом ином случае, с первыми лучами приступил я к волнистому занятию.

Многогрешный и непотребный раб, я касался своими руками редчайших сокровищ! Ими владели князья ростовские, передавая от отца к сыну. Их блюли архиастыры, которым перепоручили последние потомки великого рода, чтобы наследие не покинуло отчины. Их, спасая, везли к нам со всей многострадальной Руси. Перебирая свиток за свитком и разглаживая пергамены, беря книгу за книгой и ощущая увесистую толиць их обложек, я чувствовал себя так, словно пожимал руки давних друзей, а скорее, учителей. Бог сотворил не только небо, землю и всё сущее на ней, но и три самых важных из искусств — грамматику, риторику, философию. Нельзя вдохнуть в душу Слово, оставив бесплодным ум.

Увлёкшись, я и не заметил, что в книгохранилище, кроме меня, есть ещё кто-то. В том, что я увидел его не сразу, нет ничего удивительного. Если кто-нибудь не знает, я горбун. Сам по себе упомянутый телесный изъян является для книжника дополнительным удобством, ибо зачем склоняться над книгой тому, кто и так в три погибели согнут? Мой нос всегда на одном уровне с книгой, на какой грядке она бы не стояла, а бренное тело — на приставной лесенке, с которой расстаюсь только тогда, когда сплю. Но в то мгновение, когда меня окликнули, я трудился вовсю: взобравшись на предпоследнюю перекладину, я переписывал названия книг, располагавшихся под самым потолком.

— Отец Алферий! — голос не принадлежал ни одному из монахов затвора, но в то же время было в нём нечто такое, что не позволяло причислить его к чужим.

Я начал неспешно спускаться. Лестница удобна ещё и тем, что она позволяет не только набирать искомую высоту, но и снижать её с не меньшей точностью.

Опустившись на четыре ступеньки вниз, я оказался бровень с бородой воззвавшего ко мне гостя. Она была длинной и седой. Мне пришлось вернуться на одну ступеньку вверх.

И тут мне показалось, что времена сместились: этот пристальный взгляд я чувствовал на себе всякий раз, когда пытался выпроводить из книгохранилища засидевшегося над рукописями молодого монаха. Да это же Стефан Храп! «Приложен к чтению — приложен и к молению...» Сколько раз поторапливал я его, засидевшегося до полуночи, именно этими словами?

И сейчас — сомнений не было — передо мной стоял именно он. Поседевший, но всё же прежний, с тем же книжным разумом в карих глазах. Пожалуй, они за эти годы посветлели. Так яснеет вода в роднике, когда её подёргивает первый прозрачный ледок.

— Здравствуй, отец Алферий, — повторил он, — я к тебе на поклон приехал.

Даже если бы я попытался скрыть удивление, у меня бы не получилось. Для чего может понадобиться епископу Пермского края хранитель книг Григорьевского затвора?

Но я не стал торопить его вопросами, просто сидел на своей стремянке и ждал. Если человек сам выучился редчайшему языку и сочинил невиданную грамоту, то и сейчас он знает, для чего пришёл. Так оно и было.

— Ты ведь знаешь, отец Алферий, что труд, которым я занимался, — книгописание, — начал он. — Ты и сам немало здоровья потратил, читая и переписывая святые источники. Вот и у меня это было постоянным делом все мои годы. Днём я занят, а вот ночами немало с русского языка на пермский перевёл, да и с греческого тоже. Пермская грамота мне привычнее и... надёжнее эллинской и русской. Веришь, я уж и думать по-пермски стал, кое-что из мыслей своих записал. Возьми и попытайся сохранить.

— А почему ты не отдашь Епифанию? Разве вы не духовные братья?

— Потому у него первого искать и будут. А если кто-нибудь у тебя спросит, что это за грамотки, то ты им, пытливым, правдиво ответишь: «Не могу ни разъяснить, ни растолковать, ни переложить». Пусть мысли мои в книгохранилище своего часа ждут. А я, когда время моего ухода настанет, буду знать, что попытался сделать то, что сделал.

— О каком уходе ты говоришь?

— Все на земле живущие умирают...

* * *

Я сделал перед самим собой вид, будто не придал значения этим его словам. На самом же деле всё внутри меня умерло, таким тоном он это произнёс. В его словах не чувствовалось ни страха, ни боли, ни тревоги. Ничего! Наверное, это было дыхание смерти, её безмолвный и скорбный вздох.

Было время, когда я заблуждался, думая, что знаю Стефана Храпа как никто другой. По монастырскому правилу, вступивший в обитель новый инок вверялся старцу, который старался воспитать в послушнике смиренномудрие, ибо умерщвление воли есть источник всех добродетелей. Стефан был препоручен мне, как книжник книжнику.

С необычайным тщанием принял я составлять монашескую азбуку моего

подопечного: после Псалтири, Евангелия с Апостолом я отложил превосходные писания Святого аввы Дорофея и Святого Иоанна Лествичника... Когда собрание пергаментных манускриптов, выложенных на отдельный стол, угрожающее накренилось, я решил, что для начала довольно.

Итак, читай, инок, желающий спастись, читай книги святых отцов и по нуждай себя на делание того, что они пишут, ибо чтение — источник чистой молитвы. И Стефан Храп читал, как никто другой, со всепоглощающей участливостью.

Но если я и был удовлетворён своим учеником, то собой как наставником я довольноствоваться не мог. Разве можно научить побеждать свои желания, принуждая читать инока, для которого это занятие — высшее наслаждение? Надо было приказать ему делать нечто, к чему он не испытывает расположения. Возможно, надлежит обязать его переписывать священные книги?

Я решил, что ему надлежит приступить к самому трудоёмкому — к учительному Евангелию, сопровождавшемуся толкованием византийских экзегетов. Три дня кряду я с удовольствием здел согбенную спину моего подопечного, он поднимал голову лишь затем, чтобы долить чернильницу. На четвёртый день я вдруг заметил, что манускрипт, с которого он списывал, отодвинут в сторону, а на его месте лежит раскрытая книга.

Предчувствуя неладное, я подошёл, чтобы убедиться: он сверялся с Новым заветом, подаренным затвору афонскими монахами, и, стало быть, написанным по-гречески! Я задохнулся от возмущения и ужаса, но всё же постарался выглядеть рассудительным.

— Чем ты занят?

Он не испугался и не смущился, хотя и был застигнут врасплох:

— Вникаю...

— А древнерусский текст Библии для тебя не самодостоверен и не богохновенен?! А тебе известно, что Господь оберегает паству от мудрствования? «Вы взяли ключ разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали»¹.

— Но, отче, разве это грех — разуметь не только славянские, но и греческие книги?

Мне невыносимо стало продолжать стоять и смотреть на него снизу вверх. Суть даже не в том, что я на сей раз был без своей спасительной лесенки, а в том новом знании, которое я чувствовал в своём ученике. Страшась продолжить, я всё же понимал, что это необходимо. Но сначала мне надлежало обрести хотя бы внешнюю уверенность.

Я вернулся в свой угол, где работал, взобрался едва ли не на самую верхнюю перекладину лестницы и спросил оттуда:

— Ты помнишь, что обязан открывать помыслы, как только они возникнут, своему наставнику на пути Божием?

— Да, отче, я не забыл, — он отложил перо. — Мной овладела одна мысль, которая может тебя огорчить.

— Говори.

— Только прости, отче, давно уж это задумано мной, потому и в затвор пришёл.

¹ Ср. Лук. 11:52.

Он запнулся и замолчал. Не было смысла торопить его или корить за то, что не он первым начал этот разговор. Я сам виноват — довольствовался внешним подчинением инока, хотя знал, что этого недостаточно для духовного понуждения себя на труды послушания, надобно ещё и внутреннее, келейное смиление. Имеет ли его Стефан Храп? Это мне и предстояло сейчас выяснить.

— Поделись со мной своим замыслом.

Он благодарно кивнул:

— Да, отче... Услышал я ещё в детстве от матери и иных людей о Пермской земле, что в ней идолослужители и дьявольское действие царствует. Но все люди ведь Богом сотворены и Богом почтены, а эти стали рабами Его врага. Я ещё маленьким, отче, придумывал, как бы их похитить из руки этого супостата¹. Только тогда я ещё не знал, как...

— А теперь знаешь?

— Знаю, отче. Надо идти в Пермскую землю и учить её.

— Как же ты собираешься это сделать? Они должно быть не только Бога, но и языка нашего не разумеют...

— Вот! Я тоже об этом думал и долго не знал, как мне быть. Но ты мне, отче, дал один список...

Я едва не застонал. Кто я после этого? Червь книжный, потрудившийся против своего ученика!

— Отче, — вернул меня к действительности голос Стефана, — можно мне продолжить?

— Говори, — махнул я рукой так, что едва не свалился с лестницы. (Чего уж тут беречься, теперь всё равно...)

— Осторожнее, отче, молю тебя, — Стефан на всякий случай встал поближе, намереваясь, видимо, поймать меня, если всё же обрушиусь. — Так вот, у архиерея Никифора я вычитал ответ на свой вопрос. Он пишет, что духовный пастырь, не зная русской речи, стоит среди пасомых безгласен и совершенно безмолвен.

— Постой, эту летопись я не давал тебе переписывать.

— Да, но она была вместе с другими древними списками в переплётке.

— И ты вместо того, чтобы работать руками...

— Но я же переплёт, отче...

— Ладно, оставим это на время. Вернёмся к ответу Никифора. К какому заключению ты пришёл на основании его слов?

— Чтобы идти в Пермскую землю, отче, нужно постараться выучить пермский язык и создать пермскую письменность, чтобы привести неверных к Богу.

— Да такое и помыслить немыслимо! — Лестница подо мной зашаталась, и находившийся поблизости Стефан оказался весьма кстати. Поневоле ухватившись за плечо моего подопечного, я счёл необходимым спуститься на две ступеньки.

— Предположим, тебе удастся стать самотворителем новой грамоты. Зная твою книжность, я даже не сомневаюсь, что тебе под силу изобрести невиданные буквы. Но как ты собираешься переводить на язык своих язычников Святое писание?! Так и до ереси не далеко, упаси Бог...

¹ Читай Житие.

— Отче, Солунских братьев¹ упрекали в ереси лишь потому, что если надпись на кресте, на котором распяли Христа, была только на трёх языках — иудейском, эллинском и латинском, то, мол, только на этих трёх языках и подобает воздавать хвалу Богу. Но те тёмные времена канули в лету. Разве русский язык не достоин Священного писания, да и все прочие? Разве есть у Бога нелюбимые народы? «И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещивать»².

Я не знал, что и сказать. Сознавая свою ничтожность и неспособность к наставничеству, я помчался в припрыжку к игумену Максиму, хотя и знал, что буду не кстати. По окончанию службы он имел обыкновение пребывать в безмолвии, погружаясь в чтение, чтобы празднословием не погубить прибыток, собранный от псалмопения. Но я не мог медлить. Никогда я ещё не испытывал такое смущение души, как после признания Стефана Храпа. С одной стороны, открытые им помыслы свидетельствовали об их чистоте. С другой стороны, при отсечении своей воли, нужно и отсечение своих разумений, а этого в моём подопечном ни на йоту не было.

Я сбивчиво начал свой рассказ... Слушая меня, игумен суворел на глазах. И от этого было ещё больше не по себе. (Мы были с ним большими друзьями с юных лет, вместе подвизались в монахи, вместе принимали постриг. Но уже тогда я звал его Максимой.)

— И потому вы оба пропустили службу?

Я сокрушённо развел руками.

— Хорош наставник! — только и сказал Максим, осеняя себя знамением честного и животворящего креста. Я поспешно последовал его примеру, понимая, что предстоит келейная молитва. Мытарь³ одним словом умилостивил Бога, но иное дело многогрешный монах, «грязь и мразь», коими считал себя Максима. Его молитвенное правило в редком случае ограничивалось сотней молитв.

Боже! Милостивъ буди мнѣ грѣшному!..

Боже! Очниsti грѣхи мои и помилуй мя!..

Создавый мя, Господи, помилуй!..

Безъ числа согрѣшившихъ, Господи, прости мя!..

На первых десяти молитвах — по земному поклону, на следующих двадцати — по поясному поклону, на последней сотой молитве — опять земной поклон...

Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго!..

И снова земной поклон...

Я едва не начал вновь читать Иисусову молитву, как игумен мягко остановил меня:

¹ Кирилл и Мефодий.

² Деян. 2:4.

³ Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! (Лук.18:13)

— Довольно, Алферий, потрудимся в полунощницу. А сейчас поведай ещё раз, чем огорчил тебя твой ученик.

Я уже более упорядоченно пересказал открытое мне Стефаном, ничего не утаивая и не преуменыша своей вины.

Игумен, покашливая, принял разглаживать усы. Я стал готовиться к епитимии.

— Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, необъявленные отцу духовному, превращаются в дела¹, — отозвался Максим словами Лествичника.

Я уже не то чтобы ждал епитимии, я призывал её на свою седую голову с тем же тягостным нетерпением, с каким притихшая природа ждёт, когда небо разорвёт первая молния. Только она ведь метит в высокое дерево, а не в искривлённый пень, каким я себя выказывал.

Так оно и случилось. Оставив в покое усы, игумен зажал в горсти бороду.

— В качестве епитимии твоему ученику — каждый день в течение шести недель канонаришь во время литургии в храме.

— Прости, отче, только он примет это за милость Божию и будет очень доволен такою епитимией. Он ещё маленьким ребёнком был конанархом, а затем чтецом в соборе, где отец его клириком служил. Да и ныне он приходит в церковь самым первым, а уходит самым последним.

— Тогда... — Максим размышил, забыв о бороде, которая по-прежнему пребывала у него в кулаке. — Чему учит нас Святое писание? Не полагаться на самих себя, ибо Богу открыто сердце молящихся, и Он лучше каждого из нас знает, что нам полезно. Наложи на него вот какую епитимию: сорок ден читать келейно молитву мытаря, не менее тысячи раз с земными поклонами. Это первое. Второе... Есть ли нечто, в чём он не преуспел? Научил ли ты его чтению ради понимания?

Я покаянно развел руками:

— Сказать по совести, он ещё в Устюге выучился искусству грамматики и книжному делу. Читает внимательно и медленно, пока по-настоящему не уразумеет слова каждого стиха, а неудобопонятное просит разъяснить. И ночевали, и утрунивали мы с ним в хранилище, настолько он старался вникнуть. Книжник из него вышел искусный, переписывает, переплетает красиво и быстро, прясть из шерсти нити, нужные для сплетения книг, тоже умеет, и в изографии преуспел изрядно, и во внешней философии осведомлён.

— Тогда от книжного хранилища его отлучи, поставь... на рубку дров. Иди и объяви ему, а после возвращайся — помолимся за него с благоговением да терпением, дабы был он услышан.

* * *

Я исполнил всё в точности. После ночи наступало утро, его сменял день... Поленница дров, заготовленных Стефаном, подпирала стреху. У тына лежали аккуратно сложенные чурбаки, предназначенные для колки.

— А сам где? — спросил я у монахов, выполнявших послушание на поварне.

¹ Лествица. Сл. 26.

— На раскорчёвке, — ответил самый юный, Епифаний, его я частенько видел в хранилище рядом со Стефаном. — Ушёл, едва светать начало.

Я задумался... Большие пни, мешавшие обработке земли, давно просились в дело, но работа была столь тяжкой, что вымывала все силы даже тогда, когда брались за неё совместно. А уж в одиночку! И тем не менее рядом с чурбаками валялись разрубленные на части кряжистые корчи. В несказанной духовной радости я осенил себя знамением, но тут мой взгляд упал на прислонённый к поленнице посох.

Посох — символ пастырской власти, и он так просто сам по себе на дворе стоять не может. Оглянулся в поисках батюшки игумена — не видать. Приблизился, чтобы рассмотреть... Да что ж это такое, святые отцы угодники! Высокий, с перехватами жезл был бровень с моим лицом, что указывало на его длину — чуть менее двух аршинов¹. Рукоять была лишь вчерне остругана — значит, свежая работа.

— Чей посох, Епифаний?

Молодой монашек ответил с ходу:

— Стефанов. Он, батюшка, когда устанет совсем дрова сечь, строгает помаленьку... Сказывает, что когда одну работу другой сменяешь, думается легче.

— Ах «думается»!.. — я повторил это таким тоном, что Епифаний от меня отрыгнул.

И тут я заметил у него самого на душегрейке и на подоле свежие стружки. Уговаривая себя не спешить, я помог Епифанию набрать поленьев и поинтересовался, как можно безмятежнее:

— Это Стефан в подарок отцу игумену делает или кому другому?

— Так ведь... — задумался Епифаний, обнимая охапку дров, — это посох не архиерейский, а подорожный.

— С чего ты взял?

— Да ты и сам, батюшка, рассуди: посох из карачая², ему сноса не будет. Иное дерево, в воде побывав, гниёт, а это крепче железа становится. На века хватит!

Вспыльчивость — проявление страстей, потому я сосредоточился на показанной молитве, чтобы продолжить разговор с изрядной долей отрешённости.

— Аминь!

Позабывши, я закончил молитву вслух, причём так истово, что Епифаний перекрестился и уставился на меня в нескрываемой тревоге.

— А ты ему помогаешь? — кивнул я на стружки на его рясе.

Епифаний смущился:

— Да не то чтобы помогаю. Я, отче, свой посох делаю.

— И как, получается?

— Стараюсь, — воспрял духом монашек.

— Покажешь?

— Да я только начал, отче...

И беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: посох, который делал Епифаний, был точным подобием Стефанова посоха.

— Ага! И тебе архиерейский посох подавай, да?!

¹ Если быть абсолютно точными, 2 аршина без $2\frac{1}{2}$ вершков, или 125 см.

² Лиственница, карачай или негла, хвойное дерево *Larix*, роняет к зиме мягкую хвою.

— Да как можно... Да я...

— Что ты, Епифаний?! Я стар, но не слеп: и владычий посох от обыкновенной поповской клюшки отличить ещё горазд!

* * *

Я шёл с печалью. Все — вплоть до безусого инока — витают в облаках, словно и не читали Святое писание, в котором сказано: «Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе»¹.

Впрочем, как на всё это ещё посмотреть. В конце концов, ничего страшного не произошло: Стефан Храп действительно работает руками, выполняя даже больше, чем предписывалось — выкорчёвывает деревья. Что до посоха, то изготавливая его, он не обязательно мечтает о белом клобуке. А с мальчишками так и вовсе что взять. Он от Стефана ни на шаг, иногда даже кажется, что и в хранилище за книгами просиживает лишь только для того, чтобы от Стефана не отставать. Оба ведь устюжские, вот малец душой к земляку и льнёт.

Гораздо важнее убедиться в том, что Стефан исправно выполняет главную часть епитимии — тысячуекратно читает молитву мытаря и кладёт поклоны.

Он как раз взял в руки лестовку², отмечая очередную сотню, когда я тихонько приотворил дверь его келии. Что может быть отраднее такой картины! Возблагодарив Бога, я повернулся, чтобы уйти, и в это самое мгновение услышал:

Мэзосё Йенмё!

Я замер, холодея от предчувствия.

Мылышты мэнё грэка мортёс! Амин.

Слово «грэка» едва не отозвалось в моей душе музыкой. Но радостная песнь умолкла, не родившись. Это был не греческий, я его знал изрядно, как любой в затворе. Стефан молился на совершенно незнакомом языке! Но то, что это была молитва, сомневаться не приходилось. И от этого становилось совсем не по себе.

* * *

Как должен был бы поступить в таком случае старец духовный, имеющий рассудительность, а не просто от времени поседевший? Не ведаю, ибо первым не являюсь. Я себя не помнил. Ворвался в келью, требуя ответа. Стефан Храп был бледен, но твёрд.

— Отче, я исполняю епитимию.

— Ты это называешь исполнением?

— «Если кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много троє, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу»³. Отче, я говорил с Богом.

— Нет, всё не так, ибо я нуждаюсь в том, чтобы ты мне растолковал, что значат сии слова, с которыми ты посмел обращаться к Богу!

— Отче, это и есть молитва мытаря, которой ты обязал меня. Я только перевёл её на пермский. Слово в слово, — он протянул мне листок.

¹ Рим.12:16.

² Чётки для счёта молитв и поклонов.

³ 1Кор. 14:26-28.

ՄԱՐԱՆ ԱՆՎԵՐԻՑՆԿ
ԸՆՎԵՐԱՆՎԻՆ ՀԱՅ:

У меня всё поплыло перед глазами. Я не разумел не только букв, но и самого происходящего. Всё, чего я хотел, — это проснуться. Но тяжёлое, вязкое сновидение меня не отпускало. И я, чувствуя, каким непослушным сделался у меня язык, сказал, едва понимая себя самого:

— Да, доброе толкование, ничего не скажешь... Для посожа у тебя такое же объяснение?..

— Для посоха? — повторил Стефан удивлённо.

И тут я словно вырвался из сонного плена, меня прорвало:

— Ты куда собрался?! В Пермь свою?! А помнишь ли ты: «И сказал им: ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды»¹?

— А я, отче, о Давиде думал: «И опоясался Давид мечом его сверх одежды и начал ходить, ибо не привык [к такому вооружению]... И снял Давид всё это с себя. И взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращою в руке своей выступил против Филистимлянина»².

— А ты против кого посохом да буквницами воевать собрался?

— Отче, я не против, я за. За Христа, за веру, за людей неверных, некреща-
ных. Они, народы языческие, как в Писании сказано, языцы. А коли так, то и
оружие против них язык.

— Отомнись, Стефан, что ты такое несёшь?! В земле этой не ходили ногами и святые апостолы. Ты пропадёшь там, как овца среди волков!..

— А ты помолись за меня, отче, поспешествуй³ мне.

— Нет, не проси. Ты книжник, Стефан, милостью Божией, вот на это тебе моё благословение, после меня хранителем книг в затворе будешь. Иного слышать не желаю, потому как мною, что посох тебе этот видится жезлом силы и славы⁴.

— Отпусти меня, отче! Не дай ныти от тебя с тяжелым сердцем.

— Ты не ответил мне. Думаешь, не вижу, что рукоять архиерейскую тебе
страгаешь?

— Не об этом думал, когда фигуру избирал. Рукоять как буква Т. По-славянски — «Твёрдо», а по-permски — «Тай», у них словцо такое есть, вроде нашего «является», вот я такую букву в азбуку permскую и включил, да и дорога в Перми Великой с этой же буквы начинается — «Тий»...

• • •

Мой путь лежал ближе — в келью к игумену Максиму. Чем дальше я ему рассказывал, тем больше недоумевал, читая в его глазах сначала цепкий интерес, затем нескрываемую радость.

1 *ЛУК.* 9:3.

² 1 Цар, 17:39-41.

³ *Поспешение* — успех, усердный труд. *Помогать, пособлять*.

⁴ Ср. Пожалейте о нём все соседи его и все, знающие имя его, скажите: «Как сокрушён жезл силы, посох славы!» (Иер. 48:17)

Размашисто перекрестившись на образа, он провёл рукой по стене в поисках тайной защёлки. Дверца отворилась, и Максима достал кувшинчик, заткнутый пучком калины.

— Ну что, дружище Алферий, готовь посуду. Здоровому идержанному довольно одной меры в день, болеющему можно употребить две, а нам с тобой сегодня полагаются все три. Наливай!

Не зная что и думать, я наполнил чаши. Игумен поднял свою:

— По завету отцов, лучше малое и всегдашнее, нежели многое и маловременное. Таковы, Алферий, и наши с тобой по Богу труды. Но одно мы с тобой сделали отменно: приготовили ученика на подвиг Евангельской проповеди. А сейчас надо найти в себе силы отпустить его с благословением. Спаси и сохрани его, Боже, ибо много найдётся желающих обуздить его так же, как смиряют горячего коня, заворачивая ему храп кляпом...

Я удивился так, что, забыв о чаше в руке, едва не расплескал её.

— Господи, отец Максим, да как же так!.. Я уж думал, что ни на что не годен, ученику своему во вред всё сделал... А ты думаешь, нет?.. Ты, правда, так считаешь?

Я ничего не мог с собой сделать. Слёзы сами катились из глаз.

— Ты выпей, наставник, легче станет...

Я пригубил, чувствуя в вине вкус слёз, а может быть, это был вкус радости, настоящий на терпкой печали расставания.

— Богатство землевладельцев собирается на гумне и точила, а богатство и просвещение разума монахов — вочных предстояниях Богу и деяниях ума¹. Пусть пока покаянно помолится, не ведая, что участь его уже определена... Скажем ему утром. Жаль, митрополита нет (был бы жив владыка Алексий, сам бы перед ним за Стефана просил), но за благословением на задуманное шествие всё одно надо ему идти в Москву, к епископу Герасиму, посвящавшему его при поставлении в пресвитеры. Он сейчас наместником в Москве, к велико-му князю вхож, а для того благое исповедание в Перми весьма значительно, значит, и поддержано будет. Хотя, если Стефан войдёт в ту землю, заступником будет ему один Господь Бог... Налей-ка нам ещё, Алферий!

3

Ростовское княжество,
Ростов Великий, архиепископский двор,
в год 6918 месяца января в 18-й день,
полунощница

*Дозорный и его страхи. Где вход, там и выход.
Чей котёнок описался?*

Зосима стоял перед зарешечённой калиткой, ведущей в Григорьевский затвор, чувствуя мелкую дрожь в коленях, не проходившую с полудня.

¹ Лестница. Сл. 20.

Поджидала своего новоявленного сообщника, он чувствовал себя на распутье. В обитель книжников, одним боком прилипшую к архиепископскому двору, можно было попасть не только через калитку, но и по крытому переходу из братского корпуса в алтарь церкви Григория Богослова. Сам затвор располагался за городским валом, на посаде, и имел со стороны озера ещё одни ворота. Через них, наверно, и пришли Епифаний и Кирилл, оставшись для Зосимы незамеченными. Теперь ему надо было убедиться в том, что они действительно поселились в затворе.

Два дня назад, не нагнав в пути пеших беглецов, они с Сатаной прискакали в Ростов. Поселившись с Макарием у озера, Сатана отправил монашка на архиерейский двор.

«Дозорным будешь, — наставлял он Зосиму. — Прикинься кем знаешь, но закрепись там. Сам в затвор не лезь, подружись с кем-нибудь оттуда, чтобы было от кого узнать, здесь ли Епифаний, чем занят, что привёз с собой, собирается ли снова в дорогу. Как только что-нибудь станет известно, оповести...»

В монастырские служки Зосима попал без труда. А вот пособника из затвора Зосима нашёл себе только сегодня. Его сейчас и поджидал, мечтая только о том, чтобы завтрашний трудовой день не начинался никогда.

Архиерейский диакон, к которому Зосима пошёл трудоустраиваться, к просьбе отнёсся благосклонно. «Рабочие руки нам нужны, пострадавший от пожара собор восстанавливаем. Коль охота есть, иди на чёрные работы к нашим плотникам, отец Феогност там главный», — и кивнул на молодого иеромонаха, расхаживающего по играющим под ногами лесам, как по тверди земной. Проворно спустившись вниз, отец Феогност удовлетворённо смерил взглядом Зосиму: молод и лёгок — то, что нужно для работ на высоте.

Зосима к новым обязанностям приступил, робея: плотники возводили леса, а подмастерья подавали доски и гвозди. Всё бы ничего, если бы леса не росли так стремительно. Сегодня, когда Зосима волочил за собой под самую крышу доску, гнувшуюся как рыбий хвост, настил под ногами дал крен. Наверное, сорвался вниз и расшибся бы, если бы не зацепился подрясником за шляпку криво вбитого гвоздя. Каменщику, работавшему пролётом ниже, этой заминки хватило, чтобы успеть схватить тщедушного работника.

Дрожь в коленках, накатывавшая приступами, снова и снова возвращала Зосиму к тому долгому мгновению, когда он болтался над соборной площадью, отдавшись на волю чужой грубой руки. Каменщик за шкирку втащил его на леса, поставил на ноги и, приметив растекающуюся под ним лужицу, коротко хохотнул: «Что тут за котёнок описался?»

Топтавшийся у калитки Зосима снова почувствовал себя снова как на лесах: колени отзывались на эти воспоминания крупной дрожью. Неожиданно потеплело, Зосима опустил голову: под ним, как это уже было сегодня, растекалась лужица.

— Заждался, Кыска? — раздался быстрый шёпот.

Зосима вздрогнул и отступил к стене.

4

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 19-й день,
первый час

*На задворках книгохранилища.
Задняя земля — Пермь. Зарни Ань Пашутки.*

Епифаний огляделся в поисках укромного места. Как сделать так, чтобы Тетроевангелие затерялось среди прочих книг?

Вот Минеи — собрания служб в календарном порядке на целый год. Вот Часословы — сборники псалмов и молитв, ими пользуются и чтецы, и певцы на клиросе. Вот Требники — чинопоследования святых таинств, священство этими книгами тоже нередко пользуется. А вот Изборник Святослава, переживший уже четыре столетия войн, пожаров, людских невзгод. Рядом с ним — Кондакари, Стихарари, Ирмологии. Епифаний открыл одну из них: всё испещрено музыкальным письмом — знаменами или, как их ещё называют, крюками.

Вот, пожалуй, то, что он искал. Конечно, если Алферьй вдруг найдёт среди певческих книг Евангелие Апракос краткий, он будет немало удивлён, почему здесь, на задворках, оказалась одна из самых распространённых богослужебных книг. А может быть, даже и вспомнит, что видел её у него, Епифания. И всё же это лучше, чем оставлять на виду. Он будет доставать отсюда только тогда, когда будет необходимость дополнить Житие, а пока... Пора было возвращаться в келью к черновикам.

Он вышел, тихонько затворив за собой дверь, не заметив в углу Алферья. Тот, как обычно, бесшумно перебирал книги под самым потолком, примостившись на своей неизменной лесенке. Взирающий на происходившее сверху, хранитель походил на птицу с перебитым крылом.

— Святилище ищешь, Кыска?

Епифаний остановился, едва не споткнувшись о круглого, как сыр, человечка. Книжник уже примеривался, как ему полovче обойти незнакомца, когда тот выпалил:

— Все ищут! Но днём и ночью Зарни Ань охраняет шесть шаманов! Пермь — задняя земля! Каждый год собирается в ней съезд великий и совершают жрение тайное!

При слове «Пермь» Епифаний во все глаза уставился на сидевшего на крыльце. Он совсем был не похож на блаженного: русая борода лопатой, лицо, хоть и одичавшее, но смыслёное, не выдавало возраста, ему могло быть как тридцать, так и все пятьдесят.

— А ты откуда знаешь? — спросил Епифаний, но блаженный его не слышал.

— Сначала новгородские ушкуйники, потом дружины московского князя — все в Пермь попасть норовили. Глубже всех Стефан забрался. От него спасаясь, жрецы успели спрятать всё собрание кумирное там, куда оленеводы перегоняют

летом свои стада. Там теперь Зарни Ань в чаше сидит, — округлил глаза человечек. — А поставлена она на стол, кругом горит жир и курится сера.

Он принял самозабвенно подбрасывать беличью шкурку, пытаясь поймать её короткопалой рукой. Епифанию надоело наблюдать, он повернулся, чтобы уйти. Оглянулся — и поймал на себе пытливый, цепкий взгляд блаженного. Но уже спустя миг тот скорчил жалобную мину:

— Вот как страшно кричит Зарни Ань! Никому туда ходить нельзя! А кто ходил, тот долго хворает и умирает.

Епифаний шёл, слыша за спиной победный вопль:

— Никто оттуда не ушёл! Один Пашутка спасся!

Единственное, чего не мог видеть Епифаний, так это то, как блаженный, отметив, что зрителю уже ушёл, преспокойно встал с крыльца...

5

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Успенский собор,
в год 6918 месяца января в 20-й день,
утрена

*Потрясение. Владыка-старатель.
Опасная встреча. Пашуткина история.*

Кирилл стоял, запрокинув голову ввысь, чтобы не пролились слёзы, которыми наполнились глаза. Он был сражён увиденным и едва держался на ногах, подгибавшихся в коленях. Перед ним был Успенский собор, который он видел впервые.

— Пожар у нас случился, — горестно сказала старица, угадав в Кирилле свежего собеседника, — да такой, что рыбаки с середины Неро огненный столб над монастырём видели.

Кирилл сочувственно посмотрел на собор, вросший в небо своими пятью главами: на белокаменных стенах чернели языки копоти.

Прихожане расступились, по рядам благоговейно прошелестело:

— Владыко!

Кирилл отступил тоже. Епископ Григорий прошёл совсем близко.

— Старатель! — умилённо заплакала старушка, по-детски протягивая ему вслед худенькие руки.

Архипастырь вошёл в распахнутые врата, священство и монашество чёрной армадой двинулись за ним.

Старушка радостно обратилась к Кириллу:

— Видишь, какой владыка у нас?! Не щадя имения своего, поднимает из пепла собор. Гляди, стены уж подправили и за своды взялись! Сказывали, каменными и свинцовыми досками покроют, чтобы никакой пожар был не страшен!

— На службу опоздаем, — тронул Кирилл за рукав старушку, — идём, мать, вместе помолимся...

Он поднялся на крыльце следом за ней и на паперти столкнулся с монашком, который суетливо отпрянул в тень.

Пожав плечами, Кирилл вошёл под высокие своды храма. Позади на лавках сидели, опираясь на палки, сребролевые старики и строгие старухи. Справа от прохода серо-коричневой ватагой стояли мужчины и отроки с шапками в руках. Слева — белой стаей в тщательно повязанных платках девицы и женщины с младенцами на руках. Впереди мирян, у самого алтаря, чернёной подковой — духовенство.

Из царских ворот вышли, степенно поклонившись, три священника. Службу подхватил клирос. Кирилл удивился: сначала певчие, стоявшие слева, пели по-гречески, а затем те, что справа — по-русски. Такого он нигде не слышал!

Зосима стоял позади всех, боясь ещё раз попасться на глаза Кириллу. Чутьё молодого пугливого зайца подсказывало, что эта встреча первая, но не последняя. А как же иначе, если от Успенского собора до Григорьевского затвора рукой подать.

С того дня, как Зосима едва не сорвался с лесов, отец Феогност определил его работать на земле, равнять согнувшиеся гвозди и строгать доски. Колени трястись перестали, но теперь мелкая дрожь к вечеру пронизывала натрудившиеся руки. Хорошо Сатане с Макарием на охотничьей заимке, заметённой снегом по крышу, отсиживаться, а он, Зосима, мало что едва не убился, так ещё у Епифания с Кириллом как на ладони.

«Неужто трудник не узнал? — вновь и вновь спрашивал себя Зосима, забиввшись в самый дальний угол храма. — Не должен, виделось ведь лишь однажды, когда он впускал нас, конных, в монастырский двор на Орше. Но кто знает, что будет, если доведётся столкнуться лицом к лицу с книжником...» Зосима как наяву перенёсся в тот треклятый день, когда его, с топором в руках, окликнул книжник. Слава Богу, хоть жив остался. Значит, не хочет Бог допустить, чтобы он, Зосима, сделался убийцей...

Епифаний оглядел паперть, выходя из собора: блаженного, который встретился ему вчера на ступеньках книгохранилища, не было видно.

— Потерял кого? — поинтересовался нагнавший Епифания игумен. — Если Кирилла, то он стоит посреди храма, голову запрокинув.

— Ещё бы, он ведь здесь впервые, — кивнул Епифаний, — а я вот гляжу, на паперти нищих много, а того блаженного, что при затворе живёт, нет...

— Это ты про Пашутку? Да был он здесь, покрутился и ушёл. Чего ему милостыню собирать, он и так как сыр в масле. Его с собой Стефан привёз, когда в последний раз к нам приезжал. Хотел на обратном пути забрать, да самого положили в Москве...

— Не пойму я, отче, Стефан ведь к Киприану проделал весь этот долгий путь, для чего же в Ростов заехал, если и без того много времени истратил?

— Сложно сказать, он у нас меньше дня пробыл: Пашутку оставил, с Алферием поздороваться зашёл — и снова в дорогу. Может, ему кто сказал, что Киприан в Ростове на поставлении архиепископа Григория был, вот Стефан и надеялся его застать?

— Может быть, — согласился Епифаний. — А Пашутка этот кто таков?

— Да я и сам не знаю, — игумен пожал плечами. — Стефан торопился, а от Пашутки самого толком ничего не добиться. Причём я даже не пойму, когда он больше не в своём уме — буйный или тихий. Ему недавно блажь втемяшилась: у сторожевой собаки цепь отобрал, псина, разобидевшись, лаяла аж до хрипоты, а он так и не отдал. На шею повесил и раскланивался со всеми величаво: так, мол, и так, Павел Васильевич из похода вернулся с добычей. Я думаю, он не из простых, какой-нибудь купец, свихнувшийся на богатство. Его, наверно, Стефан по пути подобрал, пожалев. Правда, никак в толк не возьму: зачем он его обратно в Пермь везти собирался?

6

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 20-й день,
первый час

*Калина, Храп и Докука.
Горе говорящему и не творящему.*

И после службы в Успенском соборе было многолюдно: ручеёк раскаявшихся грешников растянулся от алтаря до притвора. Епископ, смерив взглядом длинную череду исповедников, встал на место читавшего проповедь протопопа:

— Дети мои, сегодня церковный праздник — собор святого Иоанна Предтечи. Он был предшественником, предвещавшим пришествие Мессии и проповедовавшим покаяние. Иоанну отсекли голову в темнице¹ за порицание беззаконного поступка царя Ирода. Но смерть телесная ничто по сравнению со смертью духовной. Я вижу, вы готовы раскаяться и вступить на путь праведности. И это отрадно. Когда у вас праздник, ваше сердце открыто радости, и вы готовы всем всё простить, не так ли? Вот и у Господа нашего сегодня такой особенный день, потому грехи ваши малые отпускаются вам с тем, чтобы, очистившись, вы не совершили больших.

И уже благословив паству, епископ вдруг поймал на себе напряжённый взгляд Зосимы, взиравшего в замешательстве и шальной радости. Поднимаясь в алтарь, епископ ещё раз оглянулся, отыскивая взглядом бросившегося ему в глаза молодого инона — и не нашёл. («Почему он так на меня смотрел? Зачем я это всё сказал?.. Отпустивший грехи принимает их на себя. В чём мне придётся держать ответ за этого раскаянного поневоле? Но раскаявшегося ли?»)

Ворота храма затворили, Кирилл отправился искать Епифания. Тот по обыкновению сидел и что-то писал в книгохранилище.

— Ну что, брат, потряс тебя Успенский собор?

Не находя слов, Кирилл кивнул. Епифаний усмехнулся:

— Старец Калина говорил, что сей храм подобен величавой музыке.

— Я о таком старце не слыхал...

¹ По просьбе Саломеи, действовавшей по наущению своей матери Иродиады.

— Видно, не прислушивался, я — об игумене Максиме, он наместник в затворе был, когда мы со Стефаном по молодости лет тут подвизались. Его среди братии втайне Калиной называли.

— Почему?

Епифаний, уронив голову на руки, зашёлся смехом.

— Батюшка игумен большой охотник до калины был. Мы его старались потешить калиновым пирогом, тесто для которого месится на ягодах, и калёной калиной. Знаешь, она томится в печке на вольном духу под наглухо замазанной тестом крышкой? А ещё у него в келье в потаённом местечке всегда стоял кувшинчик, заткнутый пучком калины. Он изготавливал настойку на листьях и побегах калины по одному ему известному рецепту. Секрет этот никому не доверял, кроме хранителя книг Алферия. Тот был его первым другом. А во всём остальном Калина был Максима.

— А тебя и тогда Премудрым звали?

— Да что тебе вздумалось?! Стефан — тот да, в книжной премудрости преуспел благодаря дару благодатному — *естественной остроте ума*. А я ежечасно прошу у Бога *слова потребного, твёрдого и пространного*. Докукой меня в затворе прозвали, потому как я нередко *спирахся*¹ со Стефаном и бывал ему *досадителем*, — и добавил ужетише, словно позабыв про собеседника: — Да только течение реки тоже сопротивляется, но течёт куда предначертано...

— А у Стефана тоже было прозвище?

Епифаний вздрогнул, и нехотя отрываясь от собственных дум, ответил:

— Было... Не то Максим, не то Алферий, не то оба сразу Храпом его прозвали. Говорили, что, дескать, по храпу коня знать. Они любили Стефана, приготовляя его на подвиг евангельской проповеди. Правда, его ещё в Устюге так называли... Позже и на Москве Храпом его величали, да только вкладывали в прозвище иной смысл. Многие жаждали обуздать Пермского епископа так же, как смиряют горячего коня, завернув ему храп кляпом... А у тебя самого, Кирилл, прозвище есть?

— Оно обидное очень.

— Да ладно тебе, будто Докука или Храп лучше?

— Ну... Дунька я.

Епифаний сначала опешил, но вскоре, хохоча, кивнул:

— Ага, я, кажется, догадался: «наша Дунька не брезгуночка, жрёт и мёд». Отсюда, да?

— Эх, вот ещё и ты теперь, — хотел было огорчиться Кирилл, но не выдержал, рассмеялся. — И правда, ничем, кроме сластолюбия, не отличился: ратник из меня никакой был, пером воевал тоже неказисто...

— Как и я, — горько кивнул Епифаний, стирая с лица улыбку.

— Да куда мне до тебя, отче! Ты жития пишешь, а я тайные грамотки княжьи рассыпал. Как мне с тобой равняться!

— А что во мне такого хорошего? — осадил его Епифаний. — Преподобный Сергий Радонежский преставился шестнадцать лет назад, а я, хоть и начал писать через год после его смерти, так до сих пор и не закончил.

— Они со Стефаном едва ли не в одно лето скончались?

¹ Спираться — спорить, разноречить, не соглашаться, отстаивать своё мнение и волю (Даль).

— Нет, Кирюша, — Епифаний и сам не заметил, как ласково обратился к Кириллу, зато тот лицом просветлел, как ребёнок, которого, проходя мимо, взрослый невзначай погладил по голове, — преподобный Сергий преставился четырьмя годами раньше. В Лавру надо возвращаться, собирать по крупицам сведения от других старцев, пока те живы.

Епифаний говорил, отвернувшись, словно забыл о Кирилле вовсе.

*— Хвалю жития святых отцов, а сам — увы! — лениво живу. Горе мне, говорящему и не творящему, учащему и не чувствующему. Оказался я бесплодной смоковницей, одни только листья имею, листы только поворачиваю книжные и только листами книжными исписанными хвалюсь, а плода добродетели не имею. Зачем только отяжеляю землю?*¹

7

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 21-й день,
утреня

*Покаянные мысли.
Кто прозвищами кидался? Слежка.*

Несспешные, тихие снеги легли на землю нетронутыми, чистыми свитками — бери и пиши на них всё, что Бог на душу положит.

Епифаний шагнул с крыльца — искристый белый покров заскрипел под сапогами. Морозец бодрил, покалывая лоб и щёки иголками холода. Думалось ясно и просто, словно сугробы укрыли всё наносное, суетное не только на монастырском подворье, но и в помыслах.

— Не даётся тебе «Житие преподобного Сергия», — сказал он самому себе как посторонний судья, — хоть и многие годы трудился и уже подготовлены для списания свитки. Книжный разум не человеком, Богом даруется...

Удалили в било. Иноки поспешили мимо Епифания в церковь. Иеромонах стоял, чувствуя, как набатом стучится в висках беспомощная усталость. Вернулся в нижнее хранилище и не сразу там заметил среди книг и свитков Кирилла. Но и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: тот дочитывал «Житие Стефана Пермского».

*Въскує же пустыю тѧ и на Москву, да тамо почил еси!*²

Кирилл, взглянув на Епифания, оторвался от чтения.

— Напрасно?.. На Москву?.. Сдаётся мне, ты, отче, хотел этим сказать больше, чем написал... Напрасная смерть — это ведь внезапная, скропостижная смерть?³

¹ Житие.

² И снова — Житие. Общепринятый перевод: Зачем отпустили мы тебя в Москву и т. д. В той версии, что предлагает читателю автор, на современном русском это звучит так: Напрасно пустили тебя на Москву, чтобы там ты почил!

³ См. Толкование в словарях церковнославянского языка, например, прот. Г. Дьяченко (М., 1900) или Т. Олейникова (М., 1997, 2006) и др.

Епифаний, словно не замечая Кирилла, мерил взглядом книжный завал, оценивая надёжность нового тайника. Кирилл поиском глазами Епифания, но, наткнувшись на его удаляющуюся спину, возвысил голос:

«*Ибо знаем мы тех, кто кидал прозвища, отчего и называли тебя некоторые Храпом, не понимая силы и благодати Божией, бывавшей в тебе и через тебя.*».

Епифаний остановился и оглянулся сурово. Кирилл, закончив читать, доверчиво поднял глаза:

— Отче, ты же знаешь имена тех, кто прозвищами кидался? Ты про них ведь тоже сыщешь оказию сказать, да?

— Ты мне лучше ответь, где книгу взял?

— Там, — показал на завал Кирилл, — ты ещё позавчера ходил, примеривался, да и в келью, когда спать шёл, с собой книгу не брал. А сегодня гляжу — певческие книги аккуратнее прежнего в стопках лежат, вот я и смекнул...

— Следишь за мной?! — задохнулся в гневе Епифаний и, схватив книгу, затворился в келье...

8

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 21-й день,
полунощница

*Падение хранителя.
Пожар в библиотеке. Огарок.*

Алферий, устав, дремал прямо на лесенке: рука переброшенная через перекладину, и горб, упёршийся в верхнюю ступеньку, надёжно удерживали спящего. Его сон был мимолётен. Алферию привиделось, будто он стоит на белой вершине, недоумевая, как ему оттуда спуститься. Но уже в следующий миг гора рассыпается, потому что состояла из золы и пепла. Хранитель стремительно падает вниз, а ему вдогонку несётся вопрос: «Известно ли тебе время твоего ухода?» Алферий попытался замедлить падение выросшими вдруг крыльями. Во что бы то ни стало надо успеть уточнить, когда пробьёт последний час. Но крылья вновь превращаются в руки, и он стремительно падает...

Очнувшись от боли, а заодно и от грохота упавшей лестницы, Алферий не сразу понял, что ответа ждать не от кого.

— Когда? Что я должен сделать?

И вдруг почувствовал, что ответ на первый вопрос он уже знает: сейчас. А ответ на второй вопрос напрашивается сам собой. Алферий потянулся к дикирию с оплывшими в нём свечами...

В набат ударили глубокой ночью. Чернецы выскочили из келий, кинулись во двор, заметались на снегу. Горело в восточном приделе церкви — в том самом, в котором размещалось книгохранилище, багровые тени плясали в окнах. Толкаясь

и мешая друг другу, побежали тушить. Епифаний и Кирилл в том числе. Без особого труда сбив огонь в сенях, попытались войти в хранилище, но столпились на пороге, перед дышащей жаром пастью пожара.

— Воду не лить! — севшим голосом силился перекричать треск пламени наместник.

Приказ вывел всех из замешательства. Накинув рясу на голову, игумен нырнул в пламень. За ним — вся братия. Обжигаясь, хватали книги, сбивали огненные языки полами ряс, а то и просто голыми руками. Когда клубы дыма рассеялись, Епифаний с горечью увидел обуглившийся угол и обгоревшие корешки книг, припорощенные седой золой...

Монахи расступились, пропуская вперёд игумена.

— Что погибло?

— Певческие книги да древние изборники, — тут же откликнулся один из монахов.

— То, что не каждый день потребно было, — облегчённо вздохнул наместник. — Где Алферий, пусть точнее скажет...

И только тогда кинулись искать Алферия. Сначала оглядывались, надеясь найти его среди тушивших пожар. Затем, предположив самое худшее, стали оглядывать подклеть. Кирилл, потоптавшись, смекнул вернуться в хранилище: погасив пламя, все выбрались наружу.

Он не сразу увидел Алферия. Сначала в глаза бросилась поваленная лестница, разбросанные перья и полуисписанные листы. И только затем Кирилл заметил вытянувшегося в струнку хранителя. Смерть распрямила его, от горба не осталось и следа. Руки крест-накрест покоятся на груди.

«Не хватает только зажжённой свечи», — пронеслось в голове у Кирилла, и он тут же обругал себя. Но почему правая рука хранителя сжата в кулак? Почему рядом лежит опустевший дикирий?

Из сеней послышались шаги. Кирилл поспешил наклониться над Алферием и охнул от изумления: в ладони покойного был стиснут огарок, который и не заметил бы, если бы не мгновением раньше промелькнувшая мысль о том, что в сложенных руках умершего должна быть свеча.

Шум нарастал. Кирилл попытался взять огарок. Мёртвые пальцы держали его так цепко, что Кирилл, отведя взгляд в сторону, с усилием разогнул их. Огарок выпал и укатился в тёмный угол...

Столпившаяся на пороге братия как заворожённая смотрела на мёртвого Алферия. Кирилла никто не заметил: чёрный подрясник и испачканное сажей лицо слились с мраком. Единственными светлыми пятнами блестели лишь глаза.

9

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 22-й день,
шестой час

*Досмотр. Две зарубки.
Омовение кровью.*

Монахи, задевая за дверной косяк, внесли грубо остроганный стол, положили на него Алферию. Один раскрыл Псалтирь, другой, готовясь совершить омовение, вопросительно взглянул на настоятеля.

— Осмотреться бы, — косолапо переступив с ноги на ногу, еле слышно предложил Кирилл, подойдя к игумену едва ли не вплотную.

Игумен хотел было что-то спросить, но вместо этого распорядился:

— Братья, погодите немного, позже отходную сотворите.

Когда монахи вышли, Кирилл, набрав в себя воздуха, будто готовясь нырнуть, наклонился над раной: с первого взгляда она казалась безобидной ссадиной, но на самом деле была глубокой («Уж не топором ли его так?»), да и много ли старцу надо...

— Ну что, — устал ждать игумен, — зовём братьев? Теперь уж что! Хоть смотри, хоть не смотри...

Кирилл отошёл к окну, чтобы не мешать. Монахи сняли с покойного одёжку, стыдливо прикрыв причинное место, принялись обмывать. Красные ручьи потекли по лицу и белой бороде Алферия.

10

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 22-й день,
третий час

*Пожар пожару рознь. Случайная смерть
или убийство? Огарок. Переселение.*

Кирилл сидел в подклети книгохранилища и неотрывно смотрел на обуглившиеся углы, из которых послушники уже вымели золу и пепел, сложив скорбной стопкой обгоревшие, растрёпанные книжки. У одних — половина страниц выгорела, у других — корешки обуглились, у третьих — застёжки оплавились...

Этим и отличался пожар в затворе от пожара в пустынке, откуда и начался их с Епифанием бег. Там книг не осталось, потому что их кто-то унёс, а здесь уцелевшие изборники не привлекли ничьего внимания. Почему? Потому что там был поджог, а здесь полыхнуло по случайности?

Всё выглядит именно так. Хранитель свалился с лестницы и расшибся. Почему упал? Возможно, задремал или оступился. Много ли старику надо. Но откуда

тогда рубленая рана, на что мог наткнуться? Да хоть бы и на подсвечник... Для вспыхнувшего пожара тоже можно найти объяснение. Алферий имел обыкновение работать с книгами прямо на лесенке, которая стала продолжением его самого. Прислонял её к нужной грядке, и даже занимался так переписыванием. Когда ему случалось задерживаться, он зажигал свечи, вставляя их в дикирий, который особенным крючком прикреплял к нужной перекладине. В тот самый последний раз, видимо, всё так и было.

Трудник присел на корточки, поковырял воск, застывший в дикирии. Рассчитанный на две свечи, он был пуст: наверно, выпали при падении. Но как тогда огарок оказался у хранителя? А если вторая свеча стала причиной пожара, то почему огонь не перекинулся на всё хранилище?

А самое главное: почему книги горят там, где появляется Епифаний? Потому что кто-то идёт по следу? Но кто?

Кирилл печально опустил голову, вспомнив про Антония: зря он на него в мыслях грешил, Анисья сказала, что убили его. И что за посох Епифанию передали из Оршиного монастыря? А если душегубец Антония, неудачливый охотник на Епифания и убивец Алферия — одно и то же лицо?

Погрузившись в бесконечные размышления, Кирилл только сейчас вспомнил, что так и не забрал огарок, который он спрятал вчера на одной из грядок. Почему он так поступил? Он и сам толком не знал. Просто выдвинул одну из книг и положил за неё огарок, прежде чем выйти из тени.

Трудник пошёл по ступенькам вверх, в хранилище. При дневном свете следы пожара утратили свою скорбную непоправимость. Кирилл обвёл взглядом книжные грядки и почувствовал холодок на спине: найдёт ли, куда спрятал?

Постояв в нерешительности, Кирилл протопал в знакомый угол. Закрыв глаза, протянул руку, пытаясь определить, на какую из грядок он мог сунуть вчера огарок. Нащупав шершавый корешок, который показался ему знакомым, трудник открыл глаза и, волнуясь, приподнял книгу, в которую уткнулся палец. Огарок был там! Кирилл посмотрев на него, пожал плечами: свеча как свеча. Надо будет поставить в церкви за упокой. Вышел на крыльце и зажмурился от яркого света дня. Открыл глаза — взгляд упал на надпись, пропустившую на боку свечи:

Первой мыслью было: как странно в Ростове клеймят свечи! Вторую мысль трудник додумать не успел.

— Кирилл!

Трудник вздрогнув, зажал находку в кулаке. Повернул голову — Епифаний:

— Уф, еле тебя нашёл. Ты чего среди бела дня со свечой? Истину ищешь или человека?

Кирилл промямлил что-то невнятное.

— Ладно, — не стал вникать Епифаний. — Отец наместник велел всем потесниться: в труднишную работников селят, пока притворчинить будут, а чернецам надлежит по двое-трое в кельях разместиться. Ты ко мне переселяешься. Ступай, пожитки перенеси, а то труднишную уже занимают...

11

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 23-й день,
полунощница

*Истина на дне свечных ящиков.
Ночь без сна. Спаситель или злоумышленник?*

Кирилл лежал, прикрыв глаза рукой, слабо источавшей восковой запах. Остаток дня трудник провёл в церкви у свечного ящика сначала в Успенском соборе, затем в храме Григория Богослова.

Добравшись до дна двух свечных ящиков, он постиг, сколько свечников поставляет свой товар в Ростовские храмы и кто из купцов был в чести у церковных старост, а кто доверием не пользовался: одни клейма, примелькавшись, сами собой запомнились, настолько часто они встречались, а другие попадались лишь изредка. Но Кириллу это знание ничегошеньки не давало, потому что он так и не нашёл ни одной свечи с клеймом, похожим на то, что было на огарке.

Кирилл даже с закрытыми глазами видел перед собой четыре таинственных знака, ради которых он изучал все прочие свечи с усердием подмастерья. Он уже был уверен, что, во-первых, другой такой свечи нет, а во-вторых, на клеймо эта надпись не похожа. Скорее всего, она просто нацарапана одним из тех перьев, что валялись рядом с покойным, только они могли оставить такой неглубокий и неровный след.

Буквы, подмигнув Кириллу, начали тихо плавиться вместе со свечой. Трудник погрузился в зыбкие волны дрёмы...

Епифаний лежал без сна: думал. Уже дважды Кирилл спас главную из его книг. Но чувство благодарности уступало место тревоге и подозрению. Как такое могло случиться, что Кирилл нашёл Евангелие в снегу рядом с пепелищем? И зачем он следил, куда Епифаний положит книгу в библиотеке, зачем читал её так пристально? («И всё же, если бы не вытащил из схона книгу Кирилл, выведя тем самым меня из себя, сгорело бы Евангелие, а с ним и житие, или унесли бы его еретики-разбойники...»)

Лунная дорожка, просочившись в стрельчатое оконце, разделила келью пополам. На той, второй, половине спал, ровно дыша, Кирилл. Епифанию стало стыдно. («Ему я обязан жизнью. Ведь если бы была нужда у Кирилла лишь в книге, он мог бы её взять, оставив умирать её владетеля. Но не бросил же! Воистину он хороший человек и достоин благодарности...»)

Нет сна, не идёт отдохновение. («А если спасал и врачевал меня Кирилл только потому, что в доверие втереться надобно?») Епифаний затеплил лучину и взялся за перо...

«Плавает корабль душевный по морю житейскому, туда и сюда рыская, а кормчего нет»¹.

¹ Житие Стефана Пермского.

12

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 23-й день,
шестой час

*В монастырской казне. Просьба о защите.
Волчье кресало.*

У Кирилла болели плечи. С самого утреннего правила братия переносила книги из пострадавшего хранилища в монастырскую казну, которая была в той же подклети, нижние венцы которой были уложены на большие камни, покоившиеся по углам. А сама подклеть располагалась не только под церковью, но и под двумя его приделами, в одном из которых было книгохранилище, в другом — трапезная. Разделы подклети делились соответственно: под книгохранилищем — его продолжение, под трапезней — поварня, под церковью — монастырская казна.

Это помещение отличалось приземистостью: Кириллу с его ростом приходилось сюда входить, согнувшись в три погибели.

— Казну мы тут устроили, — тихо объяснял игумен Епифанию. — В случае осады монастыря облачения, книги, свитки не пострадают от плесени и сырости, ибо под потолком, — игумен указал перстом на решётку из железных и деревянных балок, — воздух в изобилии проникает через отдушины, редкостные грамотки там можно разостлать, они и не испортятся.

Притащив очередную охапку свитков, Кирилл дождался, когда игумен оставит Епифания одного.

— Отче, я смекаю, тут тайник, — зашептал Кирилл, кивком головы показывая на потайную дверцу. — Может быть, там тебе и оставить до поры до времени твою книгу? Всё лучше, чем с собой всюду таскать.

Кирилл кивнул на чёрный пухлый том (Епифаний, не желая с ним расставаться, каждый раз клал его поверх стопки книг, которую нёс).

— А тебе что за дело? — спросил книжник отчуждённо.

— Ну и пропадай в одиночку!.. — Кирилл, не договорив, махнул рукой и едва ли не кубарем скатился по скрипучей лестнице вниз.

Он стоял, привалившись плечом к берёзе, не чувствуя холода: изнутри жгла обида.

— Озябнешь, Кыска!

Оглянулся — блаженный Пашутка в руках всё ту же беличью шкурку теребит.

— Не озябну, — сказал Кирилл ради того, чтобы что-то сказать.

— Человек что ветошка, — рванул шкурку Пашутка, — раз — и нету.

Кирилл, вздохнув, отделился от берёзы и понуро пошёл по тропинке, едва угадывавшейся среди сугробов.

— Постой, — увязая в снегу, Пашутка забежал вперёд и заступил дорогу, — ты, я вижу, Кыска, человек добрый, только храбрый ли?

— Не до разговоров мне, — нахмурился Кирилл, — дай пройти.

— Не о беседе я тебя прошу, а о защите. Убить меня хотят.

Кирилл глянул на блаженного и диву дался: от прежней дурковатости и следа не осталось, зато появилось сходство с хищной совой, подкарауливающей мышь. Пашутка достал из-за пазухи рваную беличью шкурку и, оглянувшись по сторонам, достал из неё кресало.

— Купи, Кыска!

По сравнению с тем кресалом, что было у самого Кирилла, это выглядело очень причудливо благодаря бронзовому навершию, состоявшему из фигур двух оглядывающихся друг на друга волков с поджатыми под живот когтистыми лапами.

— Нечем мне тебе платить, — усмехнулся Кирилл, — да и без надобности оно мне, своё есть.

— А ты не спеши, Кыска, может, тебе именно это нужно, да только ты этого не знаешь? А хочешь, я тебе платить стану, чтобы ты меня от смерти избавил? — не унимался Пашутка.

— Бронзой или мехами? — кивнул Кирилл на беличью шкурку, в которую Пашутка бережно завернул кресало.

— А ты больше серебро любишь? — спросил блаженный, засовывая своё сокровище обратно за пазуху.

— Нет, не люблю, — Кирилл решительно отодвинул Пашутку и, зябко передёрнув плечами, зашагал к церкви — монастырское было своим слабым гласом сывало братию на вечерню.

13

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 24-й день,
первый час

*Загадка не поддаётся. За мёдом.
Нигде и никогда? Абур. У каждого свой секрет.*

Высунув кончик языка, Кирилл старательно срисовывал буквы со свечи, разгадка которой целиком его захватила.

•   ..
      i   r   j   n

Первая буква смахивала на недописанную латинскую (z — зета), но напоминала и кириллицу (z — земля). Вторая тоже наводила на мысль о той же грамоте (ρ — рцы), хотя и в глаголице есть почти такая же (тогда её следует читать как Н — наш). Третья отдалённо сходствовала с эллинской (λ — лямбда). Четвёртая имела нечто общее с греческой и кириллической N, но тоже с большой натяжкой.

Кирилл вздохнул. Все эти предположения не добавили ни капли смысла. («Думай, Кирюша, думай. Если Алферий перед смертью клеймил свечной огарок, значит, был для этого важный повод...»)

Мысли не шли. Кириллу нестерпимо хотелось медку. Конечно, на сластёну в затворе посмотрят косо, но понять-то должны — слаб человек. И Кирилл, захватив свой видавший виды туесок, отправился добывать мёд.

Епифаний, вернувшись из хранилища, раздосадовано положил книгу на стол. Он не смог там работать: смотрел на разлинованные листы, а видел перед собой *искусного книжника Алферия* — неподвижного, безвозвратно ушедшего.

Телесная смерть маловременна и не на долгое время, это вскоре преходящая смерть, а скорее и не смерть, потому что она оказывается причиной жизни.

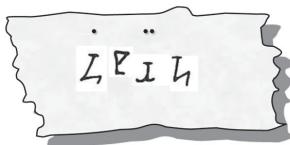
Но уже *нигде никогда* не будет он дремать на лесенке, прислонившись к своим книгам. С единственной просьбой ты обратился ко мне, и ту я оставил без внимания — не доверил тебе свою книгу...

А теперь *нигде никогда* не смогу я показать тебе *плетение своих словес*. Как и когда я к тебе обращусь? Ни поговорить с тобой, ни окликнуть. И твоего обращения ко мне уже не дождаться никогда.

Отчаяние навалилось на Епифания. Он сел за стол, обхватил голову руками... Никогда не говори «никогда». Прямо на него смотрели, взывая, буквы Стефановой азбуки.

Это было настолько невообразимо, что Епифаний не поверил своим глазам. Он закрыл и открыл веки: буквы не исчезли. Одно и то же слово было написано на клочке пергамена опытной рукой писца трижды.

Но что это было за слово, какая *сила и благодать* таилась в нём!

— Отче, что ты в этих знаках разглядеть тишишься? — раздался за спиной голос Кирилла.

Епифаний вздрогнул.

— Там ведь ни одной буквы не различить. Письмена ведь не русские, да? И ни эллинские? И не латинянские? Тайнопись?

— Я помню, что ты ремеслу этому обучен, — мрачно кивнул Епифаний.

Кирилл, обняв туесок с мёдом, удивился:

— А что в том плохого? Случалось при князе писцом доверенным быть. Только мы глаголицу использовали, переставляя буквы особым порядком, чтобы уберечь смысл от чужих глаз. А что тут — не пойму, хотя, признаюсь, уже не первый день над этой загадкой голову ломаю. Только не дались они мне, ни единого слова не разобрал. Что за азбука такая?

— Это абур.

— Абур?! — повторил Кирилл, словно пробуя слово на вкус.

Он ждал, что книжник продолжит объяснения, но тот вместо этого отрывисто спросил:

— Где взял?

— А ты мне много рассказываешь? У тебя, отче, свои секреты, у меня — свои, — ответствовал Кирилл, поглаживая туесок.

— Где взял?!

— У келаря вымолил... Что смотришь? Я за то послушание на себя принял — три дня кашеварить и в трапезной прибираться...

Епифаний был бледен и напряжён. Рука крепко сжимала листок.

— Я не про мёд тебя спрашиваю, Дунька!

— Вот видишь, я тебе с прозвищем своим доверился, а ты меня им коришь, — обиделся трудник, обняв туесок как единственного друга.

Епифаний стиснул листок и поднял его над головой как знамя:

— Откуда?!

Кирилл вдруг почувствовал, что с этой же хваткой книжник сейчас вцепится в него («Не молчи, Кирюша, худо будет...»).

— Хорошо, я скажу, — и предостерегающе поднял ладонь, незанятую туеском. — Только ты сядь, Епифаний. Мы не на Кулничках, и я не Мамай. И про Дуньку возьми, будь добр, свои слова назад... Иначе ни слова не скажу, хоть убей.

14

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 25-й день,
до утрени

*Чем абур лучше иной грамоты?
Наше слово. Буквы или цифры?*

Епифаний сосредоточенно молчал, не сводя глаз со слова, думал. В отличие от Кирилла книжник знал, на каком языке оно написано и что значит.

Кирилл, наблюдая за Епифанием, пришёл для себя к выводу, что смысл Епифанию известен. А раз так, то, во-первых, слово имеет отношение к Стефану; во-вторых, скорее всего, предназначалось Епифанию; в-третьих, всё это очень похоже на завещание.

— Отче, — спросил Кирилл, — а и бур — первые буквы азбуки, да?

Епифаний кивнул. Помолчали...

— А всего букв в абуре сколько? Как в кириллице, тридцать шесть?

— Двадцать шесть, — поправил Епифаний.

— Почти как греческое письмо, там двадцать четыре буквы? — не то спросил, не то поды托жил Кирилл. — Они, эти азбуки, чем-нибудь схожи?

— Да, сначала и в абуре столько же было, — кивнул Епифаний, — только абур лучше эллинской грамоты.

— Это чем? — изумился Кирилл. — Про греческую всем известно, а про твой абур, я думаю, не только мне неведомо...

Сказал и пожалел о сказанном: Епифаний посупровел, словно на войну собрался.

— Чем лучше? — переспросил глухо, вставая. — А ты сам подумай, чем! Чтобы

с еврейского на греческий книги перевести, Божиим промыслом созвали семьдесят мудрецов. А сколько эллинских философов собирало греческую грамоту?! А как много лет на это ушло?! Едва составили её многими трудами, и за многое время едва сложили!

Не договорив, Епифаний махнул досадливо рукой. Слышно было, как ветер воет за окном, хлопочая над снежными заносами...

— А абур? — рискнул напомнить Кирилл.

— *А пермскую азбуку один чернец сложил, один составил, один сочинил, один калогер, один монах, один инок, Стефан, вечно помненный епископ,* — голос Епифания срывался, — *один единовременно, а не за многие времена и лета, как те, но один инок, один в уединение уединяясь, один уединен, один единого Бога на помощь призыва...*

— Как Кирилл Философ? — примиряюще вставил трудник.

— Да, пожалуй, — кивнул Епифаний, медленно остывая. — *На Руси Кирилл, в Перми Стефан. Оба они были люди добрые, мудрые и равные в рассуждении: оба одинаково за равный подвиг взялись и его совершили... Как два светила просветили народы. Но Кириллу Философи много помогал его брат Мефодий — грамматику складывать, азбуку составлять, книги переводить. А Стефан один гадал, думал, и никто ему не помогал, и никто его не поучал, не поправлял, один Господь Бог вразумлял его.*

— Отче, — рискнул Кирилл, — а в нашем слове есть а и бур?

Епифаний, вздохнув, не ответил.

— Что сие значит? — не унимался Кирилл.

— *Сколько слов в мире, и нет ни одного незначимого,* — был ответ.

Обиженно засопев, Кирилл потянулся к мёду.

Епифаний, чувствуя трудника спиной, сидел, неподвижно глядя на слово, пока не сдался:

— Подсядь ближе.

Кирилл просить себя дважды не заставил. Облизнул липкие пальцы и придинул чурбан, на котором сидел, вплотную к столу.

— Это Стефанова азбука. *Ѡ* — к. *Ѽ* — р. *Ѡ* — а. *Ѿ* — п.

— Крап? — изумился трудник.

— Нет, — покачал головой Епифаний, — в пермском языке нет звука Х и буквы такой нет, вот Алферьй её и заменил.

— Храп?! — выкрикнул Кирилл. — То есть Стефан?!

— Чего по утрам орать-то?

— Прости, отче, я от волнения. Ты Стефанову азбуку знаешь, да?

— Знать-то я знаю, только вот никак не могу понять: почему, умирая, Алферьй вспомнил Стефаново прозвище. Что он им хотел сказать?

— Отче, а о чём говорят титлы¹? Их два и они разные. Смотри: над *Ѡ* — одна сплошная линия, а над *Ѡ* — две точки.

Епифаний, присмотревшись, неуверенно предположил:

— Может, просто рука дрогнула?

¹ Для превращения буквы в число в кириллице применялся особый знак — титло, который ставился над буквой. Например, а=1; в=2; г=3; д=4. Система «буквенной цифри» заимствована у греков.

— Не похоже, — не согласился Кирилл, — первое титло он прочертил, а вместо второго просто точки проткнул. Есть в Стефановой грамоте титлы?

— Нет, кажись.

— Тогда в **нашем** слове титлы могут указывать на то, что эти две буквы наделены числовыми значениями. Если буквы расположены в том порядке, в каком они в слове, то, возможно, это 1 и 3? А если нет, то либо это случайный выбор, либо надо знать, на каком месте стоят буквы, отмеченные титлами, в азбуке. Ты знаешь, в каком порядке они должны быть расположены?

— Не понимаю, какая разница: 1, 3, 8, 10... Что нам дадут эти цифры? Куда мы с ними пойдём?

— Правильно! — Кирилл заметался по келье в поисках туеска с мёдом. — Числа могут указывать на местонахождение чего-то очень важного!

— Где?

— Может быть, в книгохранилище?

— Номер грядки? Порядковое число книги, стоящей на ней?

— Вполне может быть. Так какие это могут быть числа?

Епифаний, прикрыв глаза рукой, мысленно представил Стефанову азбуку:

— К — *Л* — одиннадцатая по счёту...

— Первая А — *Л*, — догадался Кирилл. — Получается: одиннадцатая грядка, первая книга?

— А может, наоборот? Надо на месте осмотреться... Дождёмся утра?

— Ну уж нет!

15

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 24-й день,
до полуночицы

*Первый станет последним.
Отчаяние.*

Кресало долго отказывалось высекать огонь. Наконец, искра побежала по трутту, расколов мрак как крохотная молния.

Кирилл поставил разгоравшиеся свечи в шандал на лесенке, осторожно прислонив её к книжным грядкам. Языки пламени очертили две арки, в которых проступали толстые корешки книг и пухлые стопки пергаменов.

Дух киновари и чернил перебивал смолистый запах свежеструганных досок, сложенных у стены: после пожара днями напролёт в хранилище шёл ремонт, плотники меняли обуглившиеся брусья, настилали новый пол.

— Ну и где здесь первая грядка? — свеча в руках Епифания, описав полукруг, погасла.

— Смотри откуда считать, — почесал в затылке Кирилл. — Когда Алферий здесь что-то спрятал, он мог где угодно лесенку приставить, а вот когда огарок клеймил, то был здесь и нигде больше...

Размашисто перекрестившись, словно собираясь нырнуть в прорубь, трудник улёгся на то место, где нашёл хранителя в ночь пожара.

— Что можно считать отсюда первой грядкой? — прищурился, примериваясь: — Вот эту или эту, или...

На первой грядке снизу одиннадцатой по счёту книгой оказались Минеи. Епифаний пролистал их, но не обнаружил ничего, кроме ежегодного перечня служб. С первой грядки сверху Кирилл, поднявшийся на две ступеньки, жалобно скрипнувшей под ним лесенки, достал Часослов, в котором находились, как полагается, псалмы и молитвы.

— А если первая книга на одиннадцатой грядке?

— Где ты здесь видишь одиннадцать грядок? — Епифаний больше не пытался отыскать ни первую книгу на одиннадцатой грядке, ни одиннадцатую книгу на первой грядке. — Всё пустое, должна быть подсказка. Пошли спать, вернёмся сюда утром.

— Ты иди, а я тут ещё покумекаю.

— Брось!

— Ты ступай, отче...

Кирилл спустился в нижнее хранилище и заглянул в решетчатую дверь. Подклеть до самых сводов была уставлена сундуками, среди которых во тьме слабо угадывались книжные грядки. Он толкнул дверь — заперто. Трудник потоптался в нерешительности. («Если я не видел в затворе ключника, носящего ключи на поясе, значит, отмычка там, где и замок...») Оцарапав костяшки пальцев и стукнувшись макушкой о низкий свод, он отыскал под порогом ключ. Вставил незамысловатую бородку в замочную скважину. Засов клацнул, ключ подошёл.

Кирилл, перешагнув порог, замер в нерешительности. Свечи, растерянно мигая, выхватывала из мрака корешки ближайших изборников. Лабиринт книжных грядок терялся в глубине подклети.

Каждая первая гряда могла быть последней и наоборот. Счёт можно было начинать справа и слева, или от любого из углов, или с какого-нибудь из сундуков, каждый из которых тоже ведь мог быть сам по себе первым...

16

Ростовское княжество,

Ростов Великий, Григорьевский затвор,

в год 6918 месяца января в 25-й день,

полунощница

Все по кельям.

Крик в ночи. Тень за окном.

Под высокими холодными звёздами мела, словно дымилась, слабая позёмка. Вой метели стих, уступив место тревожному безмолвию.

Епифаний погрузился в чуткий сон. Ему снилось, что он замурован в снежном плену: сугробы преградили все дороги, крепко-накрепко подперли двери и ворота.

Епифаний хотел было закричать и не смог: во рту снежный кляп. И всё же он изловчился позвать на помощь, крик получился тихим и сдавленным.

Епифаний вынырнул из сна и вдруг понял, что кричал не он. Глянул на постель Кирилла — пусто. Метнулся к окну — и увидел удаляющуюся фигуру чернеца.

Схватив подсвечник, выскоцил из кельи и позвал:

— Кирилл!

Прислушался: вокруг всё тихо, чернеца и след простили. Но ведь крик был где-то рядом! Если бы его услышали другие монахи, то хоть бы кто-нибудь да выглянул в коридор. А если нет — значит, кричать могли в угловой келье, тогда только ему одному и было слышно, потому что спал за стеной.

Епифаний распахнул дверь в угловую келью — пламя свечи, бросая шаткие, длинные тени, высветило валявшуюся на полу беличью шкурку. Вокруг ни души.

И тут его обдало ледяным холодом: в своей келье оставил книгу прямо на столе. Метнулся назад: книга лежала там, где он её оставил. Схватил и, прикрыв полой, спешно направился к выходу: дверь не поддавалась — видимо, на крыльце намело с горкой. Кое-как, с третьего раза, Епифаний всё же протиснулся в узкую щель, огляделся: нет никого. Проваливаясь в снег по колено, побежал под окно своей кельи — да где уж там, если и были следы, позёмка их тут же зализала. Хотел было подняться на колокольню и в набат ударить, но передумал, повернулся влево, к книгохранилищу.

17

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 26-й день,
после полуночицы

*Расторопность подвела.
Калина красная. Верные византийцы.*

Погрузившийся в размышления Кирилл, не сразу услышал осторожные шаги. Насторожившийся слух уловил их лишь тогда, когда посетителя выдал окованый сундук, ставший препятствием на пути.

Глухой удар и последовавший за ним возглас растаяли в кромешной тьме: Кирилл расторопно задул свечу...

Епифаний восседал на своём обидчике — сундуке, о кованый бок которого сбил себе ногу.

— Кирилл, ты тут? Ну хоть сейчас посвети, — взмолился Епифаний, — может, у меня уже ноги нет, а тебе хоть бы хны.

— Откуда ж я знал, что ты вздумаешь вернуться? — засопел Кирилл, услышав голос Епифания. — Выходит, задул свечу не кстати.

Засопев ещё громче, он расправился во весь рост. Вновь зажжённый огонь

освещал ровным полукругом добрую треть хранилища. Епифаний взялся за голенище, чтобы снять сапог, но так и застыл, позабыв о разбитом мизинце.

— Что это там? — он похромал к книжным рядам, подходу к которым препятствовал тот самый сундук. — А ну-ка свети в гору!

Кирилл поднял свечу над головой: на верхней грядке среди чёрных корешков служебников рдела россыпь красных капель.

— Неси лестницу! — скомандовал Епифаний срывающимся голосом.

— Да я и так достану, — Кирилл вскарабкался на сундук и, привстав на цыпочки, протянул руку: капли на ощупь оказались сухими и морщинистыми.

— Тут ягоды!

— Да это я уже понял сразу, доставай!

Раздвинув книги, Кирилл вытащил круглую глиняную флягу, заткнутую пучком калины.

— А настойки нет, пусто! — Кирилл потряс флягу возле уха.

— Дай мне!

...Первыми из фляги выпали свернутые в узкую трубочку листки, развернув которые Епифаний без труда узнал мелкий почерк хранителя Алферия.

«Накануне этого достопамятного и тревожного дня я, недостойный инок, с Божией помощью вернулся с Афона, куда ездил по благословению владыки для собрания книг и рукописей...»

Кирилл сидел на сундуке и ждал, когда Епифаний закончит читать. Сгорая от любопытства, он всё же чувствовал, что мешать нельзя: сейчас Епифаний с Алферием как с живым разговаривает. На самом деле во встрече друзей за гранью дней участвовали трое...

«Вершишь, я уже и думать по-пермски стал, кое-что из мыслей своих записал. Возьми и попытайся сохранить.

— А почему ты не отдашь Епифанию? Разве вы не духовные братья?

— Потому у него первого искать и будут. А если кто-нибудь у тебя спросит, что это за грамотки, то ты им, пытливым, правдиво ответишь: «Не могу ни разъяснить, ни растолковать, ни переложить». Пусть они в книгохранилище своего часа ждут. А я, когда время моего ухода настанет, буду знать, что попытался сделать то, что сделал.

— О каком уходе ты говоришь?

— Все на земле живущие умирают...»

Епифаний разжал пальцы, листки свернулись трубочкой.

— Прости, Кирилл, это не моя тайна...

— Ничего что я здесь? Может, мне совсем уйти? — обиженно спросил трудник. — Ты всё уже нашёл...

— Не кипятись, — остановил его Епифаний, — это не то, что мы ищем. Он потряс флягу ещё: на дне что-то запуршало. — Придётся разбить, как думаешь?

Кирилл безразлично пожал плечами. Епифаний ударил флягу об окованный угол сундука. Глиняные черепки брызнули в разные стороны, из них выпали исписанные хранителем листки.

— Книжная опись, — определил Епифаний, мельком просматривая некоторые из них.

— Сколько их всего?

— Одиннадцать, — пересчитал Епифаний.

— Который из листов одиннадцатый?

— Если б знать!

— Покажи, если, конечно, это опять не тайна!

— Не обижайся, — Епифаний примиряюще отдал листки.

Кирилл намётанным глазом скользнул по полям.

— Вот одиннадцатый лист, — он показал на отметку с краю листа.

— Глаголица?

— Да! Первая буква — И, вторая — А. Если говорить о числовом обозначении, И соответствует десяти, а А — одному. Одиннадцать!

Епифаний уважительно посмотрел на два замысловатых значка из не привившейся в обиходе азбуки:

— Кто бы мог подумать!

Кирилл потупился:

— Пустяковая задачка, любой тайницкий дьяк справился бы.

— Не скромничай, — Епифаний взял листок у Кирилла. — Что получается? Первой книгой в описи на одиннадцатой странице значится «Хроника Георгия Амартола».

— Что это за книга? Такая хоть тут есть?

— Конечно, есть. Без неё не обходится ни одна монастырская библиотека. Византийцы её списками всех снабдили, она ведь пятьсот лет назад написана.

— Где её искать?

— «Георгиевская хроника» — старина, но не редкость. Значит, тут, в запасниках, среди переводных древнейших книг. Подожди, дай вспомнить. Мы ведь тут со Стефаном немало полазали. Ох и гонял же нас Алферьй!..

Епифаний, взяв из рук Кирилла свечу, оглядел хранилище в поисках византийских книг. Первыми на глаза попались хронографы. Как самые увесистые они стояли в нижнем ряду. Над ними примостились «Златоуст», «Маргарит», «Измарагд» — каждый по несколько списков. И, наконец, рядом с «Пчелой» он обнаружил «Хронику».

Волнуясь, потянулся за ней, но передумал.

— Кирилл, давай лучше ты, у тебя рука лёгкая.

Перекрестившись, трудник снял книгу с грядки, примостился с ней всё на тот же сундук, раскрыл — ничего. У Епифания вырвался стон разочарования. Кирилл перевернул страницу — на колени, словно кружевной осенний лист в заморозки, неожиданно выпал пергамен, на котором вольной скорописью бежали буквы Стефановой грамоты.

Кирилл перевернул страницу, другую... Чутьё его не обмануло: там притаился ещё лист...

18

Ростовское княжество,
Ростов Великий, Григорьевский затвор,
в год 6918 месяца января в 25-й день,
первый час

*Пашутка пропал. Оставленное богатство.
Безделица или улика?*

После заупокойной службы монахи, земно поклонившись Алферию, сошлись на поминальной трапезе. Тут и хватились Пашутки, вспомнив, что и на погорсте его тоже не видели.

Епифаний хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл! — и рассказал про вчерашний крик за стеной, про монаха за окном, про беличью шкурку на полу.

— Как такое могло случиться? Да и пустует угловая келья, она у нас вроде как архиерейская. Ещё кто-нибудь слышал? — наместник обвёл всех взыскательным взглядом.

— Нет, — нестройным тихим хором откликнулись монахи.

— Только я и слышал, — горестно подтвердил Епифаний, — но не внял.

Кирилл, выждав, когда братия начнёт расходиться по кельям, подошёл к наместнику:

— Убедиться бы, отче, что никто в обители не пострадал...

— Так ведь все, кроме Пашутки, здесь, — игумен непонимающе посмотрел на трудника.

— Все? — переспросил Кирилл.

— Ну... разве что ещё плотники, присланные архиепископом в хранилище работать...

— Я схожу, — выступил вперёд Кирилл, — где они, отче?

Мы их подселили в гостиную келью к Пашутке...

Не дослушав, Кирилл поспешил во двор, туда, где у самого тына, между келарской и труднишной примостилась гостиная келья.

Там он нашёл двоих: молодого и пожилого.

— Вас тут двое живёт?

— Нет, ещё третий есть, подмастерье, — они смотрели на Кирилла удивлённо: — Да ещё блаженный, только он не появлялся здесь с вечера.

— Где он спал?

Молодой кивнул на противоположный угол.

Косолапо переступив с ноги на ногу, Кирилл сорвал с соломенного тюфяка дерюгу:

— Похоже, его сумма лежит...

На дне сумы лежало что-то увесистое. Кирилл запустил руку и достал горбатый трёхгранный слиток, затем ещё один, ещё... Тусклое серебро оттягивало ладонь своей тяжестью. На первый взгляд могло показаться, что это две половины одного слитка. Однако, приглядевшись, Кирилл заметил: на толстом конце первого слитка металл ровный, наверно, был отрублён; а у второго слитка края были острыми,

словно его разламывали, или он сломался во время рубки. Кирилл приложил их друг к другу: не сходятся.

— Глянь, батя, сколько!.. — у младшего плотника округлились глаза и рот.

— Литовские или новгородские, — раздался с порога голос Епифания.

— Они чем отличаются друг от друга? — спросил Кирилл, переводя взгляд с одного слитка на другой.

— Почти ничем, у литовских вроде как «спинки» острее, да и сами они чуток полегче.

Кирилл задумчиво взвешивал слитки на ладонях, смутно чувствуя, что следует вспомнить нечто важное. («Выходит, не врал Пашутка, было ему чем платить за защиту, которую он пытался купить? А раз не солгал про серебро, то, вероятно, был прав и в главном: его действительно хотели убить, а, может быть, уже и убили?»)

Плотники, взяв топоры, пододвинулись к выходу:

— Отцы, мы пойдём? Нам работать пора...

— С Богом, — откликнулся Епифаний. — Давай суму игумену отнесём, считай, пожертвование от Пашутки...

— Отче, — повернулся к нему Кирилл, вешая суму на плечо, — а что ты про шкурку говорил?

— Да ничего, — подал плечами Епифаний, — она на полу в угловой келье валялась. Я её когда увидел, про Пашутку подумал, а потом о тебе забеспокоился, ну и...

И тут Кирилла пронзила догадка, заставившая его, не раздумывая, помчаться во весь опор в угловую келью. Беличий мех лежал у порога. Кирилл поднял шкурку и, наконец-то вспомнив, тихо застонал: Пашутка заворачивал в этот мех кресало! То самое, которое хотел продать ему, Кириллу. Но теперь кресала нигде не было: ни в одной из келий — ни в гостиной, где оставалась сумка, ни в угловой, где валялась шкурка. («Подумаешь, важность, выживший из ума, небось, обронил где-нибудь свою безделицу... Да только безделица ли это? И как оказалась шкурка в угловой келье? И где сам Пашутка?»)

Александр Красов

Красов Александр Васильевич (1865–?), священник, литератор, переводчик. Родился в Вологодской губернии. Был священником, имел учёную степень кандидата богословия. В 1890-х преподавал в Петербургской духовной академии. Книга Красова А. В. «Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ пермский и устьвымский (1383–1396)» была опубликована в 1900 г. на французском языке в Париже под названием «Жизнь, нравы и экономическое состояние зырянского народа Северо-Востока России с изложением его языческих культов и обращения в христианство». Как образцы народной поэзии в книге на французском языке были опубликованы стихи Куратова И. А. «Зон» и «Пёрысь морт». В книге публиковались и благодарственные письма

Красову А. В. президенту Франции Феликсу Фоору и королеве Англии Виктории «за подаренные экземпляры русского варианта книги». Красов А. В. был и переводчиком на коми язык.

Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский*

Глава I

По последним научным изысканиям установлен тот факт, что Зыряне вместе с родственными им Пермяками и Вотяками составляют одну большую отрасль так называемого Финского или Чудского племени, которое ещё в незапамятные, доисторические времена выселилось из глубины Средней Азии в нынешнюю Европу. Догадываются, что это племя или, вернее, племена*, когда-то занимали склоны Алтайских и Саянских гор, верховья Иртыша, Оби и Енисея¹. До конца прошлого столетия по отрогам лесистого Алтая встречались ещё остатки Финских племён под именем Воти или по-татарски Ари². В 1807 году в Закавказье было найдено малочисленное племя, называющее себя *удины*³, и по языку не имеющее никакого сходства с известными племенами Кавказа. По расследованиям Географического Общества, оно оказалось одним из Финских племён, сохранившихся с глубокой древ-

*) К. Бэръ въ соч. «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи» стр. 588 семейство Финскихъ или Чудскихъ народовъ подраздѣляетъ такъ:

Финское семейство. { 1. Западн. финские народы. { 1. Лопари. { а. собств. Финны (Емы) 2. Финны. { 2. Карелы. 3. Воды. { 3. Ижорцы. 4. Есты или Чухонцы. 5. Ливы.

{ 2. Восточн. Финны. { 1. Зыряне. 2. Пермяки. 3. Вотяки. 4. Богулы. 5. Остяки.

{ 3. Финны Волжские { 1. Мордва. 2. Черемисы. или Болгарские. { 3. Чувашы... Венгры.

У Кастренъ въ его «Ethnologische Vorlesungen» стр. 91 встрѣчается слѣдующее дѣление Финскихъ народовъ:

Финны. { 1. Угорьскіе Финны. { 1. Остяки. 2. Вогулы. 3. Венгры. 2. Волжскіе народы. { 1. Черемисы. 2. Мордва.

{ 3. Пермскій вѣтвь. { 1. Пермяки. 2. Зыряне. 3. Вотяки.

{ 4. Финская вѣтвь. { 1. Nämäläiset (Емы или Ямы) 2. Карелы. 3. Кайнуайсет. 4. Wotjalaiset (Воты). 5. Wivolaiset (Эсты и Ливы).

* Публ. по изданию Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский. СПб., 1897.

ности. В незапамятные, доисторические времена, вследствие какого-то сильного внешнего толчка, Финские племена пришли в движение, оставили свои родные, насиженные места и потянулись дальше на запад, направляя свой путь в пределы нынешней Европейской России. Полагаем, что это передвижение Финских племён случилось вследствие давления их с юго-востока народами Монгольского племени. Намёк на врага, вытеснившего предков Зырян из их родины сохранился, по нашему мнению, в следующей мифической сказке, передаваемой Зырянами.

«Далеко отсюда — говорится в сказке — на восходе солнца жили когда-то два брата: Эсьяс и Эшъяс⁴; у них в подданстве было много народа. Житьё было всем хорошее; ни сеять, ни пахать не было нужно: всё само родилось, само в рот валилось. И был у тех братьев бог Йома, страшный бог⁵. Питался он человеческим мясом и запивал его тёплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожадным наклонностям, бог любил и защищал их. Но раз как-то братья забыли принести ему обычную еженедельную жертву — двух мальчиков, двух девочек и трёх овец, и свирепый Йома разгневался и нагнал на них большого чёрного коршуна (*съэд кырныш*). Коршун этот крыльями своими производил гром, а из рта у него выходило пламя. Он напал на Эсьяса и Эшъяса, подданных погубил и сжёг, а самих их прогнал далеко на закат. А чтобы они не могли вернуться назад и занять старое место, он провёл борозду (*межа*) своим когтем, и потекла вода в той борозде, и образовалась глубокая и широкая река. Он думал, что братья не в состоянии будут переправиться через эту реку. Но случилось не так. Лишь только чёрный коршун улетел на солнце к Йоме, братья сделали плот, крепко привязали его тонкими прутьями и переехали реку: сердце звало их на родину. Но ворон увидал их и снова погнался за ними, гнал их пустынями, потом лесами, затем опять пустынями, и снова лесами... И потом выдернул перо из хвоста и положил на землю, и выросли из этого пера большие горы, покрылись и зазеленели лесом. Видят братья, что теперь уже не пробраться им до родной земли, — остались жить в лесу. Сказывают старики, — заканчивают Зыряне свою сказку, — что мы и народились от этих самых братьев». Хотя вся эта сказка богато изукрашена фантазией, тем не менее служит указанием на несомненный факт переселения Финского племени с «восхода солнца» на «далёкий закат».

В позднейшие времена застаём Финнов на северо-востоке Европы. Римский историк Тацит упоминает о Финнах, как стариных жителях полуночной страны. Древние скандинавские саги также очень часто упоминают о двух Финских странах на северо-востоке Европы — Кириаландии и Биармии. По свидетельству нашего древнего историка Нестора, до основания Русского Государства, издавна обитали в нём следующие народы: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемисы, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямы, Угра или Югра.⁶ В частности, о существовании Биарнского народа, в состав которого входили: Пермь, Печора и Югра,⁷ стало известно уже в IX веке. В это время посетил Биармскую страну Отер, Норвежский мореплаватель. На устье Северной Двины он нашёл даже прекрасно обстроенный город с значительным населением⁸. Так как ни Нестор, ни древние Норвежские мореходцы, в перечислении народов, обитавших на севере России, не упоминают о Зырянах, как об отдельном народе, то нужно думать, что Зыряне тогда были известны под одним из указанных имён. Они были известны или под именем Перми, Печоры, Югры, или Заволоцкой Чуди. Это предположение оправдывается

тем, что большая часть мест и сами реки, близь которых жили эти соседственные и без сомнения родственные племена, носят Зырянские названия. Под каким же из названных имён были известны Зыряне? Есть данные разуметь Зырян под именем Печоры. Во-первых, Печорского народа теперь нет, а места его древнего обиталища заняты Зырянами; отсюда можно думать, что Печора с течением времени была переименована в Зырян. Во-вторых, из летописных известий Новгородских посадников, владевших Печорой ещё с X-го века, видно, что Печорой они называли все земли, лежащие в нынешних уездах: Устьсыольском и Яренском, т. е. опять же все те места, где теперь живут Зыряне.

Но почти все исследователи Зырян (Кастрен, Кеппен, Видеман, Лепехин) единогласно утверждают, что Зыряне, Пермяки и Вотяки в древности составляли один народ и известны были под одним общим именем Перми; только Шегрен думает, что теперешние Зыряне — Югра Несторова. Вполне соглашаясь с мнением большинства исследователей Финских народов, что Зыряне, Пермяки и Вотяки не только по происхождению, но и по языку, составляют один народ, полагаем, что Зыряне в старину были известны под обоими именами — Перми (северо-восточные Зыряне) и Печоры (северо-западные Зыряне⁹).

Когда же Зыряне стали называться настоящим именем и почему?

Большинство исследователей о Зырянах, не указывая времени, определяют, что название «Зыряне» дано Русскими, но само слово зырянское и происходит от глагола *зырны* или *зырсины*, вытеснять, вторгаться, заступать место другого. Отсюда заключают, что Зыряне были вытеснены, прогнаны откуда-то и кем-то, или же сами кого-нибудь вытеснили и заняли чужие места, и, согласно с своим положением, получили название, оставшееся при них доныне — вытесненных или вытеснивших (*зырэмаяс*, *зырэдэмайас*). Академик Лепехин утверждает, что Зыряне были вытеснены с прежних мест своего жительства в страну, ныне занимаемую каким-нибудь другим народом, и потому получили название Зырян (*зырэмайез*), т. е. сдвинутых. Несколько разъясняет это мнение академика Лепехина г. Устюжанин. Он говорит, что Зыряне произошли от Финского племени, заселявшего когда-то прибрежье Балтийского моря. Вытесненное с места жительства, это племя пришло на северо-восток теперешней Вологодской губернии, населённой Чудью, которую в свою очередь или вытеснило за Урал или слилось с нею. В доказательство приводится следующее соображение: Усть-ым по-зырянски *Йем-дын*; есть зырянские селения: *Гам*, *Важгорт*, *Венъ-дин-га*. Все эти селения напоминают прибалтийские племена и местности: *Емь* или *Ям*, *Гам*, упоминаемый Олеарием, и находящийся недалеко от г. Нарвы, *Важ-горт*, бывший на месте нынешнего Ревеля и наконец *Венден* в Лифляндии¹⁰.

Г. Савваитов следующим образом определяет название Зырян: «Под именем Зырян,— говорит он,— известен народ, обитающий в смежных уездах Вологодской, Пермской и Архангельской губерний. Как по происхождению, так и по языку, он принадлежит к обширному семейству тех северных народов, которые обыкновенно называются финскими. Само название Зырян имеет чисто финское происхождение: ещё и теперь ближайшие к ним финны называют их *зиръэлайнен*, т. е. пограничными жителями, украинцами (*зиръя* — край, предел; *лейнен* или *лайнен* (от *лай* — род, племя) соответствует русскому окончанию нарицательных имён — *янин*, *анинъ*). Очевидно,— говорит г. Савваитов,— что слово Зырянин есть

изменённое по духу русского языка финское *зиръэлайнен*¹¹. Г. Михайлов не соглашается ни с тем, ни с другим смыслом, соединяемым со словом Зыряне (сдвинутые или сдвинувшие, украинцы). Он решительно говорит, что Зырян некому было вытеснять, да и им некого, потому что они одни вместе с Пермяками составляли древний Биармийский народ и наполняли собою весь северный край, всю полунощную страну. Г. Михайлов производит слово Зыряне от двух слов: *сар* и *ань*. *Сар*¹² выражает понятие о чём-то высоком, блаженном, святым, *ань* значит женщина. Остяки и Манцы до сих пор называют Зырян: Сар-ань-кум; *кум* значит человек, а всё выражение значит: «человек, почитающий женщину». А так как Зыряне в язычестве преимущественно пред другими идолами боготворили Золотую Бабу (*Зарни-ань*), то и получили своё название от имени уважаемого ими идола. Изменение же согласных в корне *сарань*, а потом в именах, от него производных: Саране, Сырьяне, Серьяне, Сыряне, происходило постепенно, пока не образовалось окончательно нарицательное — Зыряне¹³. Г. Кичин, изучавший Зырян, производит это название от любимого Зырянами напитка: *сур* — пиво.¹⁴ Наконец, г. К. Попов, автор статьи: «Зыряне и Зырянский край» название — Зыряне — считает русским. Корень его «зыря» с производными зырить, вызырить и т. д. «До сих пор ещё,— говорит г. Попов,— оно употребляется в чисто русской части Вологодской губернии; именно, в Кадниковском уезде *зырей* называют человека, много чего-нибудь выпивающего: «всё вызырил — мне не оставил: экой зыря!» В Сольвычегодском уезде мальчиками употребляется бранная прибаутка: «Зыря-баря! кашу ела и пропрела». Поэтому,— заключает г. Попов,— надобно полагать, что слово Зырянин произошло от укоризненного прозвища, данного Русскими части того народа, который в древности известен был под названием Перми, подобно тому, как и теперь жителей Сольвычегодского уезда соседи называют ершеедами, Устюжан — красноязычными, Вологжан — телятниками и тому подобное». Не соглашаясь с теми, которые название Зырян считают происшедшем от зырянского корня, мы присоединяемся к г. К. Попову, признавая это слово русским, или, вернее, славянским; но мы не согласны с г. К. Поповым в производстве слова Зыряне от корня «зыря» с производными зырить, вызырить; нам представляется более справедливым, что слово — Зыряне — или, как называет Епифаний: *Сырьяне*¹⁵ и Никоновская летопись — *Серьяне*¹⁶ тождественно со словом — *сыро-ядцы* (сыре ясти) и указывают на природную склонность Зырян есть сырое. Может быть, эта-то природная склонность Зырян была констатирована в давнее время Славянами и по ней дано название Сырьян или Зырян целому народу. По крайней мере нам известно, что ещё инок Лазарь Мурманский или Муромский, живший в половине XII века, называет Лопян и Чудь, обитавших в то время около Онежского озера, зверообразными и *сыроядцами*¹⁷. Автор статьи «Охотничье право собственности у Зырян» утверждает, что слово Зыряне, как официальное и литературное название народа, стало употребляться не ранее XVIII в., и, вероятно, вследствие деления России по губерниям, наместничествам и уездам после Петра Великого. Пермь, вошедши в состав нынешней Вологодской губернии, стала называться данным ей русскими соседями прозвищем — Зыряне, а причисленная к Пермской и Вятской губернии удержала старое официальное название Перми. Но мы знаем, что, по крайней мере, в XIV веке уже был известен народ под именем *сырьяне*¹⁸.

Обращаемся к туземному названию Зырян. Зыряне сами себя называют *коми*, *коми-морт* и *коми-вой-тыр* или *коми-йез*. Последние названия употребляются тогда, когда говорится о всём народе, а первые два при обозначении одного лица. «Кто ты?» — спросите Зырянина. Он ответит: «ме коми» (я — Зырянин) или «ме коми-морт» (я человек — Зырянин). Но вопрос, отчего так Зыряне себя называют и как переводить слово *коми* буквально по-русски, остаётся необъяснявшимся. Г. Михайлов слово *коми* считает тождественным с осяцким *кум* — человек, но тогда в соединении *коми-морт* получился бы лишённый смысла плеоназм: человек — человек. Если же он и переводит: «человек-людин», то в этом переводе явная натяжка и игра слов¹⁹. Г. Берх переводит слово *коми*: рыболовы²⁰; но и этот перевод неверный, хотя в Зырянском языке есть созвучное слово *ком* и значит харьюз.

Гораздо ближе к действительности следующее мнение о смысле и значении слова *коми*, хотя также основанное на одном созвучии. Именно: название *коми* производят от реки Камы (в Пермской губернии)²¹ и поэтому предполагают, что Зыряне прежде жили по этой реке, с берегов которой были вытеснены какими-то пришельцами²². Это предположение оправдывается и тем, что Зыряне и Пермяки, населяющие теперь северную часть Пермской губ., всю Пермскую губернию называют *Коми-му*, т. е. земля коми или зырянская область. Слова: *Коми-вой-тыр* выражают несобственное имя народа, а опять же указывают на место, занимаемое Зырянами. Вой значит ночь, север, *тыр* — полный; все три слова значат: коми, наполняющие северную, ночную страну. Другими словами: *коми-морт* соответствует нашему «русский человек», а *коми-вой-тыр* — «северные русские». Таким образом, бесспорно лишь то, что словом *коми* Зыряне обозначают особую народность, которая населяет северный край и которая в древности была известна под именем Биармской или Печерско-Пермской, потому что в памятниках нашей древней письменности Пермский народ иногда называется «коминами».

Из той многочисленности названий рек и озёр, находящихся на севере Европейской и Азиатской России, некоторые из исследователей предполагают о Зырянах, что они прежде были весьма многолюдны²³. Судя по этим названиям, Зыряне населяли с севера к югу все места от устья Печоры до начала Северной Двины и даже по Сухоне, а с запада к востоку — от Колы до восточных границ Сибири. Но по одному наименованию рек едва ли можно с уверенностью предположить одновременное заселение когда-либо, в прежнее время, Зырянами чуть не всей северо-восточной половины Азиатской и северной — Европейской России.

От многочисленности названий рек и озёр скорее и с большей основательностью, по нашему мнению, можно предположить, что Зыряне в древнее время был народ кочующий. По выходе из-за Уральских гор, с берегов Сосьвы и Лозьвы, они двигались на запад к реке Каме и проходили по всему пространству, имеющему зырянское название рек. По всей вероятности, Зыряне двигались медленно, останавливаясь на каждом шагу, находя в изобилии зверей, нужных им в пищу и на одежду, и для различия новых мест, рек и речек от прежде занимаемых давали им свои названия. При этом естественно, часть племени в некоторых местах отставала от общей массы и потом смешивалась с напльвшими народами или оттеснена ими по другому направлению. Подобное смешение одного племени с другим мы наблюдаем в настоящее время: Зыряне, а в особенности Пермяки,

живущие вместе с Русскими, часто подчиняются влиянию последних, принимают их язык, нравы и обычаи и постепенно превращаются в русских крестьян.

Домашняя жизнь Зырян-кочевников в первое время поселения их на севере Европейской России отчасти может быть разъяснена при помощи таких древних историков, как Тацит и Нестор. Первый, описывая Финнов, говорит, что они не имели ни домов, ни коней, ни оружия, питались травами, одевались звериными кожами, укрывались от непогоды под сплетёнными ветвями, детей своих сажали на деревья, защищая от зверей, женщины ходили на охоту наравне с мужчинами и пр. По свидетельству Нестора, народы Финского племени в его время уже не были настолько грубы и дики, как во время Тацита, и имели постоянные жилища. Соображая эти известия с местными условиями края, нужно полагать, что Зыряне с первых дней прихода в северные страны имели уже жилища и тёплые помещения, без которых там невозможно жить зимой. Эти жилища они устраивали следующим образом: выкапывали в земле род погреба, который прикрывали остроконечной крышей, а на крышу накладывали земли. Пола в таких землянках не было, для спанья подстилали на землю траву или сухие берёзовые листья, для сиденья могли употреблять чурбаны или корневища толстых дерев. Погреба нагревались дровами и раскалёнными докрасна каменями; на них же приготовлялась и пища. В эти землянки Зыряне переселялись на зиму со всем семейством и оставались в них до весны. Приготовленные таким образом жилища не требовали большой работы и были весьма удобны для кочующего народа²⁴. Вероятно, остатки этих-то подземных жилищ и составляют находимые теперь в большом количестве в разных местах северо-восточной России могилы, ямы, курганы и городища, известные под именем Чудских. Таких ям и курганов особенно много в Вологодской губернии. В г. Никольске остатки этих ям указывают около нынешнего кладбища, близ самого города; в Вельском уезде, в Вознесенской волости; в Сольвычегодском уезде, в волости Чудинове. В Устьсыольском уезде, в волости Ибской, в деревне Каргорт есть гора под названием «Чудь — гора». Гора эта с трёх сторон круглая, так что с трудом можно попасть на вершину. Несколько лет тому назад Зыряне принимались на вершине этой горы выкапывать ямы, причём находили отверстия, которые принимали за трубы, находили и старинные вещи. Наконец лет 15—20 тому назад Зыряне в одной из ям около деревни Ижемской случайно нашли целый кувшин с серебряными монетами. При дальнейших раскопках на том же месте было найдено много старинного оружия и вещей каменного и бронзового периода. Подобные Чудские ямы никогда не встречаются по одиночке, а всегда группами в 10—20 штук.

Весьма интересными являются рассказы среди самих Зырян и Пермяков о «Чуди», оставившей городища, ямы и пр. Дело в том, что одни из Зырян и Пермяков (Вятской губ.) эту Чудь считают прямо своими предками, другие же (Пермяки Пермской губ.) отрицают это, признавая Чудь за другой народ, отличный от Зырян и Пермяков, и утверждают, что они только заняли её прежние места. Существует следующее предание у Вятских Зырян относительно Чуди. «Давным-давно,— рассказывают старики Зыряне,— когда ещё в здешние места начальство не заглядывало, жил здесь один народ — Чудь. Жили эти Чуди, как звери, в лесах; а леса тогда были не то, что нынешние: ни проходу, ни проезду тогда через них не было, о дорогах уж и толковать нечего: ходили только по солнцу, да по звёздам.

Чудь и жила в здешних местах, промышляя зверьём: и питалась зверьём, и одевалась зверьём. Долго ли, коротко ли, только вот и пришёл сюда Стэпа — угодник (св. Стефан, епископ Пермский) и всех начал крестить. А Чуди не хотелось этого. Со Стэпой — угодником, пришли царские послуги и начали они Чуду ту теснить всячески и принуждать в воду идти. А тогда так было: коли кто окрестится, тот настоящим русаком делается и должен платить царю оброк. Чудь упёрлась: «не хотим-де креститься, да царю оброки выплачивать». Кинулась она в леса, убежать думала. Только царь послал народу ещё того больше, и велел переловить её всю и окрестить, и взять с неё подати — оброки великие. Видит Чудя: дело плохо, не сдобривать ей; выкопала она ямы, залезла туда, да и зарылась в них, и всё имущество с собой взяла.— «Так вся Чудь и погибла здесь в этих ямах?» — спросите вы рассказчиков.— «Нет, зачем вся,— они ответят вам.— Много тоже её в лес убежало. Мы вот теперь от этой Чуди и народились». Из этого предания видно, что Вятские Зыряне и Пермяки вполне верят тому, что они с Чудью составляют одно и то же племя, что Чудь не вся погибла, что потомки её они, Зыряне. Между тем Пермяки Пермской губ. совершенно не признают себя потомками Чуди. Они рассказывают, что Чудь, Чудаки, оставившие городища, были другой, отличный от Пермяков, народ, большая часть которого не хотела принимать христианскую веру (это было в XV и XVI вв.) и обрекла себя добровольно на смерть. Она целыми семействами забиралась в нарочно вырытые пещеры или ямы, ставила по углам столбики, делала над ними крышу, накладывала на крышу камни и землю, потом сходила в ямы с имуществом, подрубала подставки и умирала под обрушившимся на них землём. Таким образом Чудаки исчезли, и их места заняли Пермяки. Итак, одни Пермяки считают себя потомками Чуди, а другие отрицают это. При этом противоречии преданий у одного и того же народа остаётся предположить, что остатки Чуди (о которых говорят Пермяки Пермской губ.) через смешение с русскими переселенцами постепенно превратились в Пермяков и стали забывать свой язык, обычаи, нравы, словом, позабыли свою прошлую жизнь. Такими переселенцами в северные пределы, занимаемые тогда Зырянами и Пермяками, как увидим ниже, были Новгородцы. Быть может, они жителей севера и прозвали Чудью или Заволоцкой Чудью²⁵.

Ведя кочевую жизнь в холодной стране, Зыряне, до введения хлебопашества, питались травами, рыбой и зверями, одевались звериными кожами. Обширность лесов и изобилие в них зверей и птиц, естественно развивали между Зырянами звериную ловлю. Предприимчивые и смелые из них приобретали более, чем было нужно для собственного употребления, и избыток отдавали промышленным соседям за их произведения: луки, стрелы и домашние вещи; а отсюда возникла мена и потом торговля Зырян и Пермяков (древних Биармийцев) с соседними народами.

Уже Готский историк Иорнанд упоминает о торговле соболями в глубине севера с VI века, а в это время по берегам Волги и далее к югу жил промышленный и торговый народ — Булгары, находившиеся в обширных торговых сношениях с севером и югом и бывших посредниками в меновой торговле Биармийцев с южными и восточными народами²⁶. Карамзин только предполагает возможность торговли Булгар с Персами²⁷, но найденные и находимые древнейшие вещи и монеты (двумя с половиной веками старее самых древних монет, находимых в России) в стране, теперь и давно прежде занимаемой Зырянами и Пермяками, отвергают всякое

сомнение в возможности этой торговли. Так, в 1846 г. найдены в имении графини Строгановой (в Пермской губ.), на левом берегу речки Туй²⁸, впадающей в Каму с правой стороны, серебряное блюдо, чашка с татарской надписью кругом, небольшой оловянный истукан главного божества Зырян — Золотой Бабы²⁹ и монеты династии Сассанидов, царствовавших в Персии с 226—651 г. В 1851 г. в Министерство Внутренних Дел был доставлен клад из южной части Пермской губернии, состоявший из драгоценных вещей и монет скандинавских, византийских и индобактрийских, начиная с половины V века и оканчивая началом VII века. Найденные в том же году в селе Ключах Красноуфимского уезда серебряные блюда с изображениями каких-то животных, по определению археологической комиссии, оказались произведением эпохи Сассанидских царей: Эздегира II, Кобода и Хосрова II (441—594 г.). Вблизи г. Устьюга Вологодской губ. был открыт клад с англо-саксонскими и немецкими монетами X—XI веков. Вблизи г. Устьы-сольска, той же губернии, в «чудском городке» или насыпи на довольно значительном пространстве, сажени в $3\frac{1}{2}$ вышиной, в числе других археологических находок, вырыты две монеты: одна серебряная, сассанидская, литая в Бухаре в половине X в., другая из смеси свинца и олова, вычеканенная в Ташкенте в конце X века, тоже сассанидская. На берегу Оби, в Самарове, у Остяков, в прошлом столетии отыскано было металлическое зеркало с арабской надписью эпохи Халифата Аббасидов, X или XI в.³⁰. Все эти предметы убедительно доказывают сношение древних Зырян и Пермяков с Булгарами, потому что другими путями они не могли попасть в Зырянский край. Притом, разные металлические вещи домашнего употребления: железные топоры, железная кольчуга, серебряные блюда, оловянные чашки, серебряные ложки, золотые запястья и серьги, находимые в Чудских курганах и ямах, подтверждают это убеждение, потому что у Зырян тогда ещё не было своих плавильнь и мастерских; не говорим уже о разных Чудских (мелких) вещах, находимых в разных местах Пермской и Вологодской губерний³¹. Наконец развалины древних стен и рвов, могильных насыпей, древних укреплений и валов, остатки древних мостов, построенных, по старинным сказаниям, древними Биармийцами для удобной доставки товаров, остатки прежних зданий — всё это доказывает оживлённую торговлю, которая производилась в этих странах. Академик Лепехин, с которым мы вполне согласны в данном случае, в своих «Дневных записках путешествия» (т. IV, стр. 411—412) говорит: «В стране Пермяков было издавна торговое место, где стекались для торговли разные народы: Шведы, Норвежцы, Датчане и др.; они приезжали с моря по Двине. Соседние с Пермяками Булгары доставляли им Персидские, Индийские, Греческие и других стран товары. Отсюда и можно заключать о довольстве и богатстве Пермян. Об этом же можно судить и из того, что у них было много богов и кумиров, разного достоинства и чести». Г. Фирсов доказывает³², что в старину Финны вели торговлю даже с Греками, имевшими свои колонии на берегах Чёрного моря; последние получали от Финнов продукты горной промышленности. Несмотря на это свидетельство древних и новых исследователей,— о торговле в древнее время Биармийцев с народами юга и севера,— и научные изыскания, подтверждающие эти свидетельства, являются попытки опровергнуть их. Так г. Дмитриев в книжке «Пермская старина» (Пермь, 1889 г.) разделяет всех исследователей на два противоположных лагеря, называя одних «скептиками» Биармии,

а других «апологетами» её. Признавая себя «скептиком» древней Биармии, он сильно вооружается против её «апологетов», которых — заметим — громадное большинство в сравнении со «скептиками», и в числе которых такие лица, как Ломоносов, Шлецер, Карамзин, Соловьев, Костомаров и другие. Стараясь, по-видимому, доказать с строго исторической точностью, что древней Биармии никогда не существовало, что это выдумка скандинавских путешественников (напр., отчёт Отера королю Альфреду о его путешествии по северным странам во второй половине IX в.), которую простодушно приняли наши историки за чистую правду, г. Дмитриев на стр. 31, в объяснение находимых разных золотых и серебряных вещей и древнейших Персидских монет в Пермской и Вологодской губ. (т. е. там, где жили Пермь, Печора, Чудь, составлявшие Биармийский народ), говорит, что эти вещи наносные, что они, при переноске с юга на север, «каким-то образом» остались в Пермских странах и потому теперь случайно открываются от времени до времени; но так как они — продукт восточной торговли, то ничуть и не доказывают самобытной культурности древней Перми. С последним выводом г. «скептика» Биармии мы согласны. Древние Биармийцы, т. е. Зыряне и Пермяки, не имели у себя культуры, но у них была сильно развита звероловная промышленность; Биармийские леса были наполнены разными пушными зверями, убивая которых Биармийцы приобретали себе богатство, состоящее из мягкой рухляди. Этих пушных зверей они выменивали на иностранные товары, золотые и серебряные монеты и вещи домашнего употребления³³. Иначе как же могли попасть в руки Биармийцев старинные Персидские монеты, разные сосуды с татарской надписью и изображениями разных тропических зверей и растений, если у них не существовало меновой торговли, если у них не было богатой промышленности — звероловства? Относясь критически — строго к иностранным сказаниям о древней Биармии, г. Дмитриев спрашивает историков — апологетов Биармии, почему об этой стране так мало говорят наши летописи. «Они,— продолжает г. Дмитриев,— очень скромно говорят о «баснословных» богатствах древней Биармии, упоминают, правда, о вывозе отсюда мягкой рухляди, вещей с «узорочьем»³⁴, даже о «каком-то» закамском серебре и только». Касаясь между прочим наших летописных свидетельств о естественных богатствах северных стран и приближаясь, по его мнению, к действительной истории Биармии, г. Дмитриев единственно опирается на известный летописный рассказ Гюрги Роговича о Югории. Мы ниже скажем, по каким причинам сложился у Новгородцев этот рассказ, передаваемый в летописи, в котором одном старается найти историческую правду г. Дмитриев, игнорируя все последующие свидетельства о Биармии и её естественных богатствах. А таких свидетельств не мало. Что, например, привлекало тех же Новгородцев в отдалённые северные страны: Югорию, Заволочье, Пермь и Печору? Из-за чего враждовали великие князья Московские с Новгородским Вече? А вот из-за чего. В Новгородских летописях под 1232 г. читаем: «Князь великий Иван прия из Орды и извергнув гнев на Новгород прося у них сребра закамского»³⁵. Ужели великие князья Московские и Новгородское Вече, каждый претендую на завладение закамским серебром и мягкой рухлядью, воевали так долго (до 1471 г., когда Новгород подчинился власти Московских государей) из-за каких-нибудь ничтожных добыч и мнимых богатств Биармии. Ужели все те трудные переходы по пармам (топкие равнины, покрытые березняком и сосновыми) болотам, лесистым местам, стоявшим иногда

жизни сотни людей из войска, чтобы пробраться в какую-нибудь Югорию, победить её жителей³⁶, ужели всё это совершилось для добывания каких-то мнимых богатств страны? Известно далее, что все сборы, налагаемые великими Князьями на Новгород, главным образом падали на Заволочье. Так называемые Печерские дани переходили часто в руки князей. Под 1132 г. Нестором сообщается известие, что Новгородцы «даша дани Печерские» князю Изяславу для великого князя Ярополка Владимиоровича³⁷. При Дмитрие Иоанновиче, когда Новгородцы должны были заплатить окупу (выкуп) восемь тысяч руб., то они со всех своих волостей и с самого Новгорода собрали только три тысячи, а Заволочье дало пять тысяч. В 1472 г. Иоанн Васильевич III посыпает сильное войско под начальством князя Пестрого, который разбивает Пермские войска и берёт в плен её предводителей: Кача, Бурмана и Зырана. Ужели и этот поход совершён из-за владений только мнимыми богатствами Перми, старинной Биармии? Почтенный исследователь древней Перми очевидно отрицает её древние богатства потому, что не видит их там теперь. Правда, нет теперь в Зырянском и Пермском крае ни тех дорогих пушных зверей, которые водились в древности (напр., бобров, соболей, очень мало выдр; причина понятна: повсеместное, почти бесконтрольное истребление лесов в крае); нет ни того закамского серебра, которым, по свидетельству летописей, жители Биармии платили дань Новгороду. Пусть в настоящей бедной обстановке Зырян и Пермяков — потомков древних Биармийцев, ничто не напоминает прежнего материального благосостояния; но разве от настоящего быта известного народа можно делать заключения о быте древнейшем? Современное состояние Зырян и Пермяков — следствие истории, а сохранившиеся предания и памятники слишком открыто говорят пытливым исследователям (заметим кстати, что сообщая результаты научных трудов г. Малиева, бывшего профессора Казанского, а потом Томского университета, добросовестно изучавшего в 1886 г. Пермский край и её древних обитателей «путём точных краинологических изысканий» и пришедшего к нежелательному для г. Дмитриева выводу, г. скептик Биармии на стр. 23 своей «Пермской старины» говорит: «Суждения г. Малиева о славе древней Биармии не самостоятельны, совершенно бездоказательны и странны тем более, что сам же он при раскопках мог убедиться в противном» (!)) о некогда бывшей, сравнительно высшей ступени материального благосостояния края, с которой сошли или были сведены теперешние потомки древних Биармийцев, и о знании Биармийцами культурных произведений древних народов Азии³⁸.

Кроме Булгар, древние Зыряне и Пермяки имели торговые сношения с Скандинавами. Смелые скандинавские мореходцы уже в IX в., т. е. со времени посещения Отером берегов Северной Двины — производили торговлю с Биармийей. С начала XI в. древняя Пермь, а впоследствии Чердынь, были главным местом торговли. Сюда привозились от Булгар серебро и золото Азии, персидские и индийские товары и обменивались на мягкую рухлянь, на беличьи меха и другие товары, доставляемые с дальнего севера; последними звеньями в этой цепи торговых сношений далее к Ледовитому морю были торговые места при устьях рек Печоры и Двины³⁹. Эта торговля со Скандинавами продолжалась до 1222 г., когда они мечом и огнём опустошили часть Биармии и приобрели богатую добычу, состоявшую из серебра и дорогих мехов. С этого времени прекратилось всякое сообщение через Белое море. Более трёх веков этот торговый путь оставался неизвестным,

пока восстановил его Ричард Ченслер в 1553 году и сделал Архангельск доступным для Английской торговли; но ещё за 700 лет до него этот путь открыт был Скандинавами, и почти четыре века направлялись по нему их торговые и военные суда.

Знаменитые в древней России обширной торговлей и грабежом Новгородцы не замедлили явиться в Биармию. В первой половине XI века, через Белозерскую область, Новгородцы производили уже торговлю с северо-восточными народами, покорили Биармию, обложили данью жителей её, окрестности Печоры и Югории или Угории. Приезжая сюда, Новгородские купцы пользовались правом беспошлинной торговли и обогащались разменом товаров, по преимуществу звероловных снарядов и железных изделий: топоров, ножей, луков и стрел на дорогие меха и шкуры пушных зверей. Здесь же Новгородские купцы встречались и с иностранными купцами и с ними заводили коммерческие связи. Как первые из русских, открывшие отдалённые северные страны — Пермь, Печору и Югорию и узнавшие о туземных народах и богатой на живе от них, Новгородцы боялись лишиться своих выгод от участия в торговле других русских купцов. Эта боязнь заставляла их пускаться на выдумки, изобретать саги о странах, ими навещаемых, и о народах, там живущих. Вот один из таких вымыщленных рассказов Гюрия (Георгия) Роговича — о народах, запертых в горах «зайдуче Лукоморья», помещённый у Нестора под 1092 г. «Се хощу сказать,— говорит Нестор,— яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гюрия Роговича Новгородца, глаголя сице: яко послах отрок свой в Печору, людіе, яже суть дан дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и съседять с самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: «дивно находихом мы чудо, его же неесми слышали прежде сих лет; се же третье лето⁴⁰ почь быти, суть горы зайдуче Лукоморья⁴¹, им же высота ако до небесе и в горах тех кличь велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть неразумети языку их, но кажуть на железо и помавают рукою, просяще железа; и еще кто дастъ им ножъ ли, ли секишу, даютъ скорою⁴² противу. Есть же путь до гор тех не проходим пропастьми, снегом и лесом; темже не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощию». Мне же рекшю к Гюрию: «си суть людье заклепенни Александром Македонским царем»⁴³.

Обманывая подобными рассказами других русских торговцев, сами Новгородцы благополучно ездили к Юграм и скупали у них «серебро, соболи и ина узорочья», пока, в 1324 году, Устюжане, открыв обман Новгородцев, первые устремились по их следам в эту богатую, по туземной промышленности, страну. За это оспаривание Устюжанами у Новгородцев выгод в Югрии, несколько лет происходили раздоры между ними, окончившиеся тем, что Новгородцы силою прекратили Устюжанам доступ в Югорскую землю.

В период этого господства Новгорода над Пермью, в конце XIII века, по соседству с Пермяками, в нынешней Вятской губернии образовалась Хлыновская область, которая также производила торговлю с Пермью, находясь к ней ближе, чем Новгород.

В XIV веке возникло новое и опасное соперничество для новгородской торговли на северо-востоке России. Великий князь Иоанн Данилович Калита, зная, как много закамского серебра и дорогих мехов каждого года привозилось в Новгород с

северо-востока, пожелал присоединить Пермскую страну к своим владениям, и с этой целью прежде всего были заведены с нею непосредственные торговые сношения. Преемники Калиты учреждали в Пермской стране торговые конторы и делали также много попыток к подчинению её своей власти. Но все эти попытки не имели успеха и ограничивались лишь завладением, и то непостоянным, некоторых Пермских земель. Правда, Новгород делился с Москвой выгодами Перми, но часть их, в сравнении с целым, казалась слишком ничтожной Московским государям,— и это тем более, что государственная казна, по тогдашнему бедственному состоянию России, далеко не покрывала расходов князей в корыстолюбивой орде, и Московские государи могли расчитывать на верные средства своему благосостоянию от обширных статей доходов, собираемых Новгородом в Перми⁴⁴. Таким образом около двух веков Пермь вместе с другими Новгородскими владениями на северо-востоке была предметом споров Москвы и Новгорода. Вместе с возвышением первой шло постепенное присоединение Новгородских владений к Московской державе. Дмитрий Иоаннович Донской принудил Новгород уступить часть владений Вычегодской или *Малой Перми*⁴⁵. А Василий II Тёмный (1425–1462) отправил к Пермякам наместника, которого однако Новгородцы прогнали⁴⁶. В 1470 году Новгородцы опять выгнали Московского наместника из Пермской страны, сожгли его резиденцию — Керголь⁴⁷ и присвоили все земли, уже принадлежавшие Москве⁴⁸. Но в следующем 1471 г. сам Новгород пал перед Москвой, и владения его мало-помалу подчинились Московскому княжеству⁴⁹. В это время в Пермской стране, по рекам: Каме и Колве, в нынешней Пермской губернии, были города: Великая Пермь или Чердынь, Изкар, Урэс и Покча.

Кроме описанных нами торговых сношений Зырян с Булгарами, Скандинавами, Новгородцами, Вяткой и Москвой, древние Зыряне и Пермяки с давнего времени производили торговлю с Югорскими народами, выменивая от них закамское серебро на произведения, получавшиеся от Новгородцев.

Как скоро древние Зыряне и Пермяки стали вести оседлую жизнь, стали знакомиться с прибывающими к ним иностранцами, завели с ними торговлю, меняя единственное своё богатство — шкуры зверей прежде всего на предметы, необходимые в домашнем быту,— не замедлили появиться у них земледелие и скотоводство. История находит их земледельцами уже при первом с ними знакомстве. Так, известный мореплаватель Отер во второй половине IX века нашёл у Биармийцев довольно обработанную землю и населённые ими места. То же самое, и ещё в большей степени, свидетельствуют коренные зырянские слова, обозначающие земледельческие предметы, орудия и работы, таковы например:

Ид — ячмень, *зэр* — овёс, *тусь* — хлебное зерно, *сю* — рожь, *шабды* — лён, *кэнтусь* — конопля, *шеп* — колос, *чарла* — серп, *вундыны* — жать, *идчас* — солома, *пиня* — борона, *вартны* — молотить, *кольта* — сноп, *рыныши* — оvin, *изны* — молоть, *гэр* — соха, *кэдчны* — сеять и т. д.

Совместно с земледелием, появилось и скотоводство, доказательством служат тоже коренные зырянские слова для названия домашних животных, получаемых от них продуктов и работ для добывания корма:

Вэв — лошадь, *мегэ* — баран, *рысь* — творог, *Эш* — бык, *порсь* — свинья⁵⁰, *вый* — масло, *мэс* — корова, *яй* — мясо, *чипан* — курица, *ыж* — овца, *йев* — молоко, *кольк* — яйцо, *видчъ* — пожня, *турын* — сено, *ычкыны* — косить и т. д.

Из произведений огородничества давно известны в зырянском крае:

Таг — хмель, *кушман* — редька, *сёртни* — репа, *анькыч* — горох.

Лук и картофель появились недавно.

Таким образом, главные занятия оседлости — земледелие и скотоводство были известны Зырянам уже в IX столетии. Быть может — да это и вероятнее всего — они впервые узнали об этих занятиях от Булгар, как известно, давно занимавшихся, вместе с обширной торговлей, возделыванием полей и размножением домашних животных⁵¹; с течением времени обе эти крупные отрасли сельского хозяйства усвоились Зырянами в такой степени, что они остались принадлежностью крестьян и по основанию городов.

Обращаемся к семейному быту древних Зырян. Весьма интересными являются заключения брачных союзов, известные в старину у Славян под названием «умыкание невест», существовавшие у Зырян в язычестве и сохранившиеся даже до настоящего времени. Зырянское «умыкание невест» много напоминает и вместе с тем поясняет и дополняет сказание Нестора о браках у древних Славян. Летописец говорит: «А Древляне живяху звериным образом, живущие скотьски, убиваху друг друга, ядяху вся нечиста, и брака у них не бываше; но умыкаху у воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху; живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще вся нечиста, срамословие в них пред отцы и пред снохами; браци не бываху в них; но игриши межю селы. Схожахусь на игрища и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имеяху по две и по три жены»⁵².

У Зырян умыкание подготавливается также на игрищах⁵³. Если молодому «зону» (парню) нравится девица, но он почему-нибудь не может рассчитывать на согласие родителей её отдать её за него, то на игрище срывает с неё платок и уносит с собою. Если после этого девица, имея случай просить о возвращении платка, не просит, — это считается согласием с её стороны, во что бы то ни стало, отдать свою руку. В таком случае влюблённые венчаются тайно от родителей невесты. После венчания новобрачные выбирают посредника — какого-нибудь кума, свата или просто приятеля родителей невесты, который и отправляется к последним, запасвшись вином. Отец молодой, конечно, зная уже в чём дело, сначала горячится, но потом, после хорошего угощения, уступает убеждениям посредника и даёт обещание простить виновных. Последние сейчас же являются, падают в ноги и получают прощение.

У Зырян в некоторых местах ещё теперь бывают случаи покупки невест, что как будто соответствует древнерусскому «вено». Таким образом оба способа заключения брачных союзов, существовавшие у Славян, по Нестору, каждый отдельно, в разных местностях, — у Зырян встречаются вместе, и в этом нет ничего удивительного. Брак посредством «умыканья» — брак по страсти, а брак за «вено» — брак по расчёту: оба вида не исключают друг друга, а напротив даже существование одного вида (напр., брак за вено) предполагает существование другого и ещё скорее наоборот: иначе «умыканье» не имело бы смысла. Не существовали ли оба способа брачных союзов совместно и у древних Славян?⁵⁴

Особенности семейного быта Пермского народа в конце XV века поражали современников. Так митрополит Симон в грамоте Велико-Пермскому князю Матфею Михайловичу⁵⁵ обращается к Пермякам с таким увещанием: «женитв незаконных

не чините Богумерзких, якоже слышу о вас, что деи у вас поимаются в племени по ветхому и по татарскому обычаю: кто у вас умрет, а вътры, деи его брат жену его поимает, а треты деи брат его такожде творит, а жены деи ваши ходят простовласы, непокровенными главами. Ино то чините не по закону христианскому... и вы бы от сих мест напред так не чинили, как неверни чинят»⁵⁶.

Указанное здесь митрополитом Симоном обыкновение жениться на вдовах братьев как будто напоминает еврейское ужичество. Но нельзя не думать, что там и здесь разные причины вызвали существование его: у евреев ужичество установлено для продолжения родовой крови, чем и объясняется удивительная живость еврейских родовых преданий и генеалогии, тогда как у Зырян преданий сохранилось очень немного; по типу нынешних евреев мы узнаем предков их в изображениях древней египетской живописи, между тем как наружность Зырян лишь в редких случаях напоминает выходцев из Прибалтийского края. Итак, описываемый митрополитом Симоном обычай установился у древних пермяков скорее вследствие хозяйственных расчётов и хладнокровного, исключительно материального воззрения на отношение мужчины к женщине⁵⁷.

Говоря о древнем семейном быте Зырян и Пермяков, г. Михайлов⁵⁸, основываясь, по его словам, на народном предании, рассказывает, между прочим, следующее: «Зыряне идолопоклонники, любя проводить жизнь в чувственных удовольствиях, не считали этой страсти пороком; побочные дети их росли и множились и таким образом составили особенное племя, бывшее однако же в общем народном презрении: подобно париям, оно лишено было гражданских прав, довольствуясь самым грубым содержанием и служило рабами Зырянам. Угнетаемое Зырянами, оно, в глубокой древности, бежало от них и составило особый народ с прозвищем Богуличей, т. е. «незаконнорожденных». Богуличей или Богулов (*вэгул, лэгул* — зырянские слова: злой, свирепый) мы признаём народом родственным по племени Зырянам, вместе с Остяками, но рассказ г. Михайлова об их происхождении считаем вымыслом автора⁵⁹. Этот рассказ не лишён значения в другом отношении, именно: он верно выражает взгляд автора на чувственные наклонности предков Зырян. Что этот племенной порок существовал у древних Зырян, — в том нет ни малейшего сомнения. Даже и теперь из всех уездов Вологодской губернии большее число незаконнорожденных падает на Устьысольский уезд, который сплошь заселён Зырянами. Так, в 1890 г. там один незаконнорожденный пришёлся на 17 законнорожденных. За Устьысольским уездом следует Яренский, часть которого уже обруслена; здесь один незаконнорожденный пришёлся на $18\frac{1}{2}$ законнорожденных. За Яренским — Сольвычегодский уезд, обруслевший после всех остальных уездов; здесь один незаконнорожденный пришёлся на $20\frac{3}{4}$ законнорожденных. За Сольвычегодским несколько ранее обруслевшие Вельский и Никольский уезды; в первом — один незаконнорожденный пришёлся на 27 законнорожденных, а в последнем — на 29^{60} . Отсюда видим, что чем чище (Чудская) кровь, тем выше процент незаконных рождений, — и это теперь, когда христианская нравственность и новые обычаи имеют сильное влияние на Зырян. Что же было в древности?

Из старинных языческих обрядов в быту Зырян известен обряд похоронный. Вырывали яму, глубиною до пол-аршина; тело покойника на особом вблизи от ямы месте обкладывали дровами и сжигали. Потом пепел покойников собирали

в глиняные или медные сосуды, которые и ставили на средине ямы, заваливая последнюю землёй⁶¹. Есть свидетельства, что пепел богатых покойников собирался в серебряные и даже золотые сосуды. «Эти сосуды привлекали внимание иноземцев, которые производили при своих набегах грабежи»⁶².

Некоторые исследователи утверждают, что древний быт Зырян был родовой, патриархальный, и в доказательство своего мнения указывают на то, что в Зырянском языке до сих пор нет слов для выражения понятий, всегда существующих в гражданских обществах: а) о различных отношениях власти к подчинённым, каковы: царь, князь, господин, раб, милость и другие; б) о законности, дисциплине, приличиях и других условиях жизни в обществе, как-то: закон, суд, казнь, честь, порядок, свобода, неволя,уважение, благодарность; в) о движениях и потребностях ума и души, например: думать, любить и г) о науках, искусствах, торговле и ремёслах, кроме самых простых⁶³. Мы выше доказали, что торговые сношения с разными народами существовали у Зырян в самую отдалённую пору их существования на севере, что раскопки в курганах и чудских ямах и находимые в них древнейшие персидские монеты (226–651 г. от Р. Х.) и другие вещи весьма убедительно свидетельствуют о том же. Есть и коренные зырянские слова для выражения понятий мены, купли, продажи: *вежны* — менять, *ньобны* — покупать, *вузавны* — продавать, *арталны* — считать, *артасыны* — рассчитаться, *вузасем* — торговля. Академик Лепехин, ссылаясь на историка Странделенберга, говорит, что Булгары в 1218 г. вели войну с Пермами и Сирянями, что последним стоило большого труда защищаться от Булгар, «кои, прошед оттуда к Устюгу, а из Устюга в Унжу, много бедствия причинили»⁶⁴. У Зырян и Пермян были и древнейшие города: Чендынь, Урэс, Изкар, Покча, Йемдын (Усть-вым *Iem* — игла, *дын* — край, устье, *Iемдын* — устье р. *Iem* — от *Iem* — русское *вым*)⁶⁵. Существование городов, торговли и войн, — всё свидетельствует о том, что у древних Зырян и Пермян было гражданское устройство. Из отсутствия в зырянском языке коренных слов для выражения понятий о гражданском устройстве можно заключать лишь о низкой степени гражданского развития Зырян, но не более. Кроме того, наше мнение находит сильную поддержку в свидетельствах учёных и историков. Так, Миллер утверждает, что Биармия, простиравшаяся от реки Вишеры и Печоры к западу до Финляндии, имела своих князей ещё до Рюрика⁶⁶. Академик Лепехин говорит, что древние Биармийцы были сначала опасными соседями для Новгородцев, «почему, когда Рюрик с братьями пришёл на княжение в Новгород, то Синеус поселился на Беле Озере и построил там город против Биярмцев так, как и Трувор свой Изборск против Лифляндцев»⁶⁷. Шлецер в своём «Несторе» признаёт Пермян «некогда самобытным, великим, долгое время свободным и не совсем непросвещённым народом»⁶⁸. Костомаров свидетельствует, что в глубокой древности Пермь, подобно Югре, управлялась независимо своими князьями⁶⁹. Дмитриев, опираясь на свидетельство Костомарова и других первоклассных историков, говорит: «По аналогии с Югрой и на основании местных пермяцких и русских преданий, связанных с разными местностями, можно заключить, что в Перми Вычегодской и Чусовой туземные князья существовали с древнейших времён»⁷⁰. Но между тем, как о Югорских князьях упоминается в 1 Новгородской летописи ещё под 1193 г.⁷¹, о Пермских князьях летописи молчат очень долго. В первый раз упоминается о чудских князьях в Архангельской летописи под 1315 годом,

по следующему поводу. Двинский посадник, предок преподобного Варлаама Важеского, Василий Матвеевич Своеzemцев купил в 1315 году у Важских Чудских князьков все земли от реки Ваймуги до Суланды и Шенкурского погоста до Ростовских меж за 20.000 белок и 10 рублей. В покупной или купчей грамоте на эти земли говорится о четырёх Важских князьках или старостах: Азике, Харгинце, Ровде и Игнатце⁷². Кроме этих князьков летописи не сохранили нам ни одного имени князей Чудских или Биармских, и мы не находим о них никакого свидетельства вплоть до последней четверти XIV века.

В 1380 году св. Стефан находит некоего Пама правителем всей земли Пермской. Его резиденция находится в Княж-погoste; к нему Зыряне обращаются в исключительных случаях. В речи своей к Зырянам Пам или Пан говорит: «От Москвы может ли что добро быти? не от туду ли нам тяжесть быша, и дани тяжкие и насильства, и тивуни, и довотчици, и приставници?»⁷³.

Из кратких данных о древне-чудских и зырянских князьках видно, что они имели в своих владениях особые права. Так, мы видим, что Азика, Ровда, Карагинец имели право отчуждать огромные пространства земли, какова Важеская область, как собственность, на частном праве, что не совместно с пределами власти князей в том смысле, какой вообще усвоен у нас этому слову.

Академик Лепехин, ссылаясь на Татищева, полагает, что Зыряне не имели наследственных правителей или владетелей, а управлялись избираемыми князьями, которые при том же были и главными жрецами, как это было и у других народов⁷⁴. Мнение Татищева и Лепехина сильнее всего подтверждается свидетельством Епифания, жизнеописателя св. Стефана, епископа Пермского. О Паме Епифаний между прочим говорит следующее: «Сотник бо бяше в стране той. Сего же древле Пермяне некрещенни чтяху паче всех прочих чаровников, наставника и правителя нарицающе себе, и глаголаху о нём, яко того вълешвиением управление быти Прымстей земли, и яко того утверждением утверждается идолъская вера»⁷⁵.

Из этого свидетельства ясно, что в руках Пама одновременно сосредоточивались две власти — гражданская и духовная⁷⁶. Что это было так, о том свидетельствует и дальнейшая история Зырян. По удалении Пама из Пермской страны, что случилось с введением христианства, Зыряне, вместе с языческой духовной властью, утратили и гражданскую власть. Мы видим, что с принятием христианства во всей истории Зырян администраторами и политическими деятелями являются православные епископы; при всех бедствиях Зырян, во время нападения Богулов, Вятчан и Новгородской вольницы, меры к защите и умиротворению края принимают только Устьвымские епископы, о деятельности же князей (собственных Зырянских) в летописях не говорится ни слова. Таким образом, в язычестве Зыряне управлялись своими панами-князьями, которые имели и религиозное значение, исполняя обязанности главных жрецов.

Со второй половины XV века в летописях, грамотах и других старинных памятниках мы находим имена Пермских князей и княгинь, Вымских князей; но это уже князья — христиане. В 1462–1463 годах Великая Пермь, «глаголемая Чусовая», была обращена в христианскую веру пятым епископом Пермским, св. Ионою; принял св. крещение и князь её, наречённый Михаилом. Спустя десять лет после этого, Великая Пермь лишилась своей политической независимости, и

князь её Михаил, хотя и носил титул князя, но уже был данником и «слугой» Московского князя; его резиденция находилась уже не в главном городе Великой Перми — Чердыни, а в Покче, в 5 верстах от него, по назначению князя Феодора Пестрого, покорителя Великой Перми. Князь Михаил Пермский был убит Богулами, неизвестно когда.

Следующие по времени известны князья Вымские: Ермолай, Василий и Федор. Князь Василий Ермолаевич участвовал в походе в Югорскую землю в 1465 г. вместе с Устюжским атаманом Василием Скрябою в качестве добровольца. Под 1485 г. в летописях упоминается ещё один Вымский князь Пётр, современник Федора; оба они участвовали в походе против Югров, которых и покорили под власть московского князя⁷⁷.

Из князей Пермских после Михаила известен Матвей Михайлович, которому митрополит Симон в 1501 г. послал свою увещательную грамоту. Этот князь был сведен с Великой Перми в 1505 г. и замещён русским наместником Василием Андреевым Ковром⁷⁸. Затем известны следующие князья Пермские: Владимир, Иоанн, Иоанн, убитый Богулами, Дмитрий и Константин; Великопермский князь и княгини: Андрей, Анна, Ксения и Анастасия⁷⁹. В какое время жили эти князья и по сколько лет управляли Великой Пермию, осталось неизвестным. Впрочем, г. Дмитриев определяет время их княжения с середины XV до начала XVI века (между 1462–1505 гг.)⁸⁰. Но невероятно, чтобы все одиннадцать Пермских князей и княгинь жили в этот короткий срок⁸¹. Карамзин считает князя Матфея Михайловича⁸² сыном первого князя Пермского Михаила⁸³; в таком случае остальных в списке князей нужно отнести уже ко времени после 1505 г., когда был отставлен князь Матвей Михайлович. Это предположение тем справедливее, что род Великопермских князей действительно не прекращался и после Матфея Михайловича. Так, по актам известно, что в царствование Михаила Федоровича один из них Матфей же был сослан из Москвы в Верхотурье в 1641 году⁸⁴.

Таким образом, общественный и политический быт древней Биармии в конце XIV века изменился в её частях. Одна часть — Вычегодская Пермь, потерявшая гражданскую власть в лице своих панов, стала управляться и в гражданских делах своей церковной властью, — а другая часть — Пермь Чусовая продолжала ещё управляться своими князьями (с 1463 года христианскими) с ограничениями и перерывами приблизительно до 1641 года.

¹ Раскопки, производимые на местах прежнего жительства Финских народов, и находимые в них вещи ясно свидетельствуют об этом.

² Ари значит пчёлы и указывает на занятие Финнов пчеловодством.

³ Уд, уд-мурт по-вотяцки значит человек.

⁴ Эсь — баля, по-зырянски значит овца; Эш — бык, — яс окончание множ. числа.

⁵ По свидетельству Стурлезона, Йома или Йомала был божеством Биармийцев — предков Зырян и Пермяков. Он находился близ устья Северной Двины, в лесу. Вокруг него было множество курганов или насыпей, где зарывались богатые сокровища туземцев, вместе с телами покойников. Йома изображал собою истукана человеческой фигуры и был украшен золотым ожерельем, на голове его был золотой венец, упражненный дорогими камнями, а на коленях он держал большую чашу для приношений. См. Historia Rerum Norvegicorum conscripta a snorrio sturlae filio. Jter in Biarmiam. Т. II. сар. III, р. 117–125. Edit. 1778 an. Ср. «Нестор» Шлецера Ч. I. стр. 76–77. Спб. 1824 г. и «Русский Временникъ», стр. 52–54. Смутное представление об этом грозном божестве хранится и теперь в памяти Зырян. «Тэ Йома кодь льок» — ты зол, как Йома, говорят Зыряне своему врагу. На Удоре, (в Яренском уезде, Вологодской губ.) матери пугают Йомой своих капризных детей. «Эн бэрд, Йома кылас, воас,

съюяс, тэнэ — не плачь, услышит Йома, придёт и съест тебя, говорят матери малым ребятам. См. ниже II ч.

⁶ См. Полн. собр. летоп. т. V, стр. 249–50.

⁷ Югра — нынешние Березовские Остяки по рекам Оби в Сосве; Печора по реке Печоре. Слово Печора есть первобытное югорское. Оно состоит из слова *пече* и окончания *ра*, весьма часто встречающегося в названиях югорских рек. *Пече*, как утверждает г. Европеус, означает по-югорски сосну. Что же касается до пещер, от которых будто бы получила своё название река, то их на берегах Печоры не более, как и в других местах Запечерского края. Есть тождественное по произношению зырянское слово *печэр*, значит крапива.

⁸ См. *Periplus Otheri et Wulftani. Schrift. rer. Danic.* T. II. Hafniae. Ed. Langebeki 1773 an. p. 71. Ср. Очерки Русской Истории Полевого. Т. I стр. 148–150. Границы древней Биармии, по Карамзину, были: на севере Белое Море, на восток Уральский хребет и р. Печера; к югу Болгария, Черемиса, Мурома, Меря; к западу — Весь и Корела. См. Ист. Гос. Росс., т. 1, стр. 22, изд. 1841 г.

⁹ Некоторые полагают, что *Пермь* естьискажённое слово *Биармия* (Беормия, Пиермия, Перымия, Пермь). См. Отеч. Зап. за 1840 г. т. XIII, стр. 89, ст. Мельникова: «Дорож. Зап. на пути из Тамбов. губ. в Сибирь», и Волог. губ. вед. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ» Михайлова. Но Биармия происходит от нормандского слова *bairg, beorg* — гора (у скандинав. писателей *Beormas*), и указывает на гористую страну. Пермь однозвучно с зырянским *ragma* — гористая, лесистая страна. Таким образом, то и другое названия имеют одно значение. Лепехин и Берх говорят, что Пермяки получили своё название от богатыря *Перя*. (См. «Дневн. Зап. Путеш. т. III, стр. 196. С.П.Б. изд. 1790 г. и Путеш. в Чердынь и Соликамск». С.П.Б. 1821 г. стр. 119).

¹⁰ См. Вологодские губ. вед. 1853 г. № 34. Некоторые ещё производят слово Зыряне от зырян. *Зыр* — лопата.

¹¹ См. предислов. к граммат. зырянского языка. С.-П.Б. 1850 г. стр. 1

¹² Так Зыряне произносят слово: Царь. *Небесаса Cap* — Небесный Царь или Бог, *Миян Cap* — Наш Царь.

¹³ См. Вологодские губ. вед. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ».

¹⁴ Ibidem 1866 г. № 6.

¹⁵ См. Памятн. Старин. Рус. Литерат. Ч. IV, стр. 123. Монах Епифаний — ученик и жизнеописатель св. Стефана, Епископа Пермского.

¹⁶ См. т. IV, стр. 263. Ср. Кратк. Церковн. Ист. м. Платона, т. I, стр. 243.

¹⁷ В завещании преп. Лазаря читаем: «А живущие тогда (в XII в.) около озера Онего именовались Лопяне и Чудь, страшливые *сыроядцы*, и хотяху мя убити и тело мое в ядъ сотворити». Это же самое о Чудских племенах видно из жития Кирилла Челмогорского. (См. Костомарова, «Севернорус. народоправ.» т. I. гл. Инеродцы. Также Памятн. кн. Олонец. Статистич. Комит. 1867 г. № 111, стр. 108 и Арханг. губ. вед. 1848 г. № 50). Между рукописями Царского, описанными Строяевым 1848 г. под № 48, находится полууставная рукопись XV в., содержащая в себе творения Дионисия Ареопагита с надписью XVI в. внизу по листам: «Сия книга святого Благовещения на Устьвыми (*Вологод. губ. Ярен. у.*), глаголемая святый Дионисий Ареопагит, а положил сию книгу священномуученик епископ Питирим, убиены от нахождения *сыроядцов* Богулич за православную веру, идже лежит многострадальное и терпеливое тело его (затем пять букв зырянской азбуки, означающих: аминь). Питирим, четвёртый Зырянский Епископ, убит Богуличами в 1455 году. Богуличи те же Зыряне. См. о них ниже. Склонность к употреблению пищи в сыром виде можно наблюдать и теперь. Так, когда Зыряне на рыбной ловле проголодаются, то делают перехваточку (закусывают) сырой рыбой, выдавивши из неё кишки и сожжёвавши чешую. Неприятно видеть, как живая рыбёшка трепещется и корчится в зубах Зырянина, уписывающего её с большим наслаждением. Карагольцев (Арханг. губ.) до сих пор дразнят: Чудь белоглазая, сыроеи. См. ниже свидетельство Герберштейна об Обдорских инородцах.

¹⁸ См. Полн. собр. русс. летоп., т. V, стр. 250

¹⁹ См. Волог. губ. вед. 1850 г. № 14, ст. «Устьвымъ»

²⁰ См. «Путеш. в г. Чердынь и Соликамск». С.-П.Б. 1821 г. стр. 74.

²¹ Кама по-зырянски «ком-ю» (*ком* — харьюз, *ю* — вода, река) — буквально значит: река, в которой водится рыба харьюз.

²² См. Лепехина, «Дневн. зап. путеш.» С.-П.Б. 1780 г., стр. 415–17, ч. IV. Известно, что во времена Нестора по реке Каме обитало многочисленное племя — Пермь. (См. Полн. собр. Русс. летоп., т. I, стр. 2–5).

²³ См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г., ч. 12, стр. 51–53, ст. Булыгина: «Истор. воспом. на пути из Саратова в Астрахань» и «Зап. Имп. Археол. Общ.» 1856 г. Т. IX, стр. 298 ст. Эйхвальда.

О многочисленности Биармийцев в IX в. см. *Periplus Otheri et Wulfstani. Script, rer. Danie. T. II. Hafniae. Ed. Langebeki, 1773.* р. 71.

²⁴ Характер таких жилищ сохранился у Зырян до сих пор в так называемых «пывсянах» или охотничьих избушках.

²⁵ Название это встречается у Нестора при перечислении народов, обитающих в Европейской России, под 1078 г., под именем Заволочья; потом оно является в древней Новгородской грамоте, договорной с Ярославом Ярославовичем, в 1264 г., в которой сказано: «А се, княже, волости Новгородские: волок со всеми волостями... Заволочье, Пермь, Печора, Югра»... См. Карамз. Ист. Гос. Росс., т. IV, прим. 114. Слово «Заволочье», от которого произошло название Заволоцкой чуди, производят от слова «волок». А последнее принимают: во 1-х, в смысле пространства между судоходными реками, через которое перевозили или перетаскивали суда; во 2-х, в значении места лесного, закрытого, *заволоченного*. Предполагают, что Двинская земля названа «Заволочьем» в первом смысле, т. е. что под волоком разумелось пространство между реками Двиною и Онегою. (См. Карамз. Ист. Гос. Росс., т. II, прим. 64). Но такое толкование едва ли приложимо к данному случаю. Пространство между реками Онегою и Двиною, а равно между главными их притоками, так велико и топко, что едва ли когда-нибудь и кто-нибудь перетянул через него хоть одно судно. Переволакивают суда обыкновенно через очень узкие «волоки» или переволоки, когда притоки двух больших рек почти сходятся между собою. Гораздо правдоподобнее второе производство. До сих пор слово «волок» во всеобщем употреблении у Двинских жителей (в том числе и Зырян), именно в значении дороги, идущей лесным местом, на несколько верст, на которой не встречается никакого жилья, селений. По всей вероятности, в старину, между теперешнею среднею частью Архангельской губернии и более отдалённым пространством к югу лежала слабонаселённая, лесистая и болотистая полоса земли с именем «волока».

²⁶ Волга и Каспийское море открывали Булгарам путь в страны, лежащие на юге и востоке от Каспийского и Аральского морей в Персию, Бухарию и Индию; близость Дона и Чёрного моря облегчала для них торговлю с Греческой империей и Италией. Вятка и Кама и соединённые с ними реки приводили Булгар в сообщение с восточной и северной Европой, а верховьями Волги они сохраняли связь с западными языческими племенами России. В IX в. на Волге красовался г. Булгар (в 116 верстах на юг от Казани). Через этот город приходили произведения южной Азии в Пермь или Биармию, а оттуда через него же произведения севера в Азию: он был складочным местом, где южные товары обменивались на северные. Булгар пал в 968 г. после вторжения Русских, но Булгары оставили памятник своего имени в названии Болгар, уцелевших до сих пор. См. «Древний Булгар и татарские о нём предания», Волжский Вестник 1888 г. № 180 и 181.

²⁷ Ист. Госуд. Росс. 1 т. 41 примеч. и 207 стр. примеч. 395.

²⁸ Значит по-зырянски дорога.

²⁹ По свидетельству Герберштейна, Золотая Баба (Зарни—Ань) находилась в Обдорской стране, при устье реки Оби, на правом её берегу. Это была статуя, имевшая вид безобразной старухи, на коленях она держала фигуру мальчика, которого туземцы называли её сыном, а другого, стоявшего подле, — внуком. В дар этому божеству Зыряне приносили наловленных зверей: соболей, куниц, белок, оленей, лисиц. Кишки и мясо приносимых животных делили на части и тут же съедали сырьми, а кровью и салом мазали рот и глаза Золотой Бабы. См. Sigismundi Herbersteini Rer. Moscoviticar. comment. Baselis, 1556 an. Itinerarium ad Peszoram jugariam, Obiusque fluvium, pag 56. Гваньини, кроме сего, говорит, что идолу Золотой Бабе, кроме Обдорцев, поклонялись Югры, Богуличи и друг. соседние народы. Vid. Rerum Polonicarum, Guagnini. Libr. II, 205 pag. De idola aurea anus. Подр. см. ниже.

³⁰ См. журн. Мин. Внут. Д. 1852 г. № 7, стр. 122, 123, 164, 165, ст. Савельева.

³¹ В Устьсыольском уезде в селе Княж-погосте (по преданию, столица Чуди, а потом Вымских князей) в 1853 г. были найдены Чудские вещи: топорик, украшенный вдоль серебряными насечками, промежутки покрыты золотом, медная буса. Вниз по р. Выми есть место, называемое «кар» (городок), по преданию тут была крепостца. см. Вологод. губ. вед. 1853 г. № 46. В окрестностях селений Ижмы Устьсыольск. у., Вологодской губ., по рекам Печоре, Ижме и их притокам, до сих пор находят железные застуны, топоры, копачи, копья и другие орудия чрезвычайно странной формы, неизвестные в Запачеры.

³² См. Положения инородцев на северо-востоке России. Казань. 1886 г. стр. 34.

³³ У зырян собственного изделия вещей домашнего обихода в старину не было. Доказательством служит то, что на зырянском языке нет слов для обозначения самых необходимых вещей домашнего хозяйства, напр., горшок, ухват, поваренка, ковш и др.

³⁴ Новгор. Летоп. под 1193 г.

³⁵ См. Карамз. Ист. Гос. Росс., т. IV, пр. 291; т. V, стр. 233.

³⁶ Такие переходы Новгородских войск для усмирения отложившихся князей Югорских в сопровождении Зырян-знатоков дороги были совершены в 1445 г.

³⁷ Карамз., т. II, стр. 107. и прим. 260.

³⁸ Делаем весьма справедливую уступку «апологетам» Биармии. См. *Карамзина*, Ист. Гос. Росс., т. III, 449 стр. Булыгина, «Историческ. воспоминания на пути из Саратова в Астрахань. Журн. Министерства Народного Просвещения 1836 года. Ч. 12-я, стр. 51–53.

³⁹ Известны два водных пути для торговых сношений севера с югом: *один* — Волга, её судоходный приток Кама, из которой через горный кряж, называемый Печорским волоком, длиною около 4-х верст, в Печору, впадающую в Северный океан, соединяющийся таким образом с Каспийским морем; *другой* водный путь — частью теми же реками, также Камой и Вычегдой, соединял Каму с Двиной, впадающей в Белое море у Архангельска, сухим путём переезд с $\frac{1}{2}$ версты. На этих реках между Белым морем, Волгой и Уральским хребтом лежала Пермская страна или Биармия, славившаяся богатством и торговлей.

⁴⁰ 1089 г.

⁴¹ Или «луку моря»

⁴² Т. е. шкурой.

⁴³ Нестор по Лаврентьевскому списку. См. Полн. собр. Русс. Летописей, т. I, стр. 107. Югра, как видно из рассказов Гюряты Роговича, с одной стороны граничила с народом Печорой, который жил по реке того же имени, с другой стороны доходила до Уральских гор; словом, занимала весь нынешний Запечорский край. Без сомнения, горы, лежавшие за Югрой и «лукоморьем», были Уральские, путь к которым, по причине снегов, пропастей и леса, был непроходим. Лукоморье или лукой морской, а по выражению Карамзина, «морским излучистым берегом, имеющим вид лука или дуги», могла быть Хайпутырская губа, оканчивающаяся Югорским шаром.

В Новгородской летописи, под 1114 годом, передаётся другой рассказ о разных чудесных явлениях, представлявшихся очевидцам «за Югрой и за самоедью».

⁴⁴ Произведения, которые получали Новгородцы из Заволочья, Двинской земли и Пермской страны, во время своего владения этими землями, составляли: 1) дань, известная под именем *Печерской*, которая состояла в шкурах пушных зверей (о ней упоминается в первый раз под 1134 г. в Новгор. Летоп.); 2) те же звериные шкуры под названием *рухляди*, выменявшиеся на немецкие сукна и покупавшиеся на деньги (см. I Новгор. летоп. под 1193 г.); 3) *закамское серебро*, получавшееся в размене на те же предметы. Оно приобреталось Пермскими жителями через мену с Югорскими народами,— а эти последние получали его через соседей от жителей алтайских гор. Это серебро и теперь находят в Вологодской и Пермской губерниях в виде прутьев, колец и других вещей (о закамском серебре упоминается в Новгор. Летоп. под 1232 г.). *Рубль по-зырянски* и *permяцки* и теперь называется *шать*, т. е. прут, а копейка — *ур*, т. е. белка.

⁴⁵ В древнейших летописях и договорных грамотах Новгорода с Великими князьями Тверскими и Московскими известно лишь одно общее название: Пермь, Пермь. См. Полн. Собр. Рус. Лет. IX т. 2 и 4 стр. (остальные владения Новгорода называются: Волок, Заволочье, Чудь, Печора, Югра). В конце XIV века Епифаний, жизнеописатель Св. Стефана, еп. Пермского, в перечислении стран и народов северо-востока России упоминает о «Перми Великой, глаголемой Чусовой» (Памятн. старин. Рус. Литер. вып. IV стр. 123). Что это за *Пермь Великая* и где её границы? Карамзин определяет границы Перми Великой слишком обще: «Великая Пермия занимала весь северо-восточный угол Европейской России, т.е. нынешние губернии: Вятскую, Пермскую и восточную половину Вологодской и Архангельской губ. (Ист. Карамз. 1, 22 стр. изд. Эйнерлинга). Прот. Евг. Попов («Житие Св. Стефана, еп. Пермь» Пермь 1888 г. стр. 77): «Великая Пермь лежала по рекам: Удоре, Печоре, Каме и Чусовой». Г. Лыткин («Зырянский край и зыр. языки» Спб. 1889 г. стр. 20) из данного Епифанием Великой Перми эпитета «Чусовая» определяет её границы между реками: Вишерой, Чусовой и Камой. Г. Дмитриев («Пермская старина», Пермь 1889 г. стр. 66) под влиянием г. Лыткина: «Перми Великая, глаголемая Чусовая, лежала между рекой Чусовой и её притоками и озером Чусовским преимущественно по Каме, Нижней Вишере и Колве, на запад до Колвы, на восток до Уральского хребта. Г. Лыткин к своему определению ещё прибавляет, что по обширности занимаемого места Пермь названа Великой, и она не была просвещена Св. Стефаном. Таким образом, относительно определения границ Перми Великой согласны и прот. Евгений Попов, и г. Лыткин и г. Дмитриев. Интересным, далее, является то, что название «Великая Пермь» в разное время усвоилось и разным областям. Так, по свидетельству г. Пушкирева («Описание Вологод. губ.» Вологда. 1846 г. стр. 34–35) и за ним архим. Макария («Сказание о жизни и трудах Св. Стефана, еп. Перм. Спб. 1856 г. стр. 37), со временем учреждения в г. Устьвыме епископии, Великою Пермью стала называться Устьвымская область, а прежняя Великая Пермь

(Чердынская область) стала именоваться «Старою Пермью» («по причине обитавшего в ней некогда древнего народа — Перми»). Почти одновременно образовалась «Малая Пермь» или Пермца, в отличие от Великой Перми, и заключалась в одной зырянской волости Сольвычегодского уезда (Дмитриев, 57 стр.). Название «Великие Перми» за Устьвымской областью удерживалось до тех пор, пока последняя находилась в цветущем состоянии, а потом это название опять перешло к Чердынской области, а название «Старая Пермь» приучилось к Зырянской области по берегам рек: Вычегды, Вымы, Сысолы и Лузы (Евгений Попов, 77 стр.), т. е. там, где до того времени была Великая (Устьвымская) и Малая (Вычегодская) Пермь. Г. Лыткин напротив утверждает, что название «Великой Перми» удерживалось за указанными им границами и после учреждения в Устьвыме епископской кафедры, что епископы до 1580 г. титуловались не «Велико-Пермскими» (как думают Архим. Макарий, г. Савваитов и г. Шестаков), а просто «Пермскими», и что епископы стали титуловаться Великопермскими с — 1850 г., вследствие упадка Вычегодской Перми в материальном отношении и возвышения Вишерско-Чусовой Перми или Великой (см. стр. 21 «Зырян. край и зыр. язык»). Не смеем принимать утверждительно ни мнение Архим. Макария, ни г. Пушкарева и др., ни мнение г. Лыткина. Быть может, вследствие исторических перемен, названия местностей менялись: та, которая называлась Великою Пермью, стала называться Старою Пермью, а со временем опять Великою, тогда как прежняя Великая Пермь (Устьвымская область) была названа Старою. Но, кажется, вернее взгляд г. Лыткина, потому что епископы, живя в Устьвыме, не назывались «Велико-Пермскими». Пермские князья, живя в г. Чердыни, титуловались «Велико-Пермскими» и просто «Пермскими». По писцовым книгам XVI и XVII вв. Чердынская область называлась Великою Пермью: «Пермь Великая — Чердынь» (см. Дмитриева, Перм. старина» 73–5 стр.). В книге «Большому Чертежу» за 1627 г. стр. 150, 199 и 201 место около Устьвыма, средоточия Зырян, названо городом — «Старой Пермью», а Великая Пермь определяется около г. Чердыня (Пермской губ.). С достоверностью известно лишь то, что часть Вычегодской Перми, самой богатой (соболями, бобрами и куницами), называвшейся в местных Московских документах «Малою Пермью», по рекам Вычегде, Сысоле и Лузе, при Димитрии Донском принадлежала Московскому княжеству; св. Стефан, Просветитель Вычегодских Зырян, в 1379 г. получил охранную грамоту от великого князя Московского. В это же время в Вычегодской области жили разные Московские чиновники: тиуны, доводчики и приставники, что видно из речей Памы-язычника к Зырянам и св. Стефану. (См. Памятники Старинной Русской Литературы, изд. Кушелева-Безбородко, выпуск IV, стр. 138 и 141 и Акты Археографической Экспедиции СПБ. 1836 г. т. I, стр. 72–75).

⁴⁶ См. Акты Исторические, т. I, № 258, стр. 487.

⁴⁷ Кер, — *кар* — город, *голь* или *гэль* — бедный.

⁴⁸ См. Акты Археографич. Экспедиции, т. I, № 94, стр. 74–5.

⁴⁹ В 1472 г. Иоанн III, покоряя Пермские народы, послал к ним князя Федора Пестрого и Гаврилу Нелидова, которые близ городка Изкара (*из камень, кар* город — каменный городок. Изкар и теперь существует вблизи известного городища того же имени, к югу от села Ныроб и к востоку от реки Колвы), разбили Пермское войско и взяли в плен его предводителей: *Кача* (прозвище, значит сорока), *Бурматы* (буртод — бурмот — лицетворец; или бур — добный, мат, морт — человек), *Мичканы* (украшенный, мича — красивый, кань — кот) и *Зынра* (зын — зон — парень). См. «Русс. летоп. по Никонову списку» изд. Академии Наук, СПБ. 1790 г. Ч. VI, стр. 37, 44–45. Полн. Собр. Русс. Летоп. т. VI, стр. 194 и т. VIII, стр. 169.

⁵⁰ Свиньи, отличающиеся тучностью и длиною ушей, и в настоящее время в некоторых местах Зырянского края известные под именем «чудских».

⁵¹ Карамзин, I т., 207 стр., 395 прим.

⁵² Полн. Собр. Летоп., т. I, стр. 6. Ср. «Нестор» Шлецера, I ч. 220–221 стр.

⁵³ Мы передаём, как оно делается теперь, но несомненно так оно было и в язычестве у Зырян.

⁵⁴ В своей истории проф. Соловьев происхождение того и другого обычая объясняет родовым бытом Славян. Отдавая всё внимание этому мнению, заметим, что и тот и другой способы брачных союзов, может быть, и у Славян не исключал друг друга.

⁵⁵ «Благословение Симона митрополита всея Руси, в отчину Великого Государя, Царя Русского, о Святем Дусе возлюбленного Господина и сына нашего смирения, благородного и благоверного и христолюбивого Великого Князя Иоанна Васильевича всея Руси Самодержца в Великую Пермь, сына моего Великого Князя служе, князю Матвею Михайловичу Пермскому, да и всем Пермичем, большим людям и меньшим, мужам и женам, юношам и младенцам всем Православным Христианам, новопросвещенным Господним людям всея области Пермской земли».

⁵⁶ ...«А писана на Москве, лета 7009 (1501) Августа в 22 день». См. «Послания Российских митрополитов», Акты Археографические, изд. Археографическ. комм., СПБ, 1841 г., т. I. Исторические Акты, т. I, № 112. Под этим № известно другое послание митрополита Симона «в Великую Пермь и во всея Пермские области, игуменам и попам и диаконам»; написано одновременно.

⁵⁷ У язычников Остяков ещё недавно существовал этот обычай: если Остяк умирал, то мужем вдовы делался его старший брат, к которому она немедленно переходила вместе с детьми. Имущество умершего считалось принадлежностью детей; а если не было их, то доставалось родственникам, вдова получала домашнюю утварь (См. Тобол. губ. вед., 1861 г. № 16).

⁵⁸ В ст. «Устьвымъ», Волог. губ. вед. 1850 г. № 5.

⁵⁹ Так как Богулы в истории появляются не ранее 1385 года, когда они в первый раз делали нападение на Зырян, то, думаем, не ошибёмся, если предположим, что Богулы — это Зыряне, бежавшие за Урал к Юграм от проповеди св. Стефана. Возненавидев своих соотчичей за измену вере предков, они долго и жестоко мстили Зырянам, за что от последних и были прозваны Богулами, т.е. злыми, ненавистными, презренными.

⁶⁰ См. Памятную книжку Вологод. губ., таблица: «число рождений».

⁶¹ Сравн. свидетел. Нестора: «И Радимичи и Вятичи и Север... Аще кто умряще, творяху тризну над ним, и посем творяху кладу велику, и в зложахутъ и на кладу мертвца сожжаху, а посем собравше кости, вложаху в судину малу и поставяху на столпе на путех, еже творят Вятичи и ныне». (Полн. Собр. Русск. Летоп., т. I, стр. 6. Объяснение в «Филог. Зап.» за 1889 г., № 5).

⁶² «Дневные Записки Путешествий» академ. Ив. Лепехина, С.П.Б., 1770 г., т. IV, стр. 410–411; «Путешествие на Печору» Латкина, С.П.Б., 1853 г., ч. I, стр. 49.

⁶³ См. напр. Вологодские Губерн. Ведом. за 1865 г., № 23 ст. «Зырянский язык».

⁶⁴ «Дневные Записки Путешествия» академика Лепехина, ч. IV, стр. 379. Базилевский (Арх. г. вед. 1851 г. № 22) говорит, что вблизи Холмогор, в Курсиском селении есть деревня Побоище, на месте коей, по народному преданию, была в XI веке битва Чуди с Новгородцами после того, как они ограбили кладбище Чуди и похитили украшение главного божества Йомалы.

⁶⁵ Последние 4 города стали известны в XIV веке, а первый гораздо ранее, около половины XIII в. Отер в IX в. нашёл на устье Северной Двины городок; принимая во внимание это свидетельство, Ломоносов («Древн. Росс. Ист.», С.П.Б., 1766 г., гл. 6., стр. 32–33) и Лепехин (Дн. Зап.», ч. IV, стр. 383), первый утвердительно, а второй, опираясь на Ломоносова, говорят, что главный торговый пункт на севере в древнейшие времена был около нынешних Холмогор или Колмогор, как пишется в старинных памятниках и как до сих пор выговаривается народом. Самое слово Колмогор нужно производить от чудского слова *Кольме*, что значит третий, *горт* — дом. Хотя возможно и такое объяснение: *келми-орт* (*келмыны* — молиться, просить и *орт* — дом) — дом молений. Во всяком случае, нам кажется, нет основания искать корня этого слова в норвежских словах *golm* — *garð*, как делали некоторые учёные.

⁶⁶ Географический Лексикон, С.П.Б., 1773 г., стр. 246–247.

⁶⁷ «Дневн. Записки Пут.», ч. IV, стр. 380.

⁶⁸ «Нестор», часть I, стр. 37.

⁶⁹ «Северно-русская народоправства», т. I, стр. 412.

⁷⁰ «Пермская Старина», С.П.Б., 1889 г., стр. 158.

⁷¹ Полн. Собр. Русск. летоп., т. III, стр. 21–22.

⁷² Вот эта грамота: «Се би чолом Азика и Харагинец, и Ровда, и Игнатец, приехав от своей братии князю Офонасию, на Василия на Матвеева; а на ставиле подвойские, и неидуче к суду и урядилися рядом; а боле: Шенкурский погост, и земли Шенкурского погоста до Ростовских меж до Ваймуги, вверх до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу, а тыа земли Василью и в веки; а взял Азика с своею братьею у Василья двадцать тысяч белок на тех землях, где ни есть Шенкурского погоста. А завод тым землям по Семенгу реку, а по другую сторону Ваге выше Паденге, по вытеклый руцей; и Паденга река с Устья по обе стороны вверх до Сулонской межи, по Великой камень (Урал); а Шенга река с Устья по обе стороны вверх до Розмовой; а Понце река по обе стороны. А кто будет вкупится в ту землю в том заводе, а те знают своих, продавцов, в тых кунах. А что Шенкурского погоста, и земли, и воды, и лесы лешнии, и реки лешнии, и мхи и озёра, и соколья гнёзда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью себе и своим детям в веки. А пополонка дал Василию десять рублей». (См. Записки Имп. Географ. Общ. за 1853 г., кн. VIII, стр. 104. Ср. Памятн. кн. Арханг. губ., за 1864 г., стр. 2). В настоящее время против самого г. Шенкурска находится деревня Харгала. Далее в 50 верстах есть приход Ровдинский и ещё далее станция Игнатовская. По всей вероятности, эти названия указывают на места, где жили Хараганец, Ровда и Игнатец.

⁷³ Памятники Старинной Русской Литературы, ч. IV, стр. 138.

⁷⁴ «Записки Днев. Путеш.» С.П.Б., 1779 г., ч. IV, стр. 106–107.

⁷⁵ «См. Памятники Старин. Русск. Литературы», 1862 г., вып. IV. «Повесть о Стефане, епископе Пермском», стр. 138 (о «прении волхва»).

⁷⁶ Кстати заметим, что как имя Ровда, так Пам или Пан, едва ли не были нарицательными именами, обозначающими какой-нибудь титул, потому что и Ровд и Панов было много. Так, в Шенкурском уезде, именно в той части, которая была приобретена Своеземцевым, существует в настоящее время Ровдинское общество. В обруseвших уже частях Вологодской, Архангельской и Пермской губерний многие места носят имя Ровды. Например, в Вельском уезде деревня Ровдино, в Устюжском — Ровдинский стан (волость); на одном из островов, находящемся в низовьях Северной Двины, есть Ровдина гора; в Пермской губернии — Ровдинский завод. Кроме зырянского Пана, мы также знаем панов в разных частях бывшей Чудской территории. Так, близ г. Вельска (Вологодской губернии) указывают по реке Вели места оседлости каких-то панов и устроенные будто бы ими для рыболовства подводные сооружения. В статье г. Мельникова «Очерки Мордовы» («Русский Вестник» за 1867 г., кн. 6) мы нашли известие, что в разных частях мордовской земли сохранились предания о древнечудских князьях, называемых «панками». В Архангельск. губ. на притоке реки Пци, владающей в Вагу, есть гористая местность, называемая «Паново». Самые слова: пан, Ровда, Асыка или Азика нелегко передать буквально по-русски. Есть зырянский глагол: «панны» (Вот. поныны, пуньны) значит основать, положить основу, делать начало, завязывать и потом распутывать; быть может, самое слово «пан» произошло от этого глагола. Ровда по-фински Ranta означает железо; Асыка, «Асык» значит обруч, «асыкавны» — класть обруч, стягивать и т. под. Быть может, наши летописцы затруднялись передать значение этих слов, определяющих зырянские власти, и называли их то князьями, то сотниками, то старшинами или старостами.

⁷⁷ Соловьев, ист., т. V, стр. 94–95. Но так как о Вымских князьях в летописях не упоминается ни ранее 1465 г., ни после 1485 г., то имеем основание сомневаться в них, как *собственных* Зырянских князьях.

⁷⁸ Архангельс. Летоп., стр. 210; Карамзин, т. VI, стр. 57; Соловьев, т. V, стр. 94.

⁷⁹ Список поименованных нами Пермских князей и княгинь помещён г. Поповым в «Хозяйственном описании Пермской губернии» за 1804 г., т. II, 265 стр. в прим.; г. Берхом в «Путешествии в Чердынь и Соликамск», СПБ, 1821 г., стр. 74. Берх, между прочим, перед перечислением имён Пермских князей и княгинь говорит: «Мне показывали записку, найденную в Чердынском архиве, в ней были означенены Пермские князья», не упоминая долго ли и в какие годы владели они сею страною» (стр. 84). Дмитриев говорит, что этот список есть копия древнейшего синодика Иоанно-Богословского монастыря в Чердыни, найденная в Богоявленской церкви г. Чердыни, что подлинник, вместе с другими документами, из архива Чердынского магистратса, по Высочайшему повелению, в 1786 г. был отправлен в Петербург. Происхождение этого списка, по почерку и хронологической дате, на первой странице г. Дмитриев относит к началу XV века. По внешнему виду копия синодика напоминает старинную богослужебную книгу большого формата; в нём помещены вместе с именами князей имена монашествующих лиц и Чердынских граждан. Синодик начинается такими словами: «Богоспасаемого града Чердыня, обители Вознесения Господня, Иоанна Богослова общежития монастыря, монастырские быша начальники, лета 6985 (1477) генваря 6 числа. Помяни Господи души представльшихся: архимандрит Дионисий, игумены и строители; помяни Господи души князей великопермских и княгинь: князя Михаила Пермского, убит от Богуличей, князя Владимира Пермского... князя Иоанна Пермского... княгини Ксении, княгини Анастасии Великопермской». (Пермская Старина, 159 стр.).

На вопрос, почему все князья в синодике объединяются под общим названием Великопермских, г. Дмитриев говорит: «Мы полагаем, что это указывает на одну княжескую фамилию или род, к которому принадлежали все князья (Пермские и Вымские) и княгини (Великопермские), так как, по всем данным, главным местом их жительства был город Пермь Великая — Чердынь, где находилась и их родовая усыпальница (в Иоанно-Богословском монастыре), то все они в этом смысле и объединялись в одном наименовании Великопермских князей (Перм. Старина, стр. 164).

⁸⁰ Перм. Стар., стр. 158

⁸¹ Г. Дмитриев полагает год смерти первого князя Пермского Михаила 1481 г.; в таком случае до 1505 г. остаётся около 24 лет, которые и падают на княжение остальных десяти князей Великопермских.

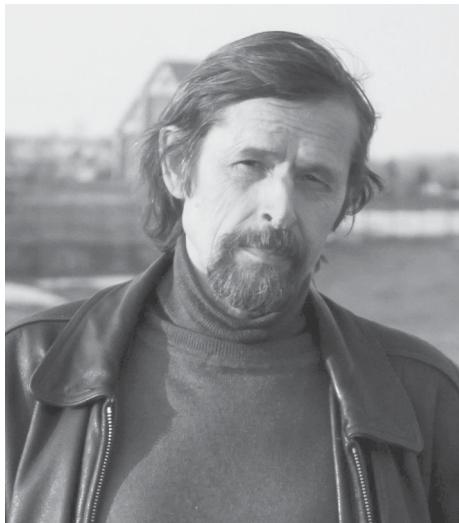
⁸² Десятого по списку в синодике.

⁸³ Истор. Госуд. Росс. т. VI, стр. 57.

⁸⁴ Акты исторические, т. III, № 218, стр. 376–377.

Проза. Поэзия. Литературная критика

Пётр Столповский

Пётр Митрофанович Столповский родился 10 апреля 1943 года в Красноярском крае. Работал строителем, журналистом в Сибири, Сыктывкаре, в котором живёт уже сорок лет. Здесь был редактором, директором Коми книжного издательства. Заслуженный работник культуры Республики Коми и Российской Федерации.

Первая книга «Про Кешу, рядового Князя» вышла в 1980 году. За повесть «Дай доброты его сердечку» удостоен премии Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей. Автор двух десятков книг, в том числе литературного пересказа на русском языке коми народных сказок. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Коми и РФ.

Из цикла «Что память сберегла»

Глоток косорыловки

Кому как, а для нас самым солнечным праздником был последний звонок учебного года. Стократное «ура»! Девчонochий визг! Прыжки, которые не снились ни горному козлу, ни степному сайгаку!

Придя домой, бросил портфель на диван:

— Всё! В школу больше не пойду!

— Эт как? — насторожилась мама.— На каникулах не пойдёшь?

— Ни-ког-да. Кончилась моя школа.

— Вот тебе на! — то ли удивилась, то ли возмутилась мама.— Ты это что удумал?

— А я давно удумал. Работать пойду.

— Ишь, работать! Погоди, отец придёт, даст тебе ума!

Мама всегда так говорит, хотя не хуже меня знает: никакого ума он мне не даст. Мягкий потому что, безвредный. Маме самой приходится давать ума детям своим неразумным. А то и отца распечёт, коль заслужит, не посмотрит, что он глава семейства. Правда, на ту пору старшие брат и сестра года два уж своими семьями жили, при родителях мы трое братьев оставались. Так что маме полегче стало ума нам давать.

Что греха таить, бывало, и ремешок по нам гуливал, не без этого. Гулял он не больно, так, для остротки, дабы блости стародедовский обычай держать отпрysков в струне. Тогда, в пятидесятые, ещё помнили праотцовский порядок. Понятно, и мы обычаю подпевали дурными голосами, чтобы, значит, порядок не нарушать.

Но мне уж года два как ремешок не страшен стал. Помнится, запустил я учёбу, мама проверила дневник, а в нём двоек да троек хоть лопатой греби. Заругалась, собралась было ума мне дать, а я отнял у неё ремень и в угол закинул. Мама слезу пустила, я её утешал. Даже двойки исправил, чтоб вину свою загладить.

Да уж... таким огольцам как я легко матушку свою обидеть.

Ну, не любил я учиться! И ничего не мог с собой поделать. Не умел и не хотел притерпеться как-нибудь к этой неволе — зубрить правила, стихи, физические и всякие иные законы. Может, потому, что над ними, над этими законами и аксиомами, нет нужды размышлять, а надо просто впечатывать в черепушку как штамп: «Сомневаться воспрещается». Что делать, коли мой норовистый черепок выталкивал из своих таинственных недр всё, что было ему не по нраву.

А вот таинственность того, что творилось в этих недрах, манила меня. И даже немного пугала: что за бездна там кроется?..

— Очнись, мечтатель!

Голос учительницы литературы. В классе прошелестел смешок. Сказано мне. Виновато взглянул на Ольгу Степановну. Ничего нового: смотрит так, будто я подложил ей в стол дохлую кошку.

— О ком мы сейчас говорили?

Уж наверно, не обо мне... О ком же они целый урок?..

— О Пушкине.

Класс дружно смеётся. Класс любит минуты моей славы.

— Пора, пора проснуться, Мальцев,— усмехается Ольга Степановна левым уголком тонких губ.— Пушкин у нас кончился.

Хихикнули отличники и хорошисты.

— Пушкин не кончается,— буркнул я себе под нос, но все услышали.

Класс, видать, не сразу смекнул и упустил момент, когда надо вставить положенное «хи-хи». Учительница же соображала не в пример всем нам, потому даже покраснела от негодования:

— Вы только посмотрите на этого задумчивого умника! На следующем уроке будешь умничать — перескажешь всё, о чём мы сегодня говорили!

Ещё одна «пара» обеспечена... А нечего язык распускать! Пушкин, видите ли, не кончается. Небось, для лопоухих он и не начинается.

Задумчивость — моя главная, неизбытвная слабина. В задумчивость впадал легко, а выкарабкивался из неё тяжело. Давно понял: не я хозяин мыслей, а мысли вертят мною как хотят. Это же законченные бродяги, босяки какие-то и шалапуты. Я за ними еле спспевал. Бродяги мысли таскали меня по таким умственным и всяким чувственным дебрям, засыпали в такие миры причудные, в сферы неведомые, что и теперь не берусь описать их без риска угодить в психушку.

Это они, мысли-шалопуты, довели меня до такого чудачества, что сочинение на вольную тему я накатал в стихах. Выбрал тему о том, что прямо-таки рвалось из моей блаженной души — о любви к родной природе. Коли тема вольная, я и дал волю мыслям. Полтетрадки измалевал в творческом угare! А ведь наперёд знал, кожей чувствовал, как на это посмотрит Ольга Степановна!

Она посмотрела. И я вполне познал, сколь грозен бывает праведный гнев. Гнев за то, что я, как видно, чем-то оскорбил, осквернил её кристально чистые,

потаённые чувства. Для меня это до сей поры тайна непостижимая. Выплеснув на испанную тетрадку всё, что было накоплено для стихоплёта, и тем самым настроив класс, как настраивают раздёрганные балалайку, Ольга Степановна приступила к главной каре. С каким-то нешкольным, куражливым выражением стала зачитывать хохочущим слушателям строки, вопиющие о моём безнадёжном скудоумии:

*...Где берёзы в любви объясняются,
Белизны своей не стесняются,
Где дубы им шапками машут,
У болота лягушки пляшут,
Пауки свои сети вяжут,
Комары совсем не кусаются...*

Дальше, убей, не помню. Тем более, тетрадку Ольга Степановна оставила себе. На долгую, добрую память.

Мне проходу не давали, целую неделю изводили пересмешками. Я и дубом был, которому бесстыдные берёзы объясняются в любви, и лягушкой, и пауком... Терпел. По опыту знал: начнёшь психовать, огрызаться, вовсе засмеют. А чего психовать? Я ведь в те дни твёрдо решил бросить школу. Меньше месяца осталось. С меня и семилетки хватит.

На второй день во время перемены ко мне подошла Таня. Та самая девочка-мотылёк, на которую я украдкой пялился целое полугодие. Подошла с улыбкой, а я смотрел на неё сторожко: кем она меня назовёт — дубом или пауком?

— А мне понравилось,— сказала она.— Никого не слушай, у тебя почти как у поэта получается.

Я смотрел на неё, и приурковатая улыбка расплывалась на добрую половину моей лопоухой физиономии.

Давно это было. Улыбчивую мордашку девочки-мотылька, как ни стараюсь, не могу воскресить в памяти...

Пришёл с работы отец. Мама доложила о моём сумасбродстве, а также о его причине: «давно ума не давали». Я приготовился держать оборону. Ни шагу назад! Костьми полечь, но стоять до последнего!

К моей радости ложиться костьюми не пришлось.

— А чего ему там дурака валить, двойки ограбить? — спокойно сказал отец.— Не хочет учиться, пусть идёт вкалывать. Узнает, почём фунт лиха, глядишь, и за ум возьмётся.

— Ты чего это, отец?! — осерчала мама.— Чтоб он неучем остался, всю жизнь кайлом махал?

— А это он сам выберет — кайло на стройке или вилы на скотном дворе.— Отец смотрел на меня с горькой усмешкой.— У нас ведь всякий труд в почёте, верно, Петька?

— Угу.

— Я гляжу, вы оба умом пошатнулись,— махнула рукой мама и ушла на кухню.

— А уговор будет такой,— построжал отец.— Осеню пойдёшь в вечернюю школу. Чтоб до армии аттестат у тебя был... Чего сопиши? Ну-ка, повтори, чтоб не забыл: куда пойдёшь?

— В вечернюю школу.
— Слышала, мать? — Ох, господи...

Куда пойти, куда податься?.. Работы завались, но куда ни ткнёшься, не берут. Неделю пороги без толку обивал. Говорят, получишь паспорт, тогда и приходи. Это ж почти целый год ждать!

Мальчишку знакомого встретил, Ваню. Давно не виделись, он на окраине живёт. Ну, ты как? Да ничего, а ты как? Да я тоже...

— ... без паспорта вот на работу не берут.

— Да, без паспорта, вроде, и не человек... А ты на винзавод не ходил? Ребята без паспорта поступали.

О винзаводе я и не подумал. Пошёл. Дома не сказался, не то бы мама сразу на дыбки: осатанел, скажет, хочешь там пропойцей сделаться?

За ним, за винным этим заводом, давно тащилась нелестная слава: он исправно поставлял пьяничек нашему городишке. Завод гнал единственный сорт вина — «Столовое плодово-ягодное», к которому надёжно приклеилось хлёсткое и самое что ни есть подходящее название: «косорыловка». Ягодами в этой косорыловке и не пахло, а плодами были мелкие, кислющие яблоки-дички. Их за копеечную плату бабы с ребятней мешками собирали в окрестных лесах.

Не раздумывая, в тот же день пошёл устраиваться на работу. Завод невелик, высоким дощатым забором обнесён. Проходная имеется, дедок в ней сидит. От скуки у него седая борода слегка позеленела.

— Ты, малый, куды?

— К директору.

— Ишь ты! Никак наниматься?

— Ага.

— Ну-ну. А я бы вас, огольцов, близко сюды не подпускал, ядрёна Матрёна. Ну, ступай, коли так.

Конторка тут же, за проходной. По тесному коридору пышная тётичка идёт, в руке бумаги веером. Спросил, где директор.

— Насчёт работы? — придирично осмотрела меня тётичка. На лбу у меня написано, что ли?.. — Третья дверь налево.

Захожу в третью дверь налево. За столом пожилая чернявая женщина, похожая на цыганку. Яростно накручивает трескучий арифметометр.

— Ты к кому? — спросила под треск машинки.

— К директору.

Она нанизала меня на свой острый взгляд, усмехнулась.

— Паспорта не имеем. Так? Учиться не желаем. Верно? — Дрынь-дрынь-дрынь — наяривает арифметометр. — А тут тебя ждут, не дождутся.

Меня зло взяло.

— Я вам ещё ничего не сказал.

Сейчас она меня как турнёт за грубость! Пришёл наниматься и умничает...

— Милый мой! — Женщина оставила свою игрушку. — Я вас столько перевидала!.. Ты ешё рот не раскрыл, а уж я всё знаю.

Гадалка. Наверно, от табора цыганского отбилась. У нас они каждое лето бывают.

— Мне директор нужен.

Дрынь-дрынь-дрынь... Она на арифмометре гадает. Сейчас скажет: ты, мол, балда сто с лишним раз в третьей степени.

— Пётр Игнатьич! — крикнула гадалка, глядя на дверь за моей спиной. — Ещё один на работу просится.

Молчок. Потом из-за двери донеслось басисто:

— Пусть зайдёт.

Дрынь-дрынь-дрынь...

За столом сидел грузный дядька, лысый, как бубен. Листал какую-то папку. В момент ощупал меня цепким взглядом, снова уткнулся в бумаги.

— Что скажешь? Фамилия, сколько лет?

— Мальцев. Шестнадцатый пошёл.

— Выходит, пятнадцать. А батька твой слушаем не Митрофан ли Семёныч?

— Да.

— Вот оно как... — Внимательнее поразглядывал меня. — Уважительный батька у тебя. Знает, что ты сюда, к нам?

— Не знает. Я уже много где был. Паспорт спрашивают.

— Ну, так, милый мой, и мы без паспорта больше не берём. Обожглись, хватит. Дрынь-дрынь-дрынь — сердито молотил за дверью арифмометр. Всё ясно: делать мне тут нечего. Зачем тогда и высматривать, коли не возьмёт без паспорта?

— Я стараться буду, — решился на безнадёжную попытку.

— Другие, думаешь, не старались? А потом старательно к бутылке прикладывались. Вот в городе и говорят: Пётр Игнатьич малолеток спаивает. Ещё дело заведут... Звать-то как?

— Петя.

— Вот: Петя. Мы ещё и тёзки с тобой. — Грузный директор тяжко вздохнул, переложил с места на место папку с бумагами. — Что ж мне с тобой делать, Петя?

Замер. Жду. И отца знает, и тёзки мы с ним. По всем признакам, может взять.

— Метрика с собой?

— Ага!

— Клава! — крикнул директор. И мне: — Заявление напишешь. — Арифмометр за дверью перестал дрыньять. На пороге появилась гадалка.

— Оформи его в бригаду тарщииков.

— Пётр Игнатьич... — начала было с неодобрением.

— Ладно, ладно, Клава, сам буду приглядывать. Оформи. С завтрашнего числа. Гадалка Клава ожгла меня взглядом и вышла.

— Значит, так, тёзка, — посуркал директор, хлопнув ладонью по папке. — Заруби на носу: приложишься к бутылке, выгоню взашей. А то ещё возьму за ухо да к батьке твоему доставлю. Запомнил, Петя?

— Запомнил.

— Всё! Завтра к восьми с молотком и клещами. Клава отведёт в бригаду.

Я даже не посмел спросить, кто такие тарщики. Наверно, не те, которые сидят да на бутылки таращаются. Ладно, завтра узнаю.

Раз уж взяли, чего таиться — сказал дома. Мама, конечно, браниться стала да причитать. В роду, мол, сроду ярыжек не водилось, ты первый будешь. Отец же помолчал и сказал досадливо:

- Не туда ты залетел, Петъка.
- Почему не туда?
- Почему... Глотнёшь этой самой косорыловки, узнаешь, почему.
- Дурак я, что ли?
- Не одни дураки с чёртом в обнимку по бочкам гуляют.

Дома и молоток нашёлся, и клещи. К восьми утра был у проходной. Дедок пошурился на меня:

- Сталбыть, взяли. Чудно, ядрёна Матрёна!

Гадалка Клава слов на меня не тратила. Даже на арифмометре не дрыньяла. Указала на строчку в амбарной книге:

- Распишись, трудящийся.

В жизни не расписывался. От знаменательности момента рука превратилась в курицыну лапу и оставила достопамятный след в истории винного завода.

— Ты что, так расписываешься? — Я промолчал. — Лучше бы крестик ставил. Пошли. Начинался рабочий день. Чем ближе подходили к старым кирпичным строениям, тем гуще дух чего-то крепко перебродившего, сивушного. Значит, там и творят плодово-ягодное питие.

- Миня! — окликнула Клава. И мне: — Твой бригадир.

Подошли к высокому, худощавому мужику в линялой рубахе навыпуск.

- Пополнение тебе Игнатич прислал, забирай.

— Гы! — удивился тот. — Он же мне за малолеток этих чуть в ухо давеча не залепил!

- Сам разбирайся, мне некогда.

Гадалка ушла. Бригадир Миня оглядел мою несозревшую стать, спросил, как меня зовут.

- Сколько тебе?

- Шестнадцатый.

— Ух ты! Пожил... Ну, шестнадцатый, пошли со мной... Вообще-то в бригаде ты четвёртый будешь.

От двух запашистых строений взяли курс на приземистую, покосившуюся хибарку. Бригадное пристанище. Рядом высокий сарай, набитый тонкой стружкой для укладки бутылок в ящики.

- Из школы выгнали или сам ушёл?

- Сам.

— Молодец. Сматываться надо за пять минут до того, как выпрут. Запомни, пригодится. Я осмелел:

- Тарщики — это кто?

- Ё-моё! — От возмущения бригадир остановился. — Тебя куда взяли?

- В бригаду тарщиков.

- Тебе, Петя, в учёные надо идти, а не в тарщики!

- Почему в учёные?

- Любознательный потому что! Вон, штабель видишь? Что это такое?

- Ящики.

— Это не ящики, Петя, это тара! А мы при ней кто? Мы при ней тарщики. Усё? Дурак какой-нибудь шандарахнет тару об землю, а мы её ремонтируй. Чем

больше дураков, тем больше нам за ремонт заплатят. Называется высшая арифметика, это тоже усеки.

Заходим в хибарку, бригадир Миня с порога:

— Мужики, директор на территории. Допивайте — и за дело.

Два тарщица сидят у верстака, перед ними стаканы «с марусиным пояском», пучок зелёного лука, четвертушка хлеба.

— А это пополнение, мужики. Петей звать.

— Ну, как это... отметить полагается.

— Коля! Ты про это забудь! — со всей бригадирской строгостью сказал Миня.— Игнатич с меня шкуру слупит.

— Ну, как это... не по-людски как-то,— проворчал Коля, парень, похоже, шебутной.— Всегда ведь...

— По-людски, по-людски... Берите инструмент, гвозди — и дранк на хвост.

Второй — Гришай звать,— молчун. В годах мужик. Присматривался ко мне, помалкивал. Как я и думал, в стаканах у тарщиков винцо. Что-то больно просто у них тут. Оно что, плодово-ягодное, по территории ручьём течёт?..

Тарщики живенько хлопнули вина, хрустнули луком, жавкнули хлебом и поднялись. Так начался мой первый в жизни рабочий день.

Ремонт винных ящиков оказался делом нехитрым. Где надо, заменить планку, прибить по углам железные полоски, поправить гнёзда для бутылок и поставить в штабель. За два-три дня я усвоил здешние порядки. Главное — знать, на территории директор или его нет. А если нет, то надолго ли отлучился. Тогда тарщики, и не только они, перед обедом спокойно заходят в цех розлива, снимают с узкого конвейера по бутылке косорыловки, ещё не забитой пробкой, не насургученной, и никто на них даже не смотрит. Так было всегда, чего на них плятиться.

Шебутной Коля каждый раз пытал меня:

— Ну, чо, Петя, примешь?

— Не-е, не хочу.

— От же попался! Не хочет поступление обмыть! Так, Петя, в бригаде не живут. Бригаду уважать надо. А, Гриша?

— С одного-то глотка ничего не будет,— выдавил из себя молчун Гриша.

— Вот! Не будет. А бригаду уважишь.

— Я директору обещал.

— Ха! — развеселился Коля.— Сколько тут народу работает, и каждый обещал. Гриша, может, ты не обещал?

— Да я уж раз пять обещал.

Допекли они меня со своей обмывкой! Бригадиру Мине сказал: пусть, мол, не пристают ко мне, не хочу я. Тот подумал и говорит:

— Тут, Петя, понять надо мужиков: порядок такой. Ты порядок нарушаешь, вот они и недовольные. А какое ж братство в бригаде, если недовольные?

— Что ж мне, пить с ними надо?

— Не-е, пить не надо. А граммульку для порядка можно принять. Даровое ведь.

На другой день в хибаре, которую называли тарным цехом, перекусывали обеденными «тормозками». Было важное известие по заводу: директор в отлучке. Коля завёл ту же пластинку. Обозлился даже:

— Откуда ж ты такой взялся? Из детсадика тебя сюда, что ли? И зудит, и зудит...

— Ладно,— сдался я.— Только граммульку.

— Вот это по-нашениски! — обрадовался Коля.— Конечно, граммульку! А мы уж с Гришой думали: больной какой-то, с заскоками.

И нахлестал мне по сердечной простоте целый стакан.

— Много,— говорю,— мне глоток.

— Дак ты и глотни, сколь душа попросит! Мы и сами сверх души не принимаем. А, Гриша?

— Сверх души нехорошо,— сказал молчун.— После никакая опохмелка не берёт. Ты так пей, чтоб душу не облить.

Чокнулись. Впившись в меня посерёзнейшим взглядом, Коля произнёс заклинание:

— Ну, мужики, чтоб у нас это... по-людски, как у мужиков! Приложился я к стакану.

— Давай, Петя, давай, давай!...— повторял Коля с таким жаром, будто в моём стакане был смысл всей его несุразной жизни.

Глоток, другой, третий. Всё!

Нутро полыхало. Коля услужливо запечатал мне рот зелёным луком. Гриша отломил от буханки. Пока я жевал лук с хлебом, пришёл бригадир Миня. Коля пустился расхваливать меня, называл другом и лез обниматься.

А ведь это и правда косорыловка — рыло-то у меня на сторону повело. А другие ряшки чудно как-то смазывались, расплывались.

— Ну, теперь Петя в доску наш! Будь настоящим мужиком, чокнись с бригадиром! Миня потянулся со стаканом к моему, чокнулся.

— Вздрогнули! — сказал.— Чтоб у нас в бригаде всё было ладом.

Я то ли плыл, то ли скользил куда-то. Не помню, сколько раз прикладывался к стакану, из которого почему-то не убывало. Как в стружке оказался, которой набит сарай, тоже не помню. Иногда на меня наплывала Колькина морда. Она жалела меня по-братьски, и я почти любил эту морду.

Сколько ж времени прошло?

Когда в голове начало светать, какая-то сила выдернула меня из мягкой стружки, встряхнула и поставила на ноги. Потаращился и узнал директора, тёзку моего Петра Игнатича.

— Пас-скудник! — просипел он мне в лицо и поволок куда-то. Контора. Дедок у проходной.

— Эхе-хе, допрежь молоку бы на губах обсохнуть...

Вот это я помню: третья дверь налево. Гадалка чего-то не дрыньяет.

— Я ж говорила, Пётр Игнатич... — Говорила, говорила! Говорилыщики...

Потом я сидел за столом, а нависшая надо мной глыба директора диктовала зловещим басом:

— ...прошу... пиши, пиши, зюзя сопливая!.. уволить меня... не исправляй, пусть так будет!.. по собственному желанию! Ставь подпись.

Поставив какую-то немыслимую загогулину, поднял голову, поискав глазами разгневанного тёзку и пискнул:

— Я н-не хотел...

— Теперь брысь отсюда! — громыхнул директор.— Расчёт завтра.

Такой вот получился глоток косорыловки. Так вот вливался я в ряды славного рабочего класса.

Я тебя в гробу видал

Отец разглядывал меня так, словно решал нелёгкую задачу: сколько за меня дадут в базарный день. Мои трудовые подвиги на производстве косорыловки подсказывали: не больше ломаного гроша.

— Куда ж тебя, балбеса, пристроить?

— Да хоть куда-нибудь,— мама голос подала из кухни.— Нечего ему собак гонять, а то снова во что-нибудь вляпается.

Гонять собак мне и самому было совестно, всё ж таки весной пятнадцать лет стукнуло. Нас у отца с матерью пятеро, скучно жилось в послевоенные пятидесятые. Жёлуди, конечно, никто уже в муку не подмешивал, это правда. Но несёт, помнится, баба кулёк серых макарон, от счастья светится, а вслед ей шепоток: по блату-де отхватила, эти, мол, скорохваты не пропадут.

Сидя на старом скрипучем диване, я с беспокойством поглядывал на отца: куда пристроит? Не к кайлу ли на стройке? А то ещё в кожевенную артель.

— Городишко-то — в полчаса обежать можно,— говорит отец,— попробуйка, пристрой. К кожевникам разве. У них всегда пожалуйста. Пойдёшь кожемякой?

— Уж прям кожемякой! — вступилась мама.— Мал ещё кожемякой ломить. Да и вонища там, ни в какой бане не отмоешься.

— Куда ж его, такого расхорощего? Может, в школу вернёшься?

— Не-е,— мотнул я головой,— работать хочу.

— Митрош, а в столярную артель? Там каждый год учеников набирают. Сходи, поговори с директором.

Отец снова посмотрел на меня:

— В столяра пойдёшь?

— Пойду.

— Пойдёт он... Возьмут ли ещё.

— Митрош, а ты нынче и сходи. Тебя, поди, уважат.

На другой день пришёл отец на обед и с порога:

— Ну, друг ситный, повезло тебе.

— Берут? — мама обрадовалась.— Учеником?

— Да уж не мастером. Гляди, Петька, не подведи как с винзаводом своим.

Вот так я и прибрался к столярному ремеслу.

Столярная артель носила красивое, прямо сказать, лучезарное имя — «Рассвет». И оно, это имя, противилось, как мне казалось, тому, что выпускала артель. А выпускала она просторные крестьянские сундуки для деревенского населения и гробы на любой рост. Ещё, выгадав часок-другой, столяра строгали из отходов мелочёвку — табуретки, рамки для семейных фото (три десятка в одну раму) и багеты для всякого рода оконных гардин.

Сундуки делали добротные, на шипах, в точности, как в стародедовские времена. Красили эту потребную мебель жизнерадостной охрой на керосине. Покуда она не высохла, на бока и крышку сундука с помощью резиновой гребёнки наводили лихие зигзаги. Получалось что-то вроде сосновой текстуры. Закрасили дерево, дерево и нарисовали, только поплоще. Спрос на сундуки в то послевоенное время был бешеный, ещё охра не просохла, уже из рук рвут.

Немалый спрос и на гробы. Куда ж без них, коль материю-природой велено: поживший умереть обязан. И всегда так будет, если учёные сдуру не придумают вечную жизнь в бренном теле.

Расположилась артель очень удобно. С одной стороны базарная площадь с прилавками, лотками и хлипкими ларьками. По воскресеньям, особенно в осеннюю пору, окрестные колхозы везут сюда на продажу всё, что родит Черноземье, и народу бывает — не протолкнуться.

С другой стороны — крутой обрыв, под которым томно выгибалась обласканная солнцем речка Тихая Сосна. С обрыва далеко видать. За речкой, за широченной полосой камышовых зарослей разлеглись зелёные поля. Меж ними перелески, лесополосы, а у самого горизонта — железная дорога в сторону Курска. Только её отсюда не видно, разве что тихим вечером паровозный гудок донесётся.

Закрепили меня учеником за столяром середовых лет Антоном. Спокойный и деловой, но уж больно скуп на слова.

— Примечай, как я делаю. Делай так же, будешь столяром.

Так ли я делаю, не так, Антона не сильно интересовало. Стало понятно: сам не научусь, не видать мне столярного разряда как своих раскидистых ушей.

Слава школьным урокам труда полувековой давности! Низкий поклон терпеливому, умному трудовику, имя которого, к стыду своему, позабыл. У него не было педагогического образования, думается, и средним не обзавёлся. Учил он нас не по мудрёным методикам, а по своему рабоче-крестьянскому разумению. И забота его была не о том, чтобы урок прошёл, а о том, чтобы мы, желторотые, знали и умели что-то. Потому он и учитель.

— Что за человек, который не умеет, а? — возмущённо спрашивал он нас, не требуя ответа. — У него ж руки от задницы растут!

Мы хотели, аж повизгивали, а трудовик делал мудрое заключение:

— Такими руками даже размахивать неудобно, вот он ничего и не умеет. Никто не хотел, чтобы руки росли из этого непотребного места. Старались все.

Инструменты были нарасхват, за место у верстака чуть не дрались.

Помню, как под неназойливой опекой трудовика смастерил я своё первое кривоватое чудо — детскую скамеечку. Учитель приидирчиво осмотрел её со всех сторон.

— Тэ-эк, с руками, вроде, всё в порядке. Пусть они у тебя покоя не знают.

Сказал, как наколдовал: без дела руки у меня затекают... но это другой

разговор. На крыльях такой замысловатой похвалы я тут же порхнул к верстаку и взялся мастерить взрослую табуретку.

Так вот и получилось, что, придя в артель с лучезарным названием, я знал, что рубит не рубанок, а топор, стамеска не месит, а режет и прочее. В первый же день мастер Антон дал мне рамку, велел разобрать и сделать подобную.

Рамка была на шипах. Такие давно уж не делают, обходятся гвоздями да шурупами, а зря. Потому зря, что прогрессивные мебельные технологии убили и надёжно похоронили доброде столярное ремесло. И теперь новое поколение доподлинно знает, что краснодеревщик — это тот, кто красит дерево красным антисептиком, чтобы не гнило.

Рамку я сделал быстро, но дал маху: в спешке пила вильнула, и один из четырёх шипов вышел кособоким. Рамка перекосилась. Попеняв своим рукам, напомнив, откуда им надлежит расти, я тут же взялся за другую рамку — без спешки, но споро. Управился вовремя: закончив очередной сундук, подошёл Антон. Осмотрел поделку, приложил к ней угольник, сказал:

— Рамка — фигня, для нас это семечки. Завтра садись на табуретки. Потом посадим на гробы. Сундуки уже за гробами пойдут.

Рамку, сделанную без спешки, я принёс домой и подарил матери.

— Сам? — обрадовалась она.

— А то не сам. Завтра буду сидеть на табуретке. Потом на гробу. А с гроба на сундук пересяду.

— Ты это что мелешь? На гробу-то сидеть зачем?

— А чтобы разряд дали, мастер так сказал.

— Ну, ежели мастер... Мастера будешь слушаться, он тебя всему научит.

Нас, учеников, было трое. Витю с Митея взяли на месяц раньше меня. Но никого не спешили сажать на гробы. Так выходило, что всем троим особо-то и некогда учиться ремеслу. Только возьмёшься за рубанок, начальник артели идёт. Худощавый, расторопный, что на ногу, что на язык скор.

— Так, подрастающее по колено, кончай стружку гнать! — частит скороговоркой. — Со станции пиловочник привезли, ёлки-моталки, разгрузить надо. Скоренько, скоренько! Нельзя машины держать. А? Трое, трое! Где там Митька с Витькой? Хватай их за зябры и вперёд, ёлки-моталки. Верхонки Зина принесёт.

Прострочил словами и ускакал. Дельный начальник, подумал я. И ещё подумал: с такими только и можно коммунизм построить. А построить позарез надо. Об этом Никита Сергеевич ясно и понятно по радио толкует. Нынче всякий лопоухий знает: без коммунизма всем нам полный швах. Макароны, к примеру, по блату только и можно будет купить.

Митька и Витька постарше меня будут. Одного роста, оба ходят немного вразвалочку. Даже друг на друга похожи, хотя и не родня. Ничему почти не научились они за месяц, но порядки знали.

На дворе жарынь несусветная. А в конце просторного артельного двора нас ждали две трёхтонки с досками доверху и кладовщица Зина с рукавицами. Хохотушка и трусиха эта Зинуля, как её звали столяры.

— Разгружать, складывать,— бубнил по дороге Митька,— потом в сушилку таскать...

— Потом из сушилки вытаскивать,— подхватил Витька.

— Ребятки, чего вы еле ползёте?

— Ты там поставь банку мёда, мы побежим.

— Как-нибудь без мёда управитесь,— хохотнула Зинуля.

Мы и в другой раз, и в третий управлялись без всякого мёда. Тягуче текли день за днём. Обливаясь потом, складывали доски в штабель, таскали их в сушилку, просушенные носили под навес. Да ещё в котельную доставляли древесные отходы.

Одна была радость — Зинулин щелястый склад с вечно открытыми воротами, в котором мы прятались от жары. Склад стоял над самым обрывом, потому в нём приятно сквозило даже без ветра. В обеденный перерыв сидим на свежеструганных гробах, никто нас не дёргает, не понукает — благодать! На гробы нас не спешат сажать, так мы вот сами...

— Когда же, — спрашиваю, — учиться мы будем?

— А когда разряд присвоят, — лениво потягиваясь, говорит Митька.

— Не понял.

— Чего тут понимать? Сейчас нам платят по тридцать рублей ученических?

— Ну.

— А разряд дадут, платить перестанут. Тогда и научимся.

— Молоток кто-то забыл, — кивнул я на крышку одного из гробов.

— Он тут всегда, — говорит Митька. — Гвозди наживляют. Видишь, во всех крышках гвозди наживлены.

— А внутрь стружки кладут, — подсказывает Витька. — Чтобы покойнику легко было.

— Тут ещё и гвоздодёр, — сказал Митька. Гвоздодёр был прислонён к дощатой стене. Витька хохотнул:

— Покойнику без гвоздодёра как без рук!

— Ребятки, где вы? — донёсся со двора звонкий голос Зинули.

— Иди спроси, чего ей надо, — кивнул мне Митька.

Выглянула из склада. Хорошо, Зина в другую сторону смотрела, не то заругалась бы: гробы, мол, извозите башмаками своими.

— Звали? — подхожу к ней.

— Петя, надо помочь хорошему человеку. Погрузи доски в машину. Ему надо пианино обшить, в Воронеж отвезти.

— Обед же, Зина.

Тут подходит хороший человек. Глянул я на него и обомлел: Троепольский! Гавриил Николаевич! Живой писатель! Чистенький такой, аккуратный, на голове соломенная шляпа. Они с отцом вроде как добрые знакомцы, но до сей поры Троепольского я только издали видел. Его не то что в городишке нашем, по всей стране знают, до дыр зачитывают «Записки агронома».

— Здравствуйте, молодой человек, — говорит живой писатель так вежливо, что в ответ я только губами беззвучно пошёпал. — Вы уж извините, шофёру ждать нельзя, я вам заплачу.

Я снова заплёпал, головой замотал:

— Н-не... я так!

Тут и старенькая полуторка подъехала.

— Вон доски,— Зина показывает.— По размеру напилены.

Кинулся я к доскам, штуки три или четыре сгрёб, резво этак на плечо кинул, развернулся... Шарах!

— Ой! — визгнула Зина.

Оглянулся и обмер: не Зину я, живого писателя по его талантливой голове, прости Господи, шандарахнул! Шляпа слетела с Гавриила Николаевича, за ушибленную голову держится, покачивается. Зина рядом страшливыми глазами хлопает, рот ладошкой прикрыла, чтоб больше не визжать.

От этого ужаса у меня самого в башке загудело. А Гавриил Николаевич шляпу с земли поднимает, хоть и криво, но улыбается.

— Ничего,— говорит,— ничего страшного. Доски целы, и ладно.

Гружу я доски, сам мучаюсь: а ну как Троепольский не сможет больше книжки писать! Я ж ему мозги, поди, встряхнул! Писательские мозги, это вам не хухры-мухры! Убивать за это надо. Совковой лопатой.

Забегая вперёд, с великим облегчением скажу: пронесло. Через пять лет по рукам стала ходить новая повесть Троепольского «В камышах». А ещё через восемь лет — потрясающая для того времени повесть «Белый Бим Чёрное ухо», за что Гавриилу Николаевичу присудили Государственную премию.

На другой день в обеденный перерыв мы снова прятались от жары в продуваемом складе. Отдыхаем, пустопорожними словами перекидываемся.

— Эх, на стружечках бы полежать,— размечтался Митька.— Хорошо покойничкам...

— Полежи,— Витьяку ему.— Гвоздодёр на месте.

— А что, и полежу.

Митька взял гвоздодёр, раз-раз, и снял крышку гроба, на котором сидел. Внутри стружка. Потрогал рукой.

— Мягкая. Кто хочет?

— Что, сам боишься?

— Я?! — Митька бухнулся в гроб и засмеялся.— Ребя, тренировка!

Мы с Витькой тоже захотели потренироваться.

Лежим на мягких стружках, привыкаем. И на другой день по гробам разлеглись, и на третий.

А вот на третий Витьяку придумал каверзную потеху. Придвинулся ко мне и шепнул на ухо:

— Митьку заколотим?

— Давай! — загорелся я.

Митька лежит в гробу, глаза закрыты. Жарой сморило, кемарит. Мы подкрались, крышку — хоп! И сели на неё.

— Эй-эй, вы что, сдурели? — доносился из гроба глухой Митькин голос. Посмеиваясь, Витьяку потюкал молотком — готов «покойничек»! «Покойничек» орёт, нехорошими словами обзываются, грохочет, а мы веселимся от души.

Кончился обед. Вызволенный из гробового плена Митька погонял нас маленько, размахивая дрыном, а тут и начальник артели нарисовался. Пора надевать презентовые рукавицы, закладывать в прожорливую сушилку очередную порцию занозистых досок.

А каверза-то вошла у нас в привычку. Нехорошая, думается мне, привычка. Человек благочестивый, поди, чурался бы нас как отпетых грешников, крестным знамением себя осенял — «свят, свят».

На другой день мы Витьку заколотили, он тоже поорал для порядку. Выходит, я на очереди.

Два дня не могли меня ребята врасплох застать. На третий день захлопнули-таки надо мной крышку и гвозди заколотили.

Лежу в деревянном плену, думаю: нет уж, не получите вы удовольствие, не стану ни греметь, ни орать. Никуда не денетесь, кончится перерыв — откупорите.

Ребята стучат по крышке:

- Петька, чего молчишь?
- Может, со страху скапустился?

Молчу. Витьке с Митькой неинтересно стало, ушли, не слышно их. Пусть, мол, поспит.

Лежал, лежал на мягких стружках и задремал ненароком. Сквозь сон слышал: вроде, машина неподалёку заурчала, дверца хлопнула, шаги чьи-то. А я никак не мог согнать с себя сонный морок. Голоса будто во сне:

— Какой? — спросил бас. Зинулин голос:

- А какой на вас смотрит.
- Дай-ка этот смеряю.

Очнулся оттого, что по крышке моего гроба что-то зашуршало. Да они же мой гроб выбирают!

Сердчишко юрк в пятки!

— Коротковатый бы не взять, — другой голос, хрипловатый. — Покойник-то хорошего роста.

- Саныч, этот аккурат по росту будет. Берём.
- Открывать будете? — Зинулин голос. — А то вон гвоздодёр.
- На кой открывать? Стружка есть?
- Без стружки не отпускаем.
- Ну и добро. Бери, Саныч.

И я закачался в гробу. Что делать? Заорать? Постучать?.. Тут такое начнётся!..

- Тяжеловат чего-то, — пыхтит басовитый.
- Ну, так не из картонок делаем, — Зина в ответ.
- Не то из дуба? — кряхтит хрипловатый.
- Из сосны.

— А чего ж он... Саныч, свой, свой край подымай, твой полегче! Покуда внаклонку оставим.

Мои ноги поплыли к небу, а голова тяжело упёрлась в доски. Вверх тормашками поставили, не хотят в кузов задвигать.

— Неси гвоздодёр, хозяйка. Чтой-то он, ей право...

Изо всех сил упёрся локтями в борта гроба, но тело всё тяжелее давит на мою бедовую башку, вот-вот хребтина треснет. В такой, наверно, скрюченной позиции и положено отправлять в ад оболтусов вроде меня.

Гвоздодёр поскрёб, пролез в щель. Крякнули гвозди. Солнце ударило в скорбное пространство моего гроба. Зина дико, по-кошачьи взвизгнула и сиганула в

сторону обрыва. Некрасиво растворив просторные рты, мужики по-рачыи пучили на меня глаза. Покойник неуклюже вывалился из гроба, вскочил на ноги и чесанул в другую от Зинули сторону.

Я считал себя вышвырнутым из «Рассвета» далеко за базарную площадь. Второй ведь раз за каких-то два месяца шуганут! Теперь бедный мой отец вряд ли станет ломать голову, куда пристроить балбеса. Сгонит, поди, со двора.

Мебельная же артель остаток того дня не работала. Она хваталась за животы, ржала по-лошадиному и взвизгивала по-поросячыи. Не взвизгивала только Зинуля, которая со страха сиганула с обрыва и подвернула ногу. Не ржал и начальник «Рассвета», который крепко держал меня за шиворот и кричал в мою правую перепонку:

— Увижу ещё в гробу, ёлки-моталки, все уши пообрываю!

Наверно, никто не захочет такого срама — лежать в гробу с оборванными ушами. С тех пор у нас с Митькой и Витькой появилась дурацкая шутка вроде приветствия:

— Я тебя в гробу видал!

— Я тебя тоже!

Мы хотели, а кто это слышал, те крутили пальцем у виска. Крутили, конечно, те, которые ни разу не лежали в гробу на мягких сосновых стружках.

Виктор Напалков

Виктор Егорович Напалков — коми гијысь, 1991-öд восьянь сийö СССР-са гијысь котырын. Куломдін районса почётной гражданин.

Таво гијысылы тырё 75 арёс, тайё тшу-пöдсö сийö пасиö выль романён. «Йёг каллян» — документальной, художественной роман (ставыс В. Напалковлён петавліс нёль роман, кык поэма да кыевбуръяс, а сиджё публицистика), кёні геройясыс — миян пöвстын олысь войтыр. «Йёг каллян» романын медшöр геройыс — журналист, гијысь, коди пыдисянь тöдö олёмсö, сийö тёзсö, код ийылысь висьталö аслас гијёдбын.

Редакция чоломалö Виктор Егоровичс юбилейён да сиö литератураын выль шедёдёмъяс.

Йёг каллян

Романысь юкёнъяс

6

Радейтö ассыс чужан районсо Викентий Кузнецов. Туйё петтöдз волис карса лавкаясö, корсис гёстинечьяс почыслы да мамыслы, а ыджыддыхык чой-вокыс важён нин олёны да уджалёны вёр лэдзан посёлокъясын, Кежемкасянь комын-нелямын верст сайын. Эжва катыдса Льомдін район важысянь нималö республикаын кык ыджыд памятникон — Екатерининской каналын да Ульянаса манастырён. Районса газетын уджалигён Викентий Кузнецов волывлis и аддзылis аслас синъясон и киссёом-тырём каналсö и жулльём манастырсö.

Цардырся Россияён веськёдлысысь дас сизимöд нэмся мёд джынийын нин шуисны Волгаös йитны Северо-Двинской бассейнкод, мед восынтын вузасян ва туй Белой да Каспийской мореяс костын. Уджъяссö воли панёма императрица Екатерина Втораялён индöд серти 1786 воын, и строительствоыс кыссис уна во чёж, дыр кежлö уджъяссö дугёдлёмён, 1823 воöдз. Каналыс йитис Эжва да Кама юяс, но Россияса тайё ыджыд гидротехнической сооружениесуд уджалис эз дыр. Дас вит во мысти нин сы кузя кыттылис сёрни, мед выльмёдны каналсö, но тайё могсö эз ло портёма олёмё.

Канал ийылысь оні казытылö Войывын Кельтмалён шуйга берегын сулалысь деревня — Канава, кёні квайтымынöд воясö олисны мато куимсё морт. Квайтымын кыкёд воын Канаваö командировкасыс воём бöрын Кузнецов аддзысылс Льомдінын республикансской радиоса корреспондент, драматург Ларевкод. И Викентийс сийö

корис висътавны магнитофон плёнка вылёт и талунъя канал йывсыыс, и талунъя деревня йывсыыс. Канавын сәки волі районса водзын мунысь колхоз «1 мая». Уна во юраліс сән Мартюшев, кодос 1949 воын на ВКП(б)-лон Коми обком да Коми АССР-са Министръяслон Сөвет бур уджысь наградитісны патефонён. Некымын лун мысти Викентий Кузнецловлон интересной висътасьомыс юргис радио пыр Республика пасьта — сё кызь арёса Канава деревня йылысь медводдзазысь. Туйяс абутом вёсна бокиса йөз сэтчо ээ волывлыны. Корсюр лэбалісны Льюмдінсянь ёти бордъя нёль местаа (лётчиксо лыддьёмён) самолёт ЯК-12, а сідзжо экспедициялон Ан-2, кытчо ветлысь-мунысьясоэ ээ босытлыны, но бёрсö лэбис Кузнецов буретш да тайё самолётнас — волі местаыс да, сёлодісны. Экспедицияыс Канава дорсиян нэылын корсис нефть да газ.

Унасыс мойвиис волыны Викентий Кузнецловлы Ульяна посёлок, көні 1385 воын Перымса Степан пунктіс подув татчоэ манастырлы. Тайё кузь каднас унасыс вежсыліс манастырлын чужомбаныс: сотчылісны пу вичкояс, кыптылісны выльяс, грабитлісны vogulъяс, дзикодз бырлісны сән олысьяс, и бара ловзьодлісны местасо. Буретш сё во сайын, 1867 воын, панісны манастырлысь выль, кирпич стройбаяс, дас во мысти найёс босытчисны кытшавны паськыд, кирпич стенаён. 1875 воын енәжсо люкаліс кык судтаа Троицкой собор, а көлөкөльняыс кыпаліс квайтымын нёль метр. Көлөкөльяслон звён шыыс ләбліс шувгысь парма весьтті и матыса, и ылі сиктъясоэдз. Уджалісны мельнича, ва качайтанін, уна сикас мастерскойяс, волі ыджыд скот карты. И став тайё мичасыс-мича каменной стройбаяссо Эжва ю берегын, джуджыд нёрыс вылын, волі кыпёдома Енлы эскысьясон кызь во чёжон! Ен празднікъясо манастырё волывлісны вит сюрс да унджык мортодз.

Архитектуралысь тайё исторической памятниксо ээ жалитны большевикъяс. Власыт бердё налён воём борын манастырлын тёдчанлуныс усис. 1918 воын сійоэс грабитісны Мандельбаумлон да Андриановлон отрядъяс, сәссе сійо жо воас сәні котыртісны совхоз, локтан вонас восытісны видз-му овмөс школа. 1923 воын манастырса вичкояс тупкисны, сәттись став эмбурсо нуисны Усть-Сысолыск. Сөвет власыт вояссо тані восытлісны видз-му овмөс техникум, война вояссо — госпиталь, сәссе — йойясоэс видзданін, госпромхоз котыртліс порсъясоэ тшёгданін, сідз шусяна подсобной овмөс.

Троицкой соборлысь вылыс судтасо, а сідзжо каменной стенаыслысь ыджыд юқон большевикъяс разисны комынёд вояссо на. Викентий Кузнецов медводдзазысь веськавліс Ульянао сәк, кор ёкмысод классын велодчысъясоэ вайёдлісны сэтчо экспурсияон, сәссе нин — журналисталігён. Воддза волігъяас сулаліс на Троицкой соборлын улыс судтаыс, тёдчисны на стенъяас и паськыд роза пётёлока Енъяслон уна рёма серпасъяс. Джуджыд-о волі соборыслон улыс судтаыс? Мед синнас кытшовтын пётёлөксо, Викентийлы чатортчыны ковмис сідз, мый юр вывсыыс усис вешиг картузыс.

Бёртъясыс волігён, квайтымын кыкод воын гожёмнас, буретш кисътісны жүглісны взрывчаткаяссон соборлысь улыс судтасо. Сы гёгер сулалісны матыса сиктъясысь воём кузола автомашинаяс, телегаа воляяс, мед новлыны татысь асланыс овмөсъясо, колхозъясо, ён, тронякылысь кирпичсо. Неуна бокынджык орчён сулалісны съод потшалока нёль-о-вит олёма ныvbaba, тыдало, посёлокса олысьяс, и пернапас чётталігтыр мыйкө броткисны, тёдомысь, лыддисны молитваяс.

Викентий аддзис тайё шуштём серпассо, и син водзас быттю сувтіс Ульяна: кузь кёсаа мичаник том ныв, кодос розбойникъяс гуисны татчоэ вичкоын

служитысылыс, солодісны пыжо и көсійсны нуны съорсыныс. Но Ульяна чеччыштіс пыжыс Эжваас и пәдіс. Войис сылы паныда местаоб, көні сулало манастырыс. Сәксян и шусьо и местаыс, и манастырыс ныв нимён.

А мой вёчоны талунъя рөзбайникъя? Налы, тыдало, этша на, мой комынәд воясо вичкоясыс вёчисны клубъяс, складъяс да конюшняс; со тай, босытчомаось помёдз нин розоритны и тайо манастырсо. Аддзылёмтор йывсыыс Кузнецов гижис статья асланыс районса газето. Сәк сійо петіс нөль лист бокай нин и выль ним улын, а редактораліс Сыктыв вожыс вайом журналист Юрков — ар нелямын вита, помавлұма ВПШ; а воддзасө индісны сійөс вежысөн.

— Статьяыд интересной, пукты коймод лист бок, но корректура дырииыс полосасо ковмас петкодлыны райкомо,— быгалом синкымсө көрлігтыр шуис Юрков.

Сідзи и вёчисны. Райком да редакция орччайыс, кыкнанныс кулакъяслыс мырддьом короминасын. Кад кольом мысти райкомсян звонок: Викентий Кузнецовөс по коро аслас кабинето Алексей Данилович. Вылыс судтаас, мир туйлань видзодыс ёшиң дорын, ыджыд пызан сайын пукаліс Алексей Данилович — пашкыр сөйд юрсия, буқыш плеша, быттөек көсій кодоскө люканы, комын көкъямыс ароса первой секретарь. Ас сертиыс томджақъяссө ставныс шуліс сөмын нимнас. Пызан вылас күйліс Кузнецовлөн статья газет лист бок.

— Но, мой, Викентий, гижомыд ставсо правильно, но... Мый оні ми стройтам? Правильно, коммунизм. А мой коло, мед стройтны сійөс? Правильно, стройтчан материал,— ачыс юавліс, ачыс и вочавидзліс Алексей Данилович. И сёрнитіс небыда, весиг нюмъялігтыр, и быд нюмдігөн югнитліс зарнион эжом водз пинь.— Ульянасыд кутшомсюрө кирпич стройба кутам разыны и водзә, польза выло — тайо партия райкомлөн да райисполкомлөн отувъя шүом. А «Манастырса кирпич» статьятө газето сетны оз ков, коло вежны мөд материалөн.

И вежисны. Летучка вылын Юрков газетса став сотрудниклы партия райком нимсян сетең индід: вичкояс, попъяс, манастыръяс асланым статьясын казьтывны ог күттой.

Ульянаса манастырөс помёдз кисытны ээ удитны сөмын си вөсна, мой 1969 воын сійөс аслас борд уло босытіс государство. Жаль, босытіс татшом сёрон!

Ас районө командировкаыс Викентий Кузнецовлы кивыв сыйон, мой сәні уна тәдсаыс и веськодлыссыя, и специалистъяс пөвстын. Да, квайтымын сизимөд вонад райкомса первой секретарён волі нин мөд морт — белорус Крупенсько, а Алексей Даниловичөс вуджодісны Сыктывкарө веськодлыны профтехобразование управлениеён. Льомдінса газетын во уджалом борын каро овны да уджавны ләччис и журналист Юрков. Мый нөшта вежис чужан районас боръя куим вонаст? И вежис-ө мойкө? Но Викентий Кузнецовлы районсыыс олому мөд петкодлыны паськыддыха; и экономика, и культура сөвмөмсө йитны Великой Октябрлөн юбилейкөд. Волас райкомо да райисполкомо, висьталас ассыыс могсо, и, гашкө, чуйдасны сәні статьяслы темаяссө, индасны, кытчо ветлыны.

Сөмын вот кызды ёйдажык воодчыны Льомдінөдзы? Ветліс аэропокзало, көсійс ньобны билет. Некытчо тувччыны, си мында йозыс — олому яс, верстбо, челядь, нөнъодчыс аньяс. Откымынлао ләбыссыяс пукалоны нин тані коймод лун — то самолётъяс оз тырмыны, то поводдяяс абу ләбалана. Льомдінө билетсо

эз вузавны ни аски, ни аскомысь кежлő. Шогмытём туйяс вёсна автобус эз ветлы. Карсянь Льёмдінöдз кыксо верст. Сөвет власыт воясö кё быд во вёчисны туйсö кёть нин куим километр, вёлökыс эсъкё вёлі машинаясон ветлыны позяна. Роман лыддысылы казтыштам: сё во сайын Помёсдинсянь Мылдінöдз вёвлі сёмын подён да верзьёмён ветлан трёпа, кузтаыс сё комын нёль верст. Сәкся чиновникъяс шуисны тайё трёпа местаас вёчны сэтшом туй, мед позис во гёйгөр ветлыны вёла-доддяяслы. Оти воён вёлі писькодёма трасса, а 1859 воын петкодісны сэтчö некымын сурс мортос и став «техникасо»: вёвъяс, ёшъяс, телегаяс, зыръяс, тачкаяс. Отияс кодайисны канаваяс, мёдъяс кыскалісны гала из, коймёдъяс шыльдісны подувсö да разодісны галькисо, нёльдъяс посни юяс да ёльяс вомён стройтісны посьяс. Во мысти нин туйыс лои дась. Туй пёлөнис кызынит берст костён сүттідісны керкаяс, коні ветлысы-мунысыяс вермисны шойчыны, юны чай. Абу тай, майбыр, ковмыломуасть ни коммунистической уджалыс, ни бригадаяс. Став уджсö вёчлісны Ен нимсянь, райкомъясон веськоддлтыг.

Оти кадо карсянь Льёмдінöдз да мёдарö босытчылісны новлодлыны йозес сізд шусяна грузотаксион — брезентён вевттьом кузола, лёк туйяс кузя мунны вермыс машинайон, коні пуклосъяс пыддиыс пёв лабичьяс, но и сийос дугодісны. Пёрыс йоз сөвны сэтчö эз лысътлыны, полісны лысъёмсө кисътомыс. Ковмас воодчыны Льёмдінö сёмын ва туйён. Тайос тёд вылын куттёмн и командировкасö сетісны дас лун кежлő. Джын кадыс мунас туйын. Сесся и, Льёмдінсянь ковмас од ветлыны и кутшомкё сикт-посёлокъясо. Сәні бара на лоасны падмогъяс туйяс вёсна.

Абу кокни уджыс корреспондентыллон, дай удждоныс абу вежалана. Зато ним-овыд тёдса либо район, либо республика пасыта. Бур кёть, статьяясыыд гонорар воё. Унджык гижан — кызджык и деньга мошняыд лоё, кык удждонöдз позьё нажёвитны. Йозбодом кывбуръяссыыд эсъкё мынтёны жё — быд строкаись сизимдас урсиян ѿти шайтöдз, но журналыс вёсни дай толысънас ѿтыд петё. Сёкыд веськавны сэтчö. Сесся и, медводз примитёны сэтчö гора кывъяса, коммунизм йылыс идеяясон нёгыльтём стихъяс. А сэтшомъяссö гижны Викентий Кузнецловлон оз кыпты лолыс ни киыс.

Гашкё, этша нажётка вёснаыс и полё Викентий гётрасыныс да? Друг да двойни бёрся двойни готырыс кутас чужтыны? Пикад и воан сәк. Изваса кё тшукас готырыс, сізд на и лоё, иззваса аньясыд по зэв лютось кагато вайны да. Збыльыссыс тадзи и эм: Чилимдин да Извыа районъясын мында мам-героиняид сесся республикаад некён абу. Оні ѿтконылды со кутшом лоъсыд, оз ков думайтны семья йылыс, тырмё сёмыс сёян-юан и кём-пасыкём вылё, патерасыс мынтыссыём вылё и. Кузнецловлон эм мечта: мед эсъкё коркё лоас аслас машина!

Бёрся кадыс Викентий да Маша кёдзалаыштисны ѿта-мёд дінас, шочджыка маласылёны, пётісны, тыдалоё, ѿта-мёдсыныс. Викентийлы окота нин выльмодыштны мусукасаян көрсө. Дай ачыс Машапыс рушджеңкөн кутіс кажитчыны: мыйкё быттьё кёсёй висставны, но мырдонась пинь саяс кутё. Гашкё, нывкаыслон, Леночкаыслон, бать йылыс збыльторсö дзебё? Вит арёс нин нывкаыслы, садикё ветлө.

Редакцияад уджалігён уна лоё сёрнитны телефон пыр. Некымын сикт да район асывсянныс коран междугороднёй пыр. Кузнецловлы пырджеңкөн вочавидзё телефонной станциясаныс квайтёд номер: «шестая» по слушает. Тёдёны нин найё ѿта-мёдислыс гёлөссо. Отияс Викентий юаліс:

- «Шестая», кыдзи эськё нимыд тэнад?
- Ирина,— пёръяліс-ö, эз-ö, кыліс вочавидзём.
- О, сэтшом мича нимыд.
- Ме и ачым мича.
- Юрсиыд сьёд, руд али гёрд?
- Кутшом эськё тэн коло?
- Сэтшом, кутшом тэнад,— ёддзис да, водзё шутитіс Кузнецов.
- Энлы, нöröвитлы...— телефонисткалён, тыдалö, абу кадыс сёрнитнысö.—

Овтö ме тöда, а нимтö ог.

- Викентий. Мöд ног кö, сьокыдлунъяс венясь.
- Сидзкё, челядьыд Викентьевнаяс да Викентьевичьяс.
- Ме гöтыртём.
- Энлы, нöröвитлы... Карас важён нин?
- Куим во.
- Сы мында ныв Сыктывкарын и öнöдз абу аддзомыд гöтырпуös. Али вывтi на том, али вывтi писка — бöйысян?
- Абу дзик сидз. Кызы öкмис мен, а аслыд кымын?
- Ог висьтав. Тöдмалан кö, висьтала. Вот кымын?
- Ну, ну, ну... ог тöд. Гёлöсыйд мичаник, а сёрни модаыд миян районсалён кодь. Эжва катыдысь ме, Кежемка сиктысь. Кывлін сэтшом сиктсö?
- Энлы, нöröвитлы... Землякъяс ми тэкöд, ме Воч вожысь.
- А овыд кыдз?
- Логинова.
- Дзольын татшом оваясыс, вёвлі ме сэні во вит сайын. Тайё нывдырся овыд али верöсыйдлысь босытiн?
- Викентий, тэ сэтшом мудер. Тадзнад тэ менам олöмись став гусяторсö тöдмалан. Извинит, зэв ёна звöнитöны... Мöдьсёдз, Викентий.
- Ладно, мёдьсёдз.

Тадзи заочнö Викентий Кузнецовлён лои выль тöдса. Кутшом бара-й чужём-обликис да мыгёр-статьыс тайё Ирина Логиновыслён-а? Гашкё и, коркё аддзысыласны? А мужика кö?

- Бöръясысö дженеңыдик сёрни волi тöрыт.
- Ог кут дöсадитны ме тэнö лун дас, — висьтасис Викентий.
  - Мыйла? Тэ менё ниномён он дöсадит.
  - Аски муна командировкаö, Льомдiн районö.
  - Висьтав нöсъ менам рöднöй районлы поклон. Чоломала аскиа ен праздникин.
  - Пасибö. Ме и вунöдлi, мый аски Илля лун.

Тивзысь лэбачьяслён мича гёлöса да уна рёма гожёмыс миян Коми муын.

Ыїлавыс со кага дум кодь сöстöм,
Енәжлён лöz рёмыс юёд кывтö.
Эжва вылын шондi бипур öztö,
Ныв-зонмыскöд радоßь джыдž и пыста.

Нюжёдчома видз крут берег дорёдз,
 Коса шынысь чуналёма пельыд.
 Гёгёр дзоридз. Гыалё шёвк дзоридз —
 Ясли-садыйн быттьё варов челядь.

Рытгорулын юргё коми сылан,
 Йёлётайён лэбзё Эжва пёлён.
 Том йозыслён съёлёмымыс ме кыла,
 Кыдзи тіпкё гожёмён пось съёлём.

Август — медбörья гожся тёлысь. Важ йёзлён шүём серти: Илля лунö пажынöдз — гожём, пажын бöрын — ар. Кόть кыдз эз шулыны, но августыд и няньён, и тшак-вотöсön озыр тёлысь. Поводяыс ышнясьыс невеста кодь: öти здукö зэрö, мёдö — шондя, а ылын бара нин гымакылö — Илля пророк енэжтys котралö аслас биа колесницаён да лэдзалö бесъяслы паныд биа ньёвъяссö. Ёна кё по гымалас-чардалас — арыс лоё озыр. Войяс пемдöны, тёдчö нин луныслён дженьдаммомыс. Тёдчас, дерт, часён-джынийён нин чинис да. Крестьянинлы тырмымён на уджыс и муяс вылын, и видзъяс вылын. Локтан восянь по Лёймдин районын оз ло ни öти колхоз, на подув вылын лоё котыртёма совхозъяс. Викентий Кузнецловы видз-му овмös ийлысь гижигён тайös ковмас кутны тёд вылас.

Аслас блокнотö журналист пасайис сідзжö: гижны строительяс ийлысь, кодъяс кыпöдöны партия райкомлысь да райисполкомлысь куим судтаа кирпич здание. Тайё лоё Лёймдин районын Сöвет власыт воясö стройтöм медводдза и медыджыд каменнöй керка. Сысыс ыджыдджақъясыс сёмын царь дырий кыпöдлём вичкояс, кодъясöс ёна нин жуглöма. Тöрыт телефон пыр сёрнитigён райкомса öти тёдса радпырысь юртис: социалистической революциялысь нэмджынся юбилейсö по кутам пасайыны выль, мича зданиеын. Блокнотас вочис нöшта некымын пасайöд: волыны Кежемкаö, матыса посёлокъясö да Нырдин сиктса Ленин нима колхоз. Во вит сайын тайё овмös ийвссыс «Туйсö индö партия» нима очерк Кузнецов йёзöдліс «Югыд кодзув» журналын. Вот и думайтö аддзысылыны важ тёдсаяскöд. Сёмын мед воöчыны Нырдинö, либо пыжён, либо карбасён колё вуджны Эжвасö.

А öнi кузя туйё. Портфельё сюялiс став коланаторсö, эз вунöд и «Смена» фотоаппаратсö, и айда пристаньё. Парижсян петис Киров нима улица вылö и лэччис сэтi веськыда подён. Эжва кузя водзтi ветлiсны пароходъяс, найёс вежисны теплоходъяс, но вёлiны тожё ичöt öдаёс. Мыгёрнас найё омёля торъялiсны, теплоходлён сёмын эз вёвны уна лопта ва кёлесаяс. Кывтiг-катiгён палуба вывсянь пöttöдзыд удитан нимкодясьны чужан пармалён мичлунён. Теплоход вылад билетыд век эм, кутшомöс кёссян. Матё мунысьясыд босытёны медся донтöмсö, ылö мунысьяс — каюта либо плацкарт. Эмёсö öти и кык местаа каютаяс. Кызь öкмис арёса журналист, республиканской газетса корреспондент оз жё кут суткысь дырджык катны плацкартын, ньобис билетсö öти местаа каютаö. Буфетын позьё нуртъясыны и юны сё грамм. Абу гажтöм теплоход вылад, торъя нин сэк, эм кё вомъерт. Но и сэтшöм ёртсö позьё аддзыны. Теплоходыд уна патераа керка кодь: улыс и вылыс палуба вылын, нырас и бёжас тыр йёз.

Мича кё луныс, вылыс палуба вылын оз тырмыны пукалан лабичъяс. Мунысьяс пиыссы öтияс ворсöны картiён, мёдъяслён киын газет либо книга, коймёдъяс пося варовитöны öта-мёдныскöд. Репродукторсян ылöдз разалёны советской

композиторъяслён сыланкывъяс. Каютаö инасьюм бöрын, кор нин теплоход петис Сыктыв юысы да нырсö веськёдис Эжва катыд, съюрас сигарет пачкаён палуба вылö кайис и Викентий Кузнецов. Кутис öттөвөдайтчыны, оз-ö аддзы кодоскё тöдсаös, но син улас некод эз усь.

10

Викентий Кузнецов инасис гостиницäö кык крёватя номерö. Гостиницаыс юртём вичкокöд орччон вывтасын, мича местаын. Зiля уджалысы, тырмана олысы крестьянинлысы комынöд воясö мырддьом кык судтаа тайö короминасö кивывджык шуны ветлысы-муныссыяслы юр сюяннинöн. Босытис съюрас блокнот и «Коми ордым» газетлён специальной корреспондент Кузнецов петис сиктö «кыйсыны» — чукортны газетö материал. Тöд вылас кутис Прокопийлысы сөвөтъяссö и медводз кежис партиялён райкомö. Унаысы ковмылïс волыны тайö зданиеас беспартийной Кузнецловы районной газетын кывкутысы секретарён уджалагён.

Куим во на и коли сэтысы муномсянь, и ставыс на олö сылён паметын. Квайтымын кыккёд вося апрельсянь кык лист бока «Вёрса ударник» шуисны лэдзны нёль лист бокаён, «Выль олём» нимаён. Содис сэнi уджалысыяслён лыдыс. Колисны редакторöс вежысы, промышленность, видз-му овмёс, письмо юконъясын веськёдлессыяс, кык корректор, секретарь-машинистка, шоффер — сетёны машина. Важъяс пиыс кольёны сёмын редактор, кывкутысы секретарь да бухгалтер.

Медсöкыд вöлi аддзыны йöзöс, кодъяс эсък сяммисны комиён гижны статьяяс. Викентий Кузнецов дасытис список района рабселькоръяслыс, кодъяс бурджыка гижёны газетö. Но штатö босытны туянаыс некод эз сюр. На пиыс кык мортöс мёддöсны карö тёлышыс-мёд кежлö газетчикъясоs велёдан курсъяс вылö. Кыкнаныс коммунистъяс. Öтиыс, ныvbabaыs, техникум бöрын агрономалis. Мёдys ар кызь вита мужичой, уджалыс сёти лесопунктын электрикён.

Уджалысыясоs ковмис корсыны Республика пасытасыс. Öти воис Емдiныс, мёд — Сыктыв районныс, коймёд — Сыктывкарьыс, нёльб... Редакцияö пырис латшкёсiник, мышкыра пельпома, сёд костюма, ар нелямына мужичой. Шыöдчис редактор дiнö, мыйлакö нюмъялгтыр, кёть и сёрниыс серьеzнöй:

— Ме Олег Третьяков, татчöс, профессия серти экономист. Кывлi, корсянныд по уджалысыясоs. Вот и локтi вöййысыны.

— А мый кужанныд вöчны? — юалис редактор.

— Кужа гижны, торйён кё, экономической темаяс вылö, — эз уськёд ассысö Третьяков. — Йöзöдчывла «Коми ордым» да «Красное знамя» газетъясын.

— Миян газетö, кызд ме помнита, нинём на эн гижлы.

— Эг. Ме радайта гижны бура подулалöм ыджыд статьяяс, а кык лист бока ичёттик газетад мый гижан?

— Коммунист? — водзö юасис редактор.

— Вöлi кё öд коммунистöн, важён нин эсъкё уджалыс кутшöмкё предприятиеын главной бухгалтерён либо главной экономистöн, а онi «Льомдiнлес» комбинатын прöстöй экономист.

— Татчöс кё, сидзкё, олан ас керкаын. Патераяс кузя танi веськыд мат. Бокыс примитом сотрудникъясоs инавны лоö некытчö. Семьяыд ыджыд?

— Гётырысь да тьощаись отдор эм пи, таво первой классо мунас. Больничайын медсестрайон уджало ныв, абу мелён кодь ова.

— Верёс сайын?

— Абу. Гётырлён воддза верёссяныс сійө.

...Төлжыссыз мөд колис, мед котыртны межрайонной газет редакциялыс тырвыйо уджавны вермись коллектив. Олег Третьяков и збылышыс ассыс петкодліс сюс вежора, гижны күжись сотрудникон. Мыжко кө ошкылісны летучка вылын, буряас лыдо пырджык веськавліс Третьяковон дасытөм статья. Найдыс, кодъясос мөдділісны велодчыны каро, газетчикъяс ээ артмыны и бор мунісны асланыс воддза удж вылло.

Викентий Кузнецов кывкутысек секретарыс кындзи нүодіс тшотш и культура юён. Коді сійө кывкутысек секретарыс? Медводз кө, литературной уджалыс, чин сертификацияны коймод морт. Лыздьо-шыльбод став гижодсө, мыж мунод газето; вөчо макет, коні индо, кытчо пуктыны сійө либо мөд материал да иллюстрация. Мөд ног кө, кывкутысек секретарь — сійө газет ләдзом кузя штабса начальник. Со, мир туйбокса эсійө керкаас пошти вит во штабса начальникалис Викентий Кузнецов. Газетын кө петліс ёшыбка, мыжсо пырджык ас вылас босытліс секретарь. И райкомса кутшомкө чиновник водзын кывкутліс сійө. Беспартийной мортылды повны ээ ков партийной выговор сетомись. Да, некымыныш шыбодчылісны райкомсянъ Кузнецов діно коромон, мед пырис сійө партияо, көйысыліс, но пыр нюждічіс.

Торъя нин ээ вөв веськодьон Кузнецловон судьба діно партия райкомса секретарь Дёмин. Отчыд, а тайо волі квайтымынод вося ноябрин, Серафим Филиппович звонитіс телефон пыр и корис пыравны Кузнецовоас аслас кабинето. Пуксисны воча ныр. Дёмин паніс сёрнисо Викентий Кузнецловон висытсиянъ, кодош волі сомын на йөзбодма районной газетлон кык номерын:

— «Сөдзьель посёлокса рытъяс» висыттө лыдди. Кажитчис мен, лосьыда гижомыд. Но со мыйла ме тэнө кори. Көсъян кө быдмыны водзо, коло пырны партияо, сесся мөдділам велодчыны ВПШ-о. Сэки воссяс тә водзын оломуад став туйыс. Позье велодчыны и очноя, и заочноя. Шуны кө ас йылышы, ме быдми райкомын уджалысъодз колхозса счётоводсянъ. И быдтысынас волі партия.

Дёминкөд тайо сёрнисяныс колис нин сизим во, а Викентий Кузнецов век на партбилеттом. И ни отицись на ээ кайтчыв. Гашкө, колясны вояс да, кутас на и жалитны, мыж ээ кывзысылы Серафим Филипповичлон сөветъяс...

Райкомлон стенын, улыс да вылыс судтаяс костас, горд кумач вылын Ленинлон кывъяс: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Вылыс судтаса ёшиныяс костас Ленинлон да Брежневлон ыджеид портретъяс. А од во комын вит сайын тайо короминаас овліс уджач коми крестьянинлон семья. Тані чужтылісны челядьёс, бать-мамыс велодлісны найёс ичтейниси вөчны гортгөгөрса уджъяс, велодлісны пиянсо кыйсыны-вөравны, лоны зумыд көзянинъясон. Дыр ээ вермыны терпитны татшомторсө большевикъяс, найё петкодлісны ассыныс збыль чужомбансо: крестьянинлыс семяяс гортсыныс тодмышкалісны кытчо гажныс и асыныс пуксисны сэтчо зыртны гач сітаннысө. Со кутшом чесыт да сөвесте петкодліс комынод воясө большевикъяслон партия.

Секретаръяс пукалісны вылыс судтаас, куимнаныслон торъя кабинет. Уліас — ичтеджык чинаяс, быд жырыын некымын морт. Выліас жо сізд шусына «приёмной», коні водзті печатайтчан машинка сайын пукавліс Викентийлы тодса

том ань. Медводз сыкёд жё паныдасис и оні. Вель важысиянъ нин сійё уджало тані, сідзкё, уджалё бура.

— Верма-ё аддзысыльны кодкёдкё секретаръяс пиысь? — видзаасьём бёрын юаліс Кузнецов.

— Крупенъко да Кремская командировкаиёнось, а Игнатов аслас кабинетын, веськыдладорас мёд ёдзёсис. Нимыс? Михаил Константинович.

— Абу скёр? Примитас менё?

— Абу на али мый тёдсаёс?

— Менам уджалігён мукёдъяс тані пукавлісны, сы вёсна и ог тёд выльяссö.

— Сідзи-й эм, кольём вося мартсянъ выльясис. Миян тан некод абу скёрыс, примитас Михаил Константиновичыд.

Неыджаид сёстом кабинет стенын, секретарлён мыш сайын ёшаліс Брежневлён портрет. Игнатов помаліс телефон пыр сёрни и петіс пызан сайысь, киасьёмён чоломасис да тёдмасис корреспонденткёд.

— Ми вед тіянкёд, Викентий Григорьевич, важёнсянъ нин тёдсаёс, сёмын заочнё-а. Важёнсянъ нин ме лыддыывла тіянысь статьяястö,— ичётик тушаа, косньодіник, визув синъяса, быттё век нюмдышты кёсёй, сёрнітіс Михаил Константинович.— Висьтасьой, кутшомёс планъясыд, кытчö көсъянныд волыны?

Кузнецов кутіс тёд вылас Прокопийлысь кывтъяссö: Игнатов по ачыс радейтö гижны статьяяс. Вель дыр варовитöм бёрын воисны ёти кывтö: ачыс и гижас, и пыравны корис материалыsla куим лун мысти.

— Тёлыш-мёд мысти вуджанныд выль, мича, кирпич зданиеё? — кёть и тёдіс нин та йылысь, юаліс Кузнецов.

— Сöвет власытлы ветымын во тырёмсö сэні нин думайтам пасайыны. Зіля уджалёны стройтчысъяс, юбилей кежлö лоö дась. Сэтчö жё вуджас и райисполком.

— А тайё керкасö кодлы колянныд?

— Шуим сетны милициялён райотделлы. Ён на керкаыс, во кызьтö сулалас на. Мыйсюрё эсъкё стройтам и сиктъясын, и посёлокъясын, но медыджаид юр висьёмыс — туйяс. Шогмытёмёс миян туйясыд. Ас вынъясён этша мый вермам ми вёчны, республикаса власытъяслы тайё уджас колё босытчыны. Ставыс ёденьга сайын. Озырмам да лоасны и оланінъяс, лоасны и туйяс. Аскиа лунö лачаён колё овны, мёд ногыс оз позь.

— Мед сёмын шогмытём реформаыс этшаджык лоö, кодъяс падмёдёны водзö мунёмсö. Ме тёд вылын кута квайтымын коймёд во, кор вёлі котыртёма промышленной да сиктса районъяс, кык партком да кык райисполком. Тані газетын редактораліс сэк Юрков. Сійё и мёддіс менё босытны интервью радёвой коммунистлыс, коді эсъкё ошкис партиялыш тайё выль решениесö. И тёданныд мый? Эз сюр ни ёти ошкыс морт! Локті редакцияё и звёнитлі тёдса ёртлы — первичной парторганизацияса секретарлы. Сы нимсиянъ и вёчи ошкана статья.

— Збыльысь, гудыр кад сійё вёлі. Слабог, кык во мысти бёр ставыс пуксис ас местаас.

— Михаил Константинович, извинитёй менё, но, мыйлакё, быд ыджыдджык керка стенын коммунизмё чуксалан лозунгъяс. Оз-ё дёзмёд йёзсö та мында лозунгыд?

— Ме и ачым казялі тайёс: выйтіджык уна. Октябрлён юбилейёдз ылын на, чусмасны на сэтчöдз. Йитчылам парторганизацияса секретаръяскёд и мед издравласны на. Портретъяссö тожё колё меститлыны.

Шуисны аддзысыны аскомысь тані жо, и прощайтчисны.

Видз-му овмös управление, кытчö и мёдёдчис öнi Викентий Кузнецов, неважён стройтём кык судта зданиеын — брускысь, öти кильчёа. Керкаыс джууджыд вытасын, кысянъ лунывладорö видзöдысь öшиньяс пыр ылодз тыдалисны мёдлапöвса паськыд видзьяс, на сайын вör лэдзысыяслён Пас посёлок, сикт кыттыдланыс кузь лыа кёсаа Эжва. Öти кадö толысь-мёд кежло татчö, улыс судтаса кык жырий, инавлісны «Выль олём» газеттеси редакцияс. Вылыс судтаас сæk вöлi квайтымын кыкёд воян котыртём Эжва катыдса межрайонной производственной колхозно-совхозной управление, кёнi директоралiс Александр Петрович Давыдов — таöдзыс партия Помоздинской райкомса первой секретарь.

Странаным сәки нёрпалiс на «кукурузной» висьёмөн и управлениеянь вöлi индöд: паськыда гижны газетын тайö культурасö районъясса муяс вылын быдтöм йылысь. Викентий Кузнецовоiс мёдёдисны командировкаö Воч вожса öти колхозö тёдмасыны, кыдзи быдмö сэнi тайö культураыс. Сиктас вöлi аэроплощадка, и лэбалiс сэтчö ЯК-12 самолёт, вежоннас куимысь. Овмösнас юралысь — войнаса ветеран, инвалид, коммунист Иван Иванович Логинов нүöдiс корреспондентöс му вылö. Пинжак морёасас Гöрд Звезда ордена председатель восьсалiс чотигтыр, бедь вылö мыджсышталомён. Сиктаянъ матын, неыджыд вör dí сайын и мусыс, кытчö кёдзлёмäбесь кукурузасö. Кузьта ногыс и вомён ногыс мусыс вель паськыд. Весьт судта и вевъялёма быдмыны кукурузаыд, кыквой дорвыв пужъявлёма и ставсö кынтоёма. Логинов сулалiс бедь вылас мыджсёёмён, тайкё оз бöрд:

— Пуктiм кё татчö картупель, майта эськё урожай босытi! А öнi? Тыпу! Кызыси райкомлысь да райисполкомлысь, вот и кёдзим. Райкомын ставсö тёдёны и урчитёны: кор петны гёрны-кёдзны, кытчö уна-ö мый пуктыны. Торкан индöднысö — сетасны выговор. Тыдалö, воам сэтчöдз, мый и гётырыдкёд кутчысылыны кутам райкомын лёссыдём график серти...

— Кутшöм воян тi чужлiнныд, Иван Иванович? — кукурузалён нярзьём петасъяслань öвтыштiс кинас Кузнецов и вежис сёрнисö.

— Бать пыдди ме тuya тэн, Викентий, бать пыдди.

— Сы вёсна и кёсся тёдны, кымын ар тiянлы.

— Чужлi дас нёльёдын, öнi квайтымын кыкёд во, сiдзнад мен...

— Нелямын кёкъямыс, — водзджык шуис Кузнецов. — Ti менам батьёкёд тшотшъя, но менам бать кызы во нин абу ловъя — нелямын кыкёд вояя декабрын усис Калининской фронт вылын, куим чоя-вока колълiм.

— Менам кык чоя-вока колълiсны. Некоднаныс абу дiаным. Ныв во дас нин Сыктывкарин уджалö, пи — Зимстан лесопунктын механизатор. Йёзыд пышёйны деревнясыд кодi кыдз вермö. Нинём кё оз вежсы, воас кад, и деревняяд уджавнысö лоё некодлы. Эн гиж тайös некытчö, но оз кажитчи мен партиянымён аграрной политикаыс. Уналы оз кажитчи, и медводз, аслыныс колхозникъясыслы. Томсянъ лоё мыркны налы сьёкыд сьёд удж, и нэм чёжнаныс кодсюроыс оз волыны весиг Льёмдiнöдз, ог нин шу Сыктывкарöдз. Льёмдiнöдзыд сё нелямын верст и эм тасянь, но гожёмнад некутшöм туй абу. Слабог, кёть самолётыд лэбалö да. Гижан вот газетад: Логинов по кынталома кукурузасö, и мен партийнöй выговор сетасны. Абу миян поводдяллы тайö культураыд.

— Ог кут ме гижны та йылысь, Иван Иванович. Мукёд тема на аддза. Кывлi да, тiян сиктын зэв бур нывбаба-вöралысь эм.

— Эм сэтшомыс, райпотребсоюзкод сёрнитчомён кыйсёй. Оз сёмын посни звер-пёткаёс, но и ошъястё кыйё. Сийё оні гортас, ме петкодла керкасё. Бур йозыд миян зэв уна, зильбес и дояркайсыд, и механизаторъясыд, кодъяс йылысь позьё гижны газетад.

Му боръяс пуксьёмён қуричигтыр варовитисны вель на дыр. Корреспондент юасис сиктлон история йылысь, сы йылысь, қызды да мыйла коми войтырыс овмёдчылёмайс татчо съёд вёр шёрас, ыджыд сиктъясысь ёна ылё да бокё. А овмёдчылёмайс абу на ёна важён, сё қызы во сайын. Дерт жё, локтисны татчо йозыс кыйсян угоддьёяс вёсна. Уна мужичой эз воны гортаныс фронтъяс вылысь. Иван Иванович воюйтлонма Карельской фронт вылын, помалома войнасö Асывывив Пруссияын, кони и ранитчома веськыд кокыс, и ковмёма вундыны сийёс пидзосёдзыс.

— Жаль вот, гортё гётыркод қыкён колим. Пи гозъя быдтёны нывкаёс, но шоча вайлывлёны внучкаёс, нёль арёса на сёмын да, жалитёны. Ныв гозъя челядьтёмөс на, во куим сайын нин эськө петис верёс саяс да. Часто сёрнитлам телефон пыр, мамыс быд пёрйё юасёй, кор по миянёс нимкодьёдан внукён ли внучкаён ли.

— Мый эськё вочавидзё?

— Нёрөвилтёй по. Телефон пырыд вед став збыльсё оз на и висьтав. Қымын арёс? Тридцать треттейын чужліс, локтан во комын нин тырё. Ме вед томён гётрасыл, дас көкъямыс арёсён.

— Менам бать моз жё тай, — кайтыштис Викентий.

— Ладнё, мунаам ме ордё, пажнайтам. Тайё қынмём кукуруза вылад коть мыита он видзёд, оз жё нин быдмы-а...

Вит во сайын тайё волі, а ставыс на Кузнецловлон син водзын. Оз нин уджав Льомдінын Александр Петрович Давыдов, кольём восянь сийё КПСС Коми обкомын веськодло видз-му овмёс юкёнён. Сы пыдди и вынсыдисны Серафим Дёминёс. Ок и уна ног нин вежсыліс управлениеыслон нимыс, коть и быдёнлы гёгэрвоана: ним вежжаломнад видз-му овмёстө он қыпёд. Оти пёрйё шусыліс райисполкомлон отделён, сэсся производственной колхозно-совхозной управлениеён, сэсся районаса агропромышленной объединениеён (РАПО), и оні — видз-му овмёс кузя районаса управление. Мый на лоё водзё — некод эз тёд.

Радёвой коммунистяш шензисны, ропкодчисны, но гораа висьтавны ассыныс видзодлассё эз лысътлыны. Мёдарё, партияён примитом быд решение коммунистяслы быть колис ошкыны и пёртны олёмё. Сәксянъ, кор волі юортёма қызы во мысти по кутам овны коммунизмын, колис квайт во. Но коммунизмлон петкодчомыс ниномын на эз тёдчы, тёдчис сёмын лозунгъясын, кодъяслы йозыс эз эскывны. «Страна восьлало коммунизмё» лозунг уна кутисны ошлыны партиялон қызы кыкод съезд борын.

Квайтымын коймёд воян, кор Льомдінын котыртчыны кык партком да кык райисполком, Эжва берегын сулалысь тьёс-плака пилитан цехёс асланыс борд уло некод эз босыт. Тыдалё, кодкё сэні уджалысьяс пысыс петома ку писсыс и цехыслон мир туйлань видзодысь степе войнас шошёдома лозунг: «Страна восьлало адё!» Гижёма гырысь буквасён, и шензигтыр лыддисны асывнас удж вылё мунысьяс. Партияён нубдан политикалы паныд татшом петкодчомъяссё эз юортлыны газетъясын. А лозунг гижысьсё туявны сіздэ эз и вермыны...

Уна тшупёда пос кузя Викентий Кузнецов қыпöдчис мёд судтао. Важёнсиянъ пырёма модао: начальникъяслён кабинетъясыс некён абу улыс судтаас. Куим судтаа медводдза зданиесо Льомдінын сёмын на қыпöдёны.

— Бур лун, Серафим Филиппевич! — шондіён ойдом югыд кабинетлён порог дорсияныс на чоломасис Кузнецов. Вичавлісны пырджык тадзи, көтү и збыльысьсо Филиппович.

— О-о! Викентий! Зздравствуй! — небыдика топöдчылісны важ тёдсаяс. — Пуксы, шойччы. Часлы, ме кора, мед миянлы вайисны чай.

Латшкёс тушаа, быгалём ворча очкиа, плещсянныс күшмыны заводитом еджков юрсия, небыдик гёлёса тайё мортыс Кузнецовлы век кажитчыліс зэв асён. Сыкод Викентий вермұліс сёрнитны быдтор йылысь и унаысь советуйтчыліс. Дёмин эз ошкыв Кузнецовлыс карё уджавны ләччомсö и öтарё синіс: коло по тэн помавны ВПШ и лоан чужан районса газетад редакторон. И оттшотш по кутан гижны висьттяз, повесьттяз, сэсся и романъяс. Но Викентий муніс и мунё аслас туйёд. И оні сійос Серафим Филиппович ниномыс көритны эз кут. Кузнецов тёдіс, мый районса веськёдлысъяс пёвстын Дёмин медуна велöдчом морт. Нелямын öтиод воян, кор сылы волі дас квайт арös, помаліс Ульянаса видз-му овмөс техникум, нелямын квайтёдын — Ленинградса военно-ветеринарной училище, сэсся велöдчис высшой партийной школын и помаліс сійос квайтымын кыкод воян. Заочно велöдчис Кировса видз-му овмөс институтын. Татшом тёдёмлунъяснад вермис лоны районад и медыджыд партийной чиновникон, но райкомса коймөд секретарыс вылоджык эз на қыптыв. Гашкё и, қыптас на?

Районса коммунистъяссо, тшотш и беспартийнойяссо, шензьёдіс со мый. Льомдін район — республикаын медся коми район. Артышты кё сурс өкмиссё кызыбд восянь (РКП(б)-лон уездной комитетсиян) сурс өкмиссё квайтымын квайтод воёдз (КПСС-лон районной комитеттод), то тайё каднас первой секретарьясён уджавлёмайс комын сайё морт, и сёмын кык пёрий веськавлёмайс рочъяс, кодъяс, отлаын босытёмон, веськёдлёмайс районён öти во да өкмис тёлысь. А 1966 вося мартаын, КПСС обкомлон вөзйом серти, первой секретарон бёйисны белорусс — мортёс, коди медся коми районаын оз куж сёрнитны ни гижны комиён. Республикаса партийной да советской органъясын унджык веськёдлысъыс коми, но сикт-грездъясö волигъясон, йозкод аддзысылгъясон сёмын рочасьёны, оз сетлыны ни öти коми кыв. Тадзи Коми муным вочасён рочмё, воштö ассыыс национальной серсо. Оз, оз рочъяс рочмёдны республиканымёс, а ассыыс комияс!

Дзик мёд сикас волі серпасыс комынёд воясö. Льомдін районын став делопроизводствоис мунлёма комиён. Райисполкомён примитом решение серти учреждениеясын, организацияясын, леспромхозлон аппаратын, райжилкомхозын, сельской Советъясын став гижасьомыс мунлёма коми кыв вылын. Тшоткота волі сёрнитны сёмын комиён. Онія том йозлы тайё кажитчо фантастикаён.

Серафим Филипповичлон вужыйс Эжва йывса Великополье деревняын. Тёдчо: радейтö чужан кывсö, тшап коми начальникъяс кё коло и оз рочасьёны, то Дёминлон татшом висьомыс абу. Кор сёрнитчисны статья гижём йылысь, Кузнецов юаліс:

— Комиён али рочён дасътан?

— Викентий, мыйон тэ менё чайтан? Коми газето рочён ог жё кут гижны, — нюмъялгытъяр вочавидзис Серафим Филиппович.

.....

Надежда Павлова

Павлова Надежда Мисаиловна чужис 1966-öд волын Емдін мувывса Семуков сиктын. 1987-öд волын помаліс Перымса күльтура институт. Уджало Коми национальной гимназияны. Гижёдъяссö йёзёдлис «Войыв кодзув» журналын, «Лёбмэю», «Еджыд войас», «Кузь нэм да бур шуд», «Емдін му – вежа му», «Белый бор» ётувъя небögъясын. Авторлён петис кывбура куим книга: «Муслун вабергач» «Шондіа асыв», «Кор алой биён ойдас лежнёт». Кывбуръяссö вуджёдёма коми-перым, мари, удмурт да туккод кыв вылло.

Алой дзоридзён ыпнитіс

Кольём нэмса 20-öд воясын роч поэт В. Брюсов шуис А. С. Пушкин йылысь — «Мой поэт». Татшом бур примеръяссö пыддиpunktöмён меным сідзжö окота лои шуны кывбурались Надежда Павлова йылысь — «Менам поэт».

Ме эг туяв поэтлысь творчествосö, сомын лыдди «Кор алой биён ойдас лежнёт» книгасö. Лыдди и нимкодяси поэзиялён аслыспöлöслуннас.

Надежда Павловалён кывбуралимыс — мувыв олём-вылём йылысь шоныд восьса сёрни. Быттьё оз и зиль сийё пырёдчыны ѹёз лов-вежёрө, оз вўзыйсь, оз велёд мыйёкё. Кывбур визъяс воляникись киссёны мелі шонді югоръясон, кор и шоныд зэр сіясён, состиоммёдёны олём ру, мыла шыладён пуксёны съёлём вылад.

Зэв видзчыссыёмён, вежавидзёмён гижысь шыёдчö аслас кывбур дінö, кыдзи медматысса ёрт дінö, коди здук кежлö и волас, пыралас, но шонтö и ловсö и съёлёмсö.

Зинаида Прошева

* * *

Эзысь бордъя чужанін, вежа ай му, Емдін,
Некор некод мед эз шу: чужёмнад по пемдін,
Некор некод мед эз шу: съёлёмнад по кёдзыд.
Тэнö, муса югыдін, ыдждёдлі эг отчыд.
Съёлём личёд менам тэ, эзысь шыя ывлва,
Съокыд кадо сомын тан пöttöдз бёрдла-сывла.
Шуштём кадо тэнад сыв медбур кокнёйд ловлы.
Волам коллявны морт нэм, мый кёть сэн оз овлы,
Гажа лунё гортлань туй важ моз медся матыс,
Сомын гежёддыхыка пыр ләдзлö тэлань кадыс.

* * *

Веж пёлözнича рёма чужанінй,
 Мед шонді ворсас гажаа ми синмын!
 Збой йёлögай, вынсыöд мыла гёлös,
 Вай садьмёдам став матигёгёр вёлösът!
 Тэн, тёдтём морт, тэн, кодёс кыла асён,
 Пёсь чолём ыста нэмъяс пыр: «Бур асыв!»
 Мам кывлысь небыдлунсö пырта лолад,
 Од шондібана асыв, буретш, сэн и олёт.

* * *

Мый нё эськё гажёдіс сæk син,
 Күжкысь морт кё серпасаліс лолös?
 Гашкё, муртса садьмём чужанін,
 Коні пыр ме шуда, пыр на кола.
 Гашкё, чөлён шыльёдом лёз ю,
 Рёмъяс пештысь сизим воня кыа,
 Лышкыд арён дарийбыштём му,
 Муртса кёдзалыштём вадор ляа...
 Чурк йыв шёрын кудри юра пу,
 Откодь веж кёть тёв, кёть ар, кёть гожём.
 Гашкё, тайё ме, ли енәж-му
 Туган-вужнас йитысьötка пожём...

* * *

Лёнис, ори сылан гёлös.
 Эз вош, пыртчис югыд чёлас.
 Воас кад, дай кодкё кылам,
 Ловъя чёвсыйс сылан кыам.
 Со нин кодкё збайджык ёда
 Тёдса туйяс дженявшмёдö
 Сыылгігтыръя. Ен сыкёдён.
 Олём кытш тадз гёгортёдам,
 Кытысь петлім, сэтчань мёдам.
 Туй пом абу. Ме ёд тёда.
 Асылын и рытын кыа
 Сійös пасиёдлö да кыёö
 Муслун шörtтысь, ас ки помысь.
 Туй ни сылан мед эз помась.

* * *

Мыйла, кыпыйд сыланой,
 Тэ он йөктөд важ моз?
 Нюмсер чужтысь кыланой,
 Он тай кокнёйд, гажмёд.
 Амбар томан сьёлёмам
 Ёшёдчома быттьё,
 Видзёдласысь олёмой
 Шуда бияс лыддёй.
 Кортёг лолёдз пырёны
 Вежёттысь лёкпозъяс,
 Сиён-сиён йирёны
 Шудёс, быттьё возъяс.
 Со нин муслун пасътасис,
 Ылі туйё мёдіс.
 Лёглун бура заптысис,
 Нопъяс изъяс лёдіс.
 Вётчё, ёрё-касътитё,
 Мышкас гыпкё-лайлё.
 Менам Енмёй, асътё тэ
 Вины сетін... Мыйла?

* * *

Дугдывтёг енәжас вежласьё ставыс,
 Синтö кёть сээс эн и вештыв.
 Быттьёкё кодкё зэв зиль зорёд панё,
 Здук-мёд, и кыз уджыс эштас.
 Вижов-лöz кымёръяс кыз турун пластён
 Лэбёны эсітшом ёдён!
 Сьёлёмыд юкыштлø: шняпкысяс татчё,
 Кытчё и пышайны мёдан.
 Вежёрой такёдё: оз жё кё усь-а,
 Топыда пукталё, олас.
 Зорёд юр шондісö вевттис, а меным
 Кажитчис — пом, тыртіс лолёс.

Надежда Мирошниченко

Мирошниченко Надежда Александровна
[3.7.1943, Москва] — поэт.

Родилась в семье партийного работника. Первые шаги в поэзию сделала благодаря матери, обладавшей литературным талантом и развившей любовь к творчеству в своих детях. Почувствовав внутренний надлом в русском обществе, прозрев разобщённость людей, Мирошниченко, по её собственному признанию, уже с 13 лет задалась целью выразить в своей поэзии русского человека в его идеале. Первая публикация — в газете «Красное знамя» (1961. 12 февр.), где были помещены стихи начинающей поэтессы о детстве. Первая подборка стихов — в коллективном сборнике «Перекличка» (Сыктывкар, 1966).

Окончила филологический факультет Коми государственного педагогического института. Работала в республике Коми учителем английского языка, журналистом в местных республиканских газетах, редактором на телевидении. С 1981 — член СП СССР. В 1998 становится секретарём Коми отделения Всемирного русского народного собора. С 2002 — доцент кафедры по связи с общественностью гуманитарного факультета Ухтинского государственного технического университета.

Основополагающее влияние на её творчество оказала русская классическая поэзия, и в особенности А. С. Пушкин. Поэтическое мышление сформировалось во многом под воздействием учителя и друга — поэта, публициста и литератора С. Куняева.

Став автором 2 поэтических книг «Назовите меня по имени» (1975) и «Отрывок» (1980), Мирошниченко была доброжелательно встречена в литературном мире. С. Куняев в статье «Самой себя достойнее и выше...» отметил, что стихи Мирошниченко вдохновляют «высоким настроем сердца и души, «летучей» интонацией, открытостью, откровенностью по отношению к миру». Мирошниченко печаталась в журналах «Наш современник», «Медный всадник», «Академия поэзии», «Роман-журнал XXI век», «Арт».

Основные чувства-темы, питающие поэзию Мирошниченко,— любовь к Родине, любовь к близким людям, женское и материнское начало. Они органично сопрягаются и с темами истории, природы. По словам Г. Красникова, который в 1987 писал о необыкновенной творческой свободе Мирошниченко, «она — не пришла, она — влетела, ворвалась, чтобы от корки до корки, до предела, до донышка прожить, прочувствовать, пропустить через себя, через свои чувства эту жизнь и нам передать свою прекрасную неутолёньность, свой захлёб, восторг, своё восхищение, своё опьянение жизнью и наступающее затем горькое отрезвление!..». Её способность «написать обо всём» произрастает из тонкого умения чувст-

---

Статья опубликована в книге: Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобибл. словарь в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. — М.: Олма-Пресс, ИНВЕСТ, 2005.— Т. 2. З-О.— 720 с., ил., стр. 568–569. (Издание ИРЛИ РАН (Пушкинский дом).

вовать скрытую внутреннюю мелодию жизненных сюжетов. «В каждом её стихотворении — чудесная интонация, виртуозный музыкальный рисунок. После её стихов жизнь из немого кино превращается в озвученное, интонационно-яркое, разнообразное действо. “...Я умела жить без жалоб, / чем и дорожу, / к кому сердце не лежало, / с тем и не дружу. / Перед сплетней устояла, / в ведьмы не пошла. / Всё, что в жизни потеряла, / в жизни и нашла”» (Красников Г. Когда остановилось время. С. 312).

Стихи Мирошниченко объединяет оригинальность и точность образного строя, говорящего о чуткой остроте восприятия бытия. В 1996 сыктывкарское издательство выпускает стихотворный сборник Мирошниченко «Русское сердце», вобравший в себя стихи разных лет. Критик отмечал, что поэзия Мирошниченко — «это сильная лирическая энергия женской души России. Энергия стремительная, яркая, волевая, цельная в созидательной запрограммированности на любовь — к мужчине ли, к ребёнку, к домашнему очагу, к Родине. Энергия, можно сказать, гиперпассионарная, жертвенная, не терпящая никакой пассивности. Только голосом совестливости поверяющая свою правоту: “За то, что белый свет / Считала светом белым, / И если ночь черна, / Спасала свет в горсти...”» (Красников Г. Свет в горсти. С. 10).

Особой выразительности стихи Мирошниченко достигают за счёт лексических и синтаксических повторов, умело используемых поэтом для того, чтобы лаконично, ярко передать напряжённо-пронзительную мысль: «А мои долги не считаны, / А мои стихи не читаны, / А мои друзья не брошены, / А мои грехи не прощены. / А моя звезда не видана, / А моя беда не выдана, / А ещё чего не сказано, / Так я жизнью с тем повязана» («А мои долги не считаны...»).

Мирошниченко выступает как поэт-урбанист: всё увиденное ею предстаёт перед нами как пережитое городской жительницей — нашей современницей. «Интернациональное» звучание поэзии Мирошниченко достигается благодаря обращению поэта к символам русской и коми земли, а также за счёт использования цветописи как средства перерастания частного в общее.

Избранные стихи Мирошниченко обединила в сборнике «Трудная книга» (2002). А. Суворов в предисловии пишет о «жертвенном саморазоблачении» души поэта: «Можно открывать эту книгу на любой странице, на любом поэтически обнажённом нерве и потрясённо замирать от ответного чувства, порой не понимая, почему так бывают невидимым током обыкновенные, в общем-то, слова, слетевшиеся в стихотворные строки. Нет в этом никакого колдовства. Просто поэт предельно откровенен, просто он без всякой жалости к себе отдаёт свою душу читателю: вот,смотрите — ничего не скрыто, всё нараспашку, всё высвечено и просветлено высшей человеческой болью, которую все почему-то называют любовью» (Суворов А.— С. 6).

Стихи Мирошниченко переводились на сербский, болгарский, армянский языки. На слова Мирошниченко написано множество песен, из которых одна — «Ой ты, речка Ижма» — считается народной.

Член редколлегии журналов «Арт» и «Мир Севера». Лауреат премии «Северная звезда» Республики Саха (Якутия) и СП России, премий журнала «Наш современник», газеты «Литературная Россия». Живёт в Сыктывкаре.

Соч.: Назовите меня по имени. Сыктывкар, 1975; Отрывок. Сыктывкар, 1980; Всё кончается добром. М., 1984; Сыктывкарский вариант. Сыктывкар, 1986; Хочется счастья. М., 1988; Зачем не сберегли? М., 1989; Мы потерпим. За нами — бессмертье. М., 1993; Русское сердце. Сыктывкар, 1996; Трудная книга. Сыктывкар, 2002.*

Лит.: Куняев С. Самой себя достойнее и выше... // Поэзия. М. 1984. № 38. С. 101–102; Журавлев С. Русь моя, Родина, крест и награда // Красное знамя. 1994. 14 янв. С. 3; Романова П. В берёзовом полушалке сосновая сторона... (Образ Коми в поэзии Н. Мирошниченко) // Север. 1998. № 11. С. 143–146; Бутырева Г. А белый цвет опять меня спасает... // Арт. 1998. № 3. С. 100–101; Красников Г. Свет в горсти // Лит. Россия. 2000. № 46. С. 10; Романова П. Образ Коми земли в поэзии Н. Мирошниченко // Зыряне в истории русской словесности. Сыктывкар, 2000. С. 56–62; Красников Г. Когда остановилось время. Надежда Мирошниченко // Красников Г. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба. М., 2002. С. 311–313; Суворов А. Крылатые строки любви // Мирошниченко Н. Трудная книга. Избранное и новые стихи. Сыктывкар, 2002. С. 5–6.

М. В. Педъко

Наша справка:

Надежда Мирошниченко, народный поэт Республики Коми, лауреат Государственной премии РК, премии «Северная звезда» (Республика Саха), «Большой литературной премии России», член-корреспондент Петровской академии наук (Санкт-Петербург), награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «Имперская культура» и премией им. Э. Володина в номинации «Поэзия». Н. А. Мирошниченко — заслуженный деятель культуры Российской Федерации и Республики Коми.

---

* Белая сотня.— Сыктывкар, 2006; О любви.— Сыктывкар, 2008.

«По ослепительному бездорожью птица прошла...» «Вöсь молльён кольёма енэжлён эрдас лэбач кок туй...»

Кто-то очень верно сказал, что поэты, пишущие на разных языках, однажды обязательно встретятся на мосту Вечности. И проводниками на этом мосту будут переводчики.

Стихи Надежды Мирошниченко сегодня звучат на разных языках мира. В последнее время всё чаще и на коми языке. И особенно радует то, что к её стихам обращаются ещё совсем юные переводчики, как Оля Баженова, Алёна Шомысова и др. Потому что поэзия Надежды Мирошниченко — это замечательная школа для переводчиков, школа обретения профессионализма, школа мастерства. И если хотите — школа любви к слову. И к тому, о чём чаще всего пишет поэт — к Родине.

* * *

*Нине Куратовой,
первой коми женщине-прозаику*

«Нина Куратова едет в Куратово», —
Завтра в газете прочтём.
Ты по дороге цветущей и матовой
Думаешь, Нина, про что?
Может, про детство своё горемычное.
Может, про наше житьё.
Едут в Куратово люди столичные.
Едут писатели,

к славе привычные.

Ждут же всех больше — её.

«И не состарилась,— женщины охают, —
А городская совсем!»
Как ни относятся — добро ли

плохо ли —

Нина поклонится всем.

Я задохнусь от цветущего клевера:
Вкус его горек и сух.

Я пригляжуся: этот тополь на Севере,
Правда, как символ старух.
Бабы седые,

дома угловатые,

Как она вас поняла —
Незнаменитая Нина Куратова.
Новая слава села.

* * *

*Нина Куратовалы,
медвoddза коми нывбаба-гижысылы*

«Нина Куратова мунё Куратовё», —
Юортас аски газет.
Нина, автобус кор туй мозыс катлодlö,
Мый сэки казытывсьё тэд?
Гашкё — важ кадыс, кор волинныд
иётёсь?

Талуныс инё оз берд?
Мунам Куратовё гösтьяс столицайсь,
Нималысь гижысьяс, медся сэн
виччоны

Ассыныс виртусьё, дерт.
«Войт абу-й вежсылём —
шуюны локтысылы, —

Карса тай лоёмыд чиг!
Коді кызд шыасяс — бурысь ли,
лёкысь ли —
Копыртчас быдёнлы дзик.
Бобонянь дзордзалё.

Съёлёмой топавлас:
Ставыс тан тёйтём и выль...
Бурджыка видзёдла: войвылад топольыс
Копыра почё кодь збыль.

Дзор юра аньяс, важ керкаяс
католын —
Аддёма тиянёс стёч.
Нёшта на тёдсаён, Нина Куратова,
Асьтö и сиктсатö вöч.

* * *

Есть дом у нас.

Но нет над домом крыши.

И нет часов, но счастлив каждый час.
Я в будущем с тобою не увижуясь,
и потому люблю тебя сейчас.
И потому мне так необходимы
твоих надежд бессонницы и сны.
Как будто мы с тобой неразделимы,
неразлучимы,

не разобщены.

Такая даль...

Что разглядеть не просто
твои следы на фоне облаков,
моя земная,
канувшая в звёзды,
ещё вчера дышавшая любовь.

* * *

Эти числа, эти даты, эти годы,
это гибкое движение руки
у природы взяты мною, у природы.
У берёзы, у поляны, у реки.
Что приходит, то уходит,

а не жалко,
если знаешь, остаётся на века
этих ветреных деревьев перепалка,
эта огненная жажда уголька.
Потому-то мне сейчас и не печально,
что на свете возникает каждый миг
чья-то шутка, чья-то радость,
чья-то тайна.
Чей-то возраст, чей-то образ, чей-то миф.
Всё верну, когда придётся.

Не припрячу.

Жизнь бессмертна, а кончина —
эпизод,
над собою, над единственной, поплачу,
собираясь навсегда за горизонт.

* * *

Эм миян керка.

Сöмын вевтыс абу.
Ми часітöг, но шудаöс быд здук.
Ме тэкöд локтан кадö ог нин аддзысь,
и радейтны кö, кöсъя öнi тшук.
Сы понда тэнад чайтöмысь ме доръя
быд узтöм вой и весиг дженыыд вöt,
мый быттьö нинöм миянöс оз торйöд,
оз разöд,

абу ми кодь гозыйс мöд.

Лöз кыморъясын,
син улö оз усылы,
и кодзуувъясысь кок туйсö он корсъ...
Мувывса,

тöрьт ыпъялысь на муслун,
а чайтсылис öд — шудыс пом ни дор.

Комиöдис Евгений Козлов

* * *

Тайö лун-войсö, да тöлышсысö, да восö,
килысь нюдза кыптылёмös, дерт,
козыналис мен вör-ва, лышкыд позийö.
Козыналис мен ю да кыддза эрд.
Кылалас, мый сетлёмä,

ог жалит,
тöда кö, мый нэмъяс чёж оз быр
тайö ворсысь пүясыслён гажыс,
тайö кöсйомыс, мед судзны бились кинь.
Та вöсна и шогсыны мен немысь,
öд му югыдас на чужё лун да вой
кодлонкö бур шмоныыс, радлун,
шемöс,

сэсся арлыд, пертасасьём*, майд.
Ставсö сета, кодыр ковмас,
нем ог ёкты,
олёмыс оз бырлы, сурым —
сöмын тас.
Ас пондаö бёрдышта, кор öтнам
мёдöдча ме вужжны енэжтас.

* Пертасасьём — авт. пертасö пöрём.

* * *

Ты думай обо мне, хоть понарошку.
Пусть мы с тобой навеки далеки.
Когда-нибудь куплю себе гармошку
и выучу чужие языки.
И босиком набегаюсь по лугу.
И кто б меня ни предостерегал,
когда-нибудь найду себе подругу,
чтоб ты в неё влюбился и пропал.
Когда-нибудь я стану величавой.
Прощу врагов, уйду от суеты.
И примирюсь с забвением и славой,
и о тебе подумаю.

А ты?

* * *

Скажи, скажи, чтоб я была
слабее трав и тише,
чтоб воду чистую пила
с твоих ладоней.

Слышишь?

Наш гулкий дом, где быт и труд
и наши дети тоже
пускай немного подождут
и поскучают, может.
И пусть поймёт двадцатый век,
что даже он не властен
там,

где захочет человек
побыть вдвоём со счастьем.
Чтоб только мимо поезда,
чтоб солнце день листало,
чтоб ты не понял никогда,
как сильно я устала.

* * *

Тэ казтыв менё коркё
быттыё збыльысь.
Мед ылынёсь ми ёта-мёдлы, мед.
Ме ньёба коркё аслым гудёк, выльös.
И велёда на тёдтём кывъяс, дерт.
Видз выйті кёмтёг котрала ме пöttöдз,
и коді кёть оз оллод менё сэк,
ме аддза аслым чоюкёс. Мед сэтчёдз
тэн мусмас сіё — лолыштын оз сет.
А кор ме сёвма, лоа вылын юра,
сэк паныд мунысьяёс мыльышта* на ме.
И бурася: мед нимала кёть вуна,
сэк тэ йылысь ме казтышта.

А тэ?

* * *

Шу меным, шу, мед лоа ме
лёнь турунсыс на мыла,
и сөстөм васё юа мед
ки пыдёссыд ме.

Кылан?

Мед чунёк гортным, нок да удж,
да челядьным тшётш, гаж кё,
мед виччысыласны ёти здук
да гажтёмтчасны, гашкё.
И вежортас мед кызыёд нэм,
мый весиг сіё вынтём
сэн,

кёні ёна кёсёй морт
чёв овны шудкёд кыкён.
И бокті поездъясыс мед,
и войыс лунё вуджё,
и мед он гёгёрволы тэ,
мый сэтшёма ме мудзи.

Комиёдис Ольга Баженова

* Мыльыштын — простить.

* * *

Плачу — значит, я живая.
 Значит, будут день и свет,
 значит, отпереживаю.
 Зря я думала, что нет.
 Ходит слово в разговоре,
 не боится ничего.
 Зря я думала, что горе
 глубже сердца моего.

* * *

Бёрда — сідзкё, век на ола.
 Сідзкё, личлэдзлас на шог.
 Сідзкё, шудаён на лоа.
 Прёста чайті, мися, ог.
 Йёзыд ёдйё сёрни лэпто:
 Кыивыд ниномысь оз пов.
 Прёста чайтсьёма, мый чептён
 Дорас шогыс менсым лов.

* * *

Хочется счастья, как пахарю хлеба,
 осени — солнца, ручью — родников.
 Я поднимаюсь и падаю в небо,
 в синее небо степных васильков.
 Мне ли, уставшей, прогрощей, таёжной,
 столько простора и столько тепла?
 По ослепительному бездорожью
 птица прошла.

* * *

Арыслы — шондіыс, шорыслы — ёшмёс,
 гёрыслы — няныс моз колё мен шуд.
 Енэжас кайла да уськёдча шемёс,
 быттьёкё сэні — лўз чачаа* луд.
 Та мында югыдсо, син медым бердлас,
 сетліс мой меным войывса му?
 Вöсь** молльён кольёма енэжлён эрдас
 лэбач кок туй.

* * *

Вспоминаний сладкая истома
 Меня в свои загонит невода.
 И мне уйти захочется из дома,
 Куда глаза глядят и поезда.

* * *

Кор юмов кёра кадыс юрам волё
 И йортло менё тывъяс — ёнсыс-ён,
 Сэк мунны гортысь окота мен лолё
 Кёть поездён, кёть подён. Эскан он?

Не женщина, я прожила на свете,
 Как соловей, как парусник, как тать.
 Но хорошо, что народились дети
 И я успела к берегу пристать.

Эг нывбаба моз — олёмёс ме вуджи
 Кыдз колип, кыдзи тёвру, кыдзи шыш.
 Но бур, мый челядь сэсся миян чужис
 И ёзынё ме доми ассым пыж.

Так мужу было надобно и Богу.
 Видать, они придумали вдвоём,
 Чтоб я любила ветер и дорогу,
 Предпочитая колыбель и дом.

Тадз верёслы да Енлы вёлі колё.
 И, чайта, налён вёлі ёти мёвп:
 Мед горт да потан бёйис ыръян лолой,
 Кёть радайта кузь туй да бордъя тёв.

Комиöдис Алёна Шомысова

* Лўз чача (диал.) — пёллэзница.

** Вöсь — жемчуг.

Вениамин Тронин

Вениамин Семёнович Тронин. Живёт и работает на севере Удмуртии — в городе Глазове. Кинорежиссёр и сценарист. Участник многочисленных международных и российских фестивалей. Член Союза кинематографистов России. Заслуженный деятель искусства Удмуртии.

Зверь

(сценарий полнометражного игрового фильма)

Начало 20-го века. Каршур — почти не тронутая временем удмуртская? деревенька в три десятка дворов — стоит особняком в низовьях небольшой реки, впадающей в Каму. Поля со всех сторон теснит лес с топкими болотами. Сообщение с внешним миром по воде.

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА (стилизация под хронику).

В тумане едва проступают фигуры людей в белых одеждах. Они заканчивают свой таинственный, скрытый от чужого глаза танец, и обнимают стволы вековых елей. Необычную песню без слов — многоголосое мычание и горловой клокот — подхватывает Лес: завывания ветра, протяжные скрипты деревьев, звон комаров, раскаты ворона сливаются с голосами людей. Неохватные стволы начинают двигаться, раскачиваться, кружить вместе с прижавшимися к ним фигурами в белом. Мы поднимаемся к вершинам и утопаем в густом облаке, но туман закручивается исходящими воронками, и в образовавшихся горловинах танцуют уже разлапистые макушки согретых человеческими телами ёлок.

ТИТР: «ЗВЕРЬ»

ИЗГОРОДЬ (стилизация под хронику)

Всплывают и лопаются пузыри в кипящем котле. В мареве восходящих испарений «плавает» дом без окон и трубы. Через прореху между скатами

* Эта история может быть не обязательно об удмуртах. Главное — о лесных людях финно-угорского происхождения, например, об угромуртах или пермомуртах, которых в действительности нет, и никогда не было. В этом варианте сценарий может вобрать в себя признаки многих культур финно-угорского мира, и тогда диалоги лучше вести на финно-угорском эсперанто, разработанным учёными из Удмуртии. Окончательное решение зависит от воли продюсеров, международных фондов и других структур, которым предстоит профинансировать этот проект. В любом случае наше кино полно вымысла, и мы стремимся больше к правде художественной, а не исторической.

крыши восходит дым и доносится глухой распев жреца. Это удмуртский языческий храм куала.

Священная территория обнесена изгородью, возле которой с еловыми лапами в руках стоят притихшие жители Каршура. Древняя старуха разливает по деревянным чашкам ритуальный напиток кумышки и напевает молитву.

Дед удерживает за руку огненно-рыжего сорванца КИОНА, который палкой на песке дорисовывает волка. Рядом крестьянская семья: МЕЛЬНИК, ЖЕНА МЕЛЬНИКА и ДОЧЬ МЕЛЬНИКА с грудным братишкой КОКЛЕЙ на руках. В кулачке дитя игрушка — выструганный из дерева человечек. Все вздрагивают — из куалы доносится короткий пронзительный крик.

ДЕД (удм.). Раньше-то человеков небу дарили.

Оставшись без присмотра, отважный Кион лезет под изгородь.

ДЕД (удм.). Кион. Нельзя святую землю топтать, нельзя.

Старик поучает внука, легонько похлопывает по его следам, оставленным на песке, а паренёк одёргивает босые ножки, словно шлепки приходятся по ним, и ступни чувствуют боль.

ДЕД (удм.). Ты человек или зверь?

Насупленный мальчик перестаёт потирать «наказанную» ногу, всерьёз задумывается над вопросом, смотрит на свой рисунок и, упав на четвереньки, подвывает волком.

У КУАЛЫ.

С другой, невидимой, стороны куалы копошится человек в мундире. Это УРЯДНИК ковыряет саблей между брёвнами. В образовавшуюся щель видно: деревянный крюк, цепь, огонь в очаге... Рыжебородый ЖРЕЦ в белом головном уборе и еловыми лапами на плечах вершил обряд жертвоприношения. Помощник расчленяет ножом плоть. В котёл стекает кровь, падают внутренности, саму жертву не видно — щель слишком узка. На стене — полка, на которой возвышается священный короб Боршуд¹.

Урядник с силой нажимает на рукоять, сабля ломается, жандарм суетится, но никак не может достать остриё. Дрожащими руками он вкладывает обломок в ножны, подгребает к стене солому и чиркает спичкой.

ЦЕРКОВЬ.

В церкви несколько удмурток неумело крестятся и кладут вразнобой поклоны. Молодой, осанистого вида БАТЮШКА правит пасхальную службу,

¹ Боршуд — удм. особый короб, в котором хранятся святыни рода.

однако орлиный взгляд его прикован к окну, — за околицей вьётся дым. Он приоткрывает форточку, в церковь влетают крики отчаянья.

Распахивается дверь, вбегает паренёк, сквозняк задувает свечи.

ПАРЕНЁК (удм.). Мама! Куала горит!

БАТЮШКА. ...Аминь.

Священник обдаёт прихожанок кадилом, те пятятся к выходу.

БАТЮШКА. Христос воскресе!

Удмуртки высакивают из храма. Батюшка закручивает крашенное луком яйцо, распахивает створки и наслаждается заревом пожара. Дым от задутых свечей обволакивает лицо Христа.

БАТЮШКА. Воистину воскресе.

У КУАЛЫ.

Боковина куалы охвачена огнём. Урядник сдерживает напирающих к двери крестьян.

УРЯДНИК. Не положено! Не положено! Не положено!

Привычным движением он выхватывает из ножен саблю, но вместо оружия — обломок без острия.

БЕРЕГ.

Из лодки, которая ещё не достигла берега, прыгает в воду и что-то кричит ПРИСТАВ. Сышен выстрел и крик дочери мельника: «Мама!»

У КУАЛЫ.

Жена мельника падает, в кулаке уже мёртвой женщины обломыш от жандармской сабли, по которому стекает кровь.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА (удм.). Отец!

К пылающей куале бежит мельник. Наставив на себя вилы, он налетает черенком на горящую стену, грудь несчастного пронзают штыри, сквозь огонь мы успеваем увидеть, как на искажённом болью и отчаяньем лице появляется улыбка.

Храм обрушивается.

Взметнувшееся пламя отражается в глазах Кокли, оставленного сестрой в люльке на земле.

КАРШУР — БЕРЕГ.

Крест, колокольня, облака, — всё это видит дитя в руках бегущей дочери

мельника. Девочка выталкивает с отмели долблёнку. Яма! Ухватившись за борт, она с трудом выкарабкивается из воды, но утлая посудина переворачивается.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА (удм.). Мама!

Вода захлёстывает девочку. От перевёрнутой лодки отделяется люлька с ребёнком.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА. Кокля-а-а...

Девочка уходит под воду, а эхо от её крика продолжает метаться между берегами.

ОМУТ — НОЧЬ.

Отражение жёлтой луны приходит в движение. В омут с чёрной водой и зарослями мёртвого сухостоя вплывает люлька. Вспыхивают и гаснут прорывающиеся из недр столбы газа. Узловатые корни коряг тянутся к лицу ребёнка. Кокля сжимает в кулаке своего деревянного человечка, а люльку уже закручивает в бездну огромной воронки. Одна из косматых болотных кочек «оживает». Это медведица плывёт к люльке, за ней чапают по мелководью двое медвежат.

ТИТР: ПРОШЛО 17 ЛЕТ...

ОПУШКА — РЕКА.

В утреннем тумане проступает затопленная весенним разливом опушка леса. В воде, стоя на задних лапах, ревёт медведь. Он делает несколько скачков и бросается вплавь, — следом за отчалившим плотом. На плоту — одетый в шкуры, заросший волосами, похожий на зверя человек. Он зубами силится дотянуться до верёвки, которой накрепко привязан к столбу. Это КОЛЕК (КОКЛЯ). Ему семнадцать лет. Плот разворачивает и выносит на стремнину, его вот-вот поглотит туман. Тело пленника бьётся в верёвках, он рычит — жалуется медведю на их зверином языке.

С берега косматый ОТШЕЛЬНИК осеняет парня крестом. Над стариком щебечут крохотные пичуги, глубокие морщины на его лице превращаются в кору дерева, и таинственный дед растворяется в своём Лесу.

КАРШУР.

В деревне потоп. Суета, крики. В воде крестьянская утварь: корыто, конская дуга, на деревянном ведре едва удерживается котёнок. Поток рвётся к завалинке, из подполья с писком разбегаются крысы. Вода обрушивается на колодец, сметает крышку, поднимает противовес «журавля», и рычаг с ведром клонится к земле.

Крестьянка тянет за верёвку тонущего в жиже бычка. Её сын ПЯТЫН — четырёхлетний парализованный мальчик с перекошенным лицом, падает, мычит, захлёбывается, МАТЬ ПЯТЫНА бросает животное и спешит на помощь.

МЕЛЬНИЦА.

Кипящие пеной буруны выталкивают колоду прямо на лопасти мельницы, и колесо останавливается.

В проёме между прутьями шея лебедя. Он кричит, бьёт крыльями, — маленький прудик, огороженный сверху ивовым плетнём, переполнен водой. Постаревший, совершенно седой ЖРЕЦ бросается в воду, ломает ограждение и спасает птицу.

КАРШУР.

Двое мужиков КАРЯК и ПЕДОН выносят мешки с мукою. ИНВАЛИД в выцветшей залатанной гимнастёрке скачет на костылях и даёт указания двум парням — огненно-рыжему, ладному в движениях КИОНУ и неуклюжему БЭЖЕ. Они оттаскивают подальше от воды плуг. Бэже отступается, роняет ношу, Кион вскрикивает и хватается за ногу. Педон оттесняет хлопающего глазами Бэже.

ИНВАЛИД (удм.). Чего встал?! Бэже! Муку спасай, беспутый.

Бэже чапает по воде к амбару, толкает мешок на спине Каряка, том от неожиданности валится вместе с мукою в воду.

ИНВАЛИД (удм.). Да что ты за дурак-то такой!

КАМА.

В излучине Камы затор. Вмёрзшие в лёд плоты перегородили русло. Отдельные вздыбленные брёвна выламываются из поперечного хребта, и их, как невесомые спички, выбрасывает на вспенившуюся стремнину. По плотам бегут военные с ящиками. Человек в штатском — начальник лесоучастка КУРТЕЕВ помогает выбраться из воды отступившемуся между брёвен КОМИССАРУ.

КОМИССАР. ...Ядрёна корены! Дetonаторы держи. Быстрее, быстрее.

КАРШУР. БЕРЕГ РЕКИ.

Жрец вбегает в реку и бережно сажает на воду лебедя. За спиной старика голосит тонущий Каршур.

ЖРЕЦ (удм.). Плыви, птица-лебедь, лети, птица-лебедь. Спаси нас от воды и огня, от напасти и хаоса. Не бросай нас в пучину-стихию.

Птица взлетает, волна от её крыльев захлестывает стоящего на коленях жреца. Давясь кашлем, он продолжает молитву.

ЖРЕЦ (удм.). ...Пошли нам, Лес, Спасителя.

ЦЕРКОВЬ.

В храме одиноко молится батюшка. Ничего не осталось от того молод-

цеватого священника, который когда-то отдал распоряжение спалить куалу. Он согнулся, оброс седой бородой и выцвел взглядом. «Помоги, Господи... Спаси и сохрани от потопа... За грехи наши тяжкие...». Душно, он задыхается, отворяет форточку, с улицы влетают крики напуганных людей, в глазах священника вспыхивает ужас.

БАТЮШКА. Зверь!

ОКОЛИЦА.

В проём ворот затопленного огорода вплывает плот с похожим на зверя человеком. Он воет, рычит и бъётся от страха в слабнущих верёвках.

Ошеломлённые крестьяне сбиваются в стаю на берегу.

ЖРЕЦ (удм.). Винтовку!

Кион убегает за оружием, остальные мужики хватают оглобли, бредень, входят в воду и окружают плот. Пришелец выламывает столб и, оставаясь привязанным к нему, бежит от ощетинившейся кольями толпы. Колька загоняют в западню. Трясущийся от страха Колек вдруг видит, как люди превращаются в зверей: смешанная стая клыкастых волков, лисиц, енотов, красноглазых зайцев воет, тявкает, пронзительно пищит. Колек извергает такой оглушительный звериный рык, что путы рвутся, а люди поспешно отступают, только парализованный, немой мальчик Пятын стоит на kortochkax и отвечает пришельцу диким рычанием.

Колек видит, как в лице мальчика проступает злобный оскал волчонка. Пятын яростно бросается на Колька, тот смахивает его с себя, малец атакует снова, но Колек обдаёт округу таким рёвом, что тело паренька охватывает судорога, и он теряет сознание. При этом волосы на голове Пятына встают дыбом, и из него по-прежнему исходит рычание. Скалит зубы подбежавшая собака, но тут же поджимает хвост и трусливо скулит. Возле лишённого чувств Пятына пригибается трава, скользит тень, расходятся кусты — какое-то невидимое дикое существо с воем покидает его тело. Крестьяне поворачивают головы вслед изгнанному из мальчика зверю, собака с лаем бросается в гон.

У обрыва тяжёлый всплеск, — от канувшего в пучину зверя-невидимки вода закручивается жуткой воронкой, утягивая на глубину обломки льда.

КАМА.

Комиссар даёт отмашку красным флагшком.

КОМИССАР. Давай!

Рука красноармейца заламывает рубильник, и на запруженной реке рвутся плоты. В образовавшуюся прореху обрушивается поток со вздыбленными брёвнами.

КАРШУР.

Измотанный схваткой с невидимым зверем Колек падает без чувств. Вскрывает мать Пятына — на её руках оживает сын.

Жрец прижимает ухо к груди пришельца, рассматривает его крест, языческую пластинку, звериный коготь и нож.

ЖРЕЦ (удм.). Дыдык, твоего Шудзи нож.

Пожилая вдова ДЫДЫК принимает оружие мужа и показывает его своей дочери ТЮРАГАЙ.

ДЫДЫК (удм.). Смотри, дочка.

Подбежавший Кион поглядывает на рыжеволосую красавицу и протягивает жрецу винтовку.

КИОН (удм.). Он враг. Убей его, отец.

В это время Пятын встаёт на ноги, изумлённая мать трогает его лицо, которое освободилось от гримасы паралича. Движения мальчика обрели согласованность, и появилась речь.

ПЯТЫН (удм.). Мама.

Все смотрят на подростка, на тело Колька, на жреца... Кион ревниво перехватывает восторженный взгляд Тюрагай, выхватывает у неё нож и вкладывает его в руку жреца.

КИОН. Отомсти за Шудзю!

Мать Пятына закрывает мальчику глаза, все ждут смертельного удара...

БЭЖЕ (удм.). Бже! Бже! Бже! Вода, бже!

Непутёвый Бежэ возбуждённо скачет и показывает на колодец. «Журавль» поднимает голову — значит, паводок слабнет.

Жрец смотрит в небо и вместо удара ножом кланяется до земли.

ЖРЕЦ (удм.). Спаситель.

Все встают на колени и опускают головы перед посланием, спасшим их от потопа.

МЕЛЬНИЦА.

От мельничного колеса отплывает коряга. По лопасти ползёт жук и словно принуждает это колесо к вращению. Жизнь продолжается, вода, чуть не поглотившая Каршур, пошла на убыль.

У ДЕРЕВА.

Возле дерева сидит Колек на цепи. Он скрипит и показывает обступившим его деревенским псам на лес. Те участливо подзывают. Пленник достаёт из корзины хлеб, распрабует новую для себя пищу, нюхает кумышку — давится и отбрасывает бутыль. Поделившись с собаками хлебом, он оглядывается по сторонам и даёт команду. Пара псов разбегаются и встают «на стрёме», а остальные принимаются грызть уже порядком источенный ствол, к которому прикован Колек. «Сторожа» лают, — пришелец прикрывает «секрет» соломой.

К дереву подъезжают украшенные подводы. Крестьяне сходят с телег, кланяются и окружают пленника. Звучит бубен.

Древняя старуха ведёт за собой вереницу простоволосых девушки.

Кузнец оттихивает ногой собак и размыкает цепь.

КУЗНЕЦ (удм.). Теперь не убежишь.

Колька обступают красавицы. Тюрагай — самая рыжая, самая решительная, берёт его за руку, тот дичится, в ответ девушка трепещет, словно зависшая в воздухе пустельга. Маленькая девочка смотрит восхищённо и повторяет её движения.

ДЕВОЧКА (удм.). Жаворонок.

Крестьяне вступают в пляс. Дети наперегонки угадывают, кто какое изображает животное, дерево или птицу. Некоторые танцоры имитируют ветер, огонь, воду. Над людьми вьются и щебечут птицы, деревья потряхивают начинаяющими зеленеть кронами. Танец Леса наполняется то таинственным, мистическим, то шутливым настроением, — например, когда старуха изображает юркую птаху, а крохотная малышка медведицу, или когда инвалид на костылях порхает бабочкой. Только один человек не веселится — Кион.

КИОН (удм.). Отец, Тюрагай моя. Она с детства моя.

ЖРЕЦ (удм.). Богам надо уступать.

Колька подталкивают, страх уступает интересу, он топчется и потихоньку попадает в такт общего действия. Танцоры поднимают руки и, не открывая рта, одним мычанием выводят древнюю мелодию. На лицах, обращённых к небу, выступают слёзы. Колек тревожится.

ТЮРАГАЙ (*удм.*). Не бойся. Не бойся. Это «Роса Неба», — песня такая.

Частит бубен. Колек расходится. Осенённые догадкой дети кричат: «Медведь!»

Кион ударяет оземь гусли и надвигается на «медведя». Рядом скачет возбуждённый Бэже и подначивает друга.

БЭЖЕ (*удм.*). Давай-давай, бжэ. Давай, бжэ.

ЖРЕЦ. Кион!

Мужики преграждают дорогу. Колек — только он один — видит, как в лице яростно рвущегося в драку парня проступает настоящий волчий оскал.

Колек раскидывает руки, и из груди его извергается медвежий рёв. Псы отскакивают, жмутся к земле и скулят. Крестьяне напуганы. Но Колек уже пришёл — вернулся в себя, и собаки, виляя хвостами, лизут ему руки. Люди трогают диковинного посланника Леса, в лицах восхищение: «Зверь!»; «Спаситель!» Жрец возвращает спасителю нож.

СВЕТЕЛКА МОЛОДЫХ.

Брачное ложе устлано лапами пихты. Внизу, на камнях, тлеет можжевеловая ветка. Из плотно стелющегося по полу дыма, словно из густого облака, возвышается нагая, объятая волнением Тюрагай. Она опускается на хвою, тело вздрагивает от уколов, вздыхается грудь. Колек встревожен, он озирается, шумно втягивает носом воздух. Тюрагай, изнемогая от желания, подзывает окаменевшего мужчину, пытка становится невыносимой, она с раздражением усаживается на постели и гневно смотрит на беспрекословного жениха. На мгновенье перед Кольком вместо Тюрагай предстаёт волчица, он падает на четвереньки, рычит и кидается, чтобы порвать в клочья проснувшегося в девушке зверя.

...Лицо Тюрагай,искажённое болью,прижато к столу. Сверху яростный оскал ненасытного Колька. Окровавленные пальцы несчастной сжимают край столешницы.

ТЮРАГАЙ (*удм.*). Зверь!

Тело девушки, получившее вместо ласки насилие, скатывается на пол. Колек приходит в себя, он растерян, он трогает ленточку в волосах потерявшей сознание жене и испускает страдальческий рёв, от которого, как от сквозняка, распахиваются окно и дверь. В коридоре на коленях стоят удмурты: мать Тюрагай и другие родичи. За ними мужики сдерживают Киона с вилами. Колек мечется, стискивает руками несчастную голову и выскакивает в окно, окатив напоследок дом ужасным рёвом. Злобный лай собачьей своры на дворе сменяется жалким скулёжом.

НОЧНОЙ ЛЕС.

Луна выхватывает из темноты перекошенное от боли лицо рвущегося сквозь

чащу подальше от людей — дикого человека. Рёв его ещё долго доносится из глубин мрачного леса.

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА — КАШУР.

Утренние лучи освещают звериный череп, насаженный на сук обгорелого дерева. У подножия спит Колек. Над ним порхают бабочки, щебечут птицы. Расцарапанное лицо облизывают медвежата. Колек просыпается, затевает кучу малу, дурачится, но вдруг замечает на своём запястье ленточку Тюрагай.

Напряжённый взгляд Колька погружён в пучину болотной полыни. Над чёрной водой, в которой отражаются его глаза, качается православный крестик и медвежий коготь. Рука обмазывает грязью щёки, лоб, и в лице человека на мгновение проступает медвежья морда. Вспыхивает пузырь, вспыхивает болотный газ. Огонь утягивает обратно в недра зловещая воронка.

Колек мечется по поляне, трясёт деревья, выдирает с корнем ёлочку, падает на корточки и злобно рычит. Перед ним в траве лежит скелет человека. Колек стихает и осторожно дотрагивается до костей: сквозь грудную клетку тянется к небу крохотное деревце.

Медведица, задрав голову, что-то высматривает в кроне дерева, её медвежата стараются подняться по стволу, а на макушке мотается на ветру неприкаянный получеловек-полузверь. Взгляд его устремлён в одну точку, на лбу — ленточка Тюрагай. Он сilitся разглядеть далёкий Каршур, но ему мешают слёзы. Он слышит рычание медведей снизу, рычит сам, воет, но в диком вое, переходящем в надрывное мычание, уже угадывается удмуртская мелодия «Роса Неба».

ВОСПОМИНАНИЕ КОЛЬКА.

В памяти Колька вспыхивает недавняя картина: удмурты исполняют свой таинственный танец Леса, и среди них — огневолосая Тюрагай. Лица людей залиты вечерней зарёй, счастьем и слезами.

КАМА.

В тумане вдоль хвойного берега между наплывающими хлыстами лавирует моторная лодка. Комиссар, в отличие от своего напарника, постоянно отмахивается от комаров.

КОМИССАР. Ты мне эту антимонию брось. Стране лес нужен, и весь сказ.

КУРТЕЕВ. А людей я, где возьму?

КОМИССАР. Из деревень мобилизуй! Вотяков.

КУРТЕЕВ. Какие они работники.

КОМИССАР. Не понял.

КУРТЕЕВ. Это же крестьяне — они же ростить только могут. А тут рубить надо, ломать.

КОМИССАР. Мы все из крестьян.

КУРТЕЕВ. Ой, беда.

Лодка проплывает возле гряды завалившихся в воду деревьев. Рядом бурлят воронки. Куртевеев читает удмуртскую молитву.

КОМИССАР. Радуйся, ёлки-зелёные, — за так кубометры.

КУРТЕЕВ. Лес умирает. Ой, беда...

КОМИССАР. Да, не журчи ты! Больно хрупкий, смотрю, прям, статуэтка. Ладно, без тебя вербовать поеду.

Комиссар собирается прикурить, но не выдерживает, — шлёпает от души комара на щеке и роняет за борт спички.

КОМИССАР. Вот, леший.

Перед самой лодкой с протяжным стоном, выворачивая наружу корни, валится ещё одна вековая ель.

КУРТЕЕВ (*шёпотом*). Тихо ты. С ума сошёл, лешего в Лесу поминать.

КОМИССАР. Смотри за дорогой лучше. Подмыло корни ёлке — делов-то.

КУРТЕЕВ. От нас и подмыло, от наводнений наших.

КОМИССАР. Хватит! Лес рубят — щепки летят... А ты с другого боку глянь, Куртевеев: рубить — это же, строить, значит, верно? Стало быть, тоже ростить.

КУРТЕЕВ. Они же молятся этому Лесу.

КОМИССАР. К лешему, к лешему, стране лес нужен, и баста.

На Комиссара падает шапка снега.

КОМИССАР. Снег... В сентябре. И комары эти... Что-то зябко мне, будто следит кто за нами.

Валится ель, лодка налетает на дерево, Комиссара выбрасывает за борт.

СКИТ.

Мерцает лик Николая Чудотворца. Икона украшена еловой веткой с шишками. Рядом толстая ветхая книга с чёрными страницами. На торчащих из земляной стены корнях лежит Колек. Отшельник убирает с его лба волосы и трогает ленточку, скрытно повязанную вокруг головы.

ОТШЕЛЬНИК. Теперь и к плоту вязать не надо. Ногами по воде к людям побежишь.

Колек мотает головой, а отшельник дует на ладони, поглаживает лицо беглеца, и царапины исчезают.

ОТШЕЛЬНИК. Людозверь ты, Колек. Ни то, ни сё. Так и будешь душу рвать, пока к корням своим не привяжешься узлом-пуповиною.

Старик покачивает свитую из корней колыбель. В копне его вскоченных волос щебечут пичуги. На шее крест, языческая пластинка и еловая шишка.

ОТШЕЛЬНИК. У меня там тоже голову ломило. Человеком-то быть...

Издалека доносятся звуки мотопилы.

ОТШЕЛЬНИК. Не будет скоро нашего Леса.

Старик снимает с огня чашку с закипающим зельем, посыпает на трут сухую хвою и поит Колька, на которого валится сноп искр.

ОТШЕЛЬНИК. Чёрные глаза чтобы отнялись, гной собрался и через ухо вышел. Святый боже, святый крепкий, помилуй нас...

Из руки заснувшего беглеца падает человечек. Старик прячет игрушку ему за пазуху.

ОТШЕЛЬНИК. Нету у тебя другой дорожки... Спаси и сохрани, убереги и помилуй, и светом наполни, и к берегу управь. ...Или, впрямь, удумал зверем век вековать?

Старик пристально вглядывается в лицо парня.

СОН — ВОСПОМИНАНИЕ КОЛЬКА.

ДЕЛЯНКА — РЕКА — ЛЕС.

Два медвежонка выглядывают из-за валежины. С ними трёхлетний чумазый, растрёпанный зверёныш КОКЛЯ.

Топор вонзается в древесину — трещит падающее дерево — визжит пила — срубаются сучья — мелькают глаза, руки, лица пильщиков, сучкорубов, вальщиков — месят грязь копыта — скрипят подводы с хлыстами — летят с обрыва брёвна в воду — связки леса несутся в облаке водяной пыли — над рекой летит победный крик плотогонов, миновавших опасное место: «Э-ге-гей!»

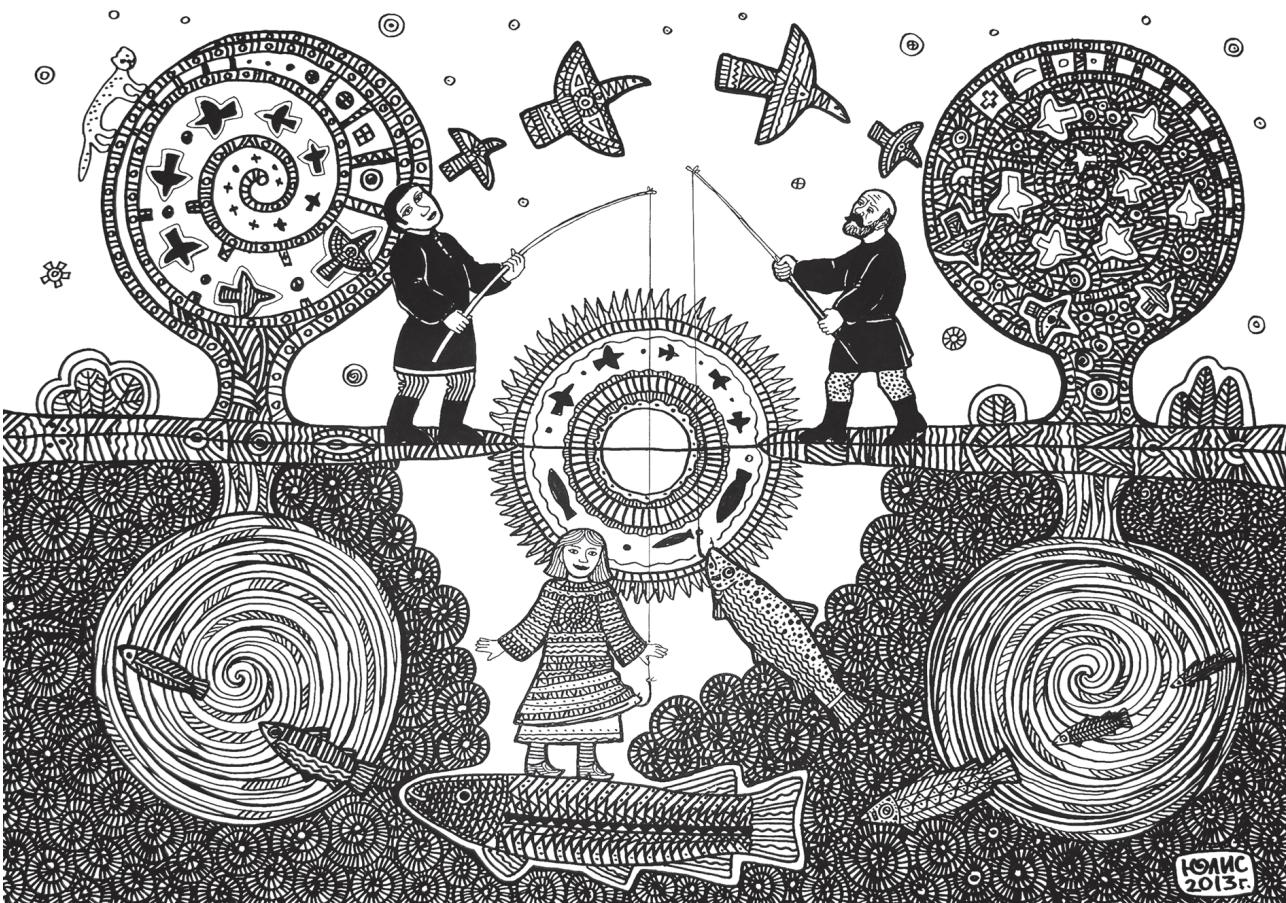
Потревоженное стадо гусей полощет крыльями по воде — туча мальков рассыпается по отмели — бегут муравьи — что есть духу, напропалую дуют в чащу медвежата, за ними на четвереньках едва поспевает зверёныш Кокля.

УКРЫТИЕ — ДЕЛЯНКА.

Колек подсматривает из-за дерева за крестьянами. Троє удмуртов о чём-то неспешно беседуют между собой, в разговоре трогают ствол дерева, поглаживают ветки, запрокинув лица к солнцу, «умываются» его лучами.

Хорошо им в Лесу. Хорошо и Кольку.

Арт-факт

Юлис
2013г.

Александр Преображенский

Преображенский Александр Сергеевич родился в 1979 году в Воронеже. Окончил отделение истории искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. С 2003 г. работает там же, на кафедре истории отечественного искусства (старший научный сотрудник). Является старшим научным сотрудником отдела древнерусского искусства Государственного института искусствознания. Кандидат искусствоведения. Автор многочисленных публикаций по истории древнерусской живописи и монографии «Ктиторские портреты средневековой Руси. XI–XVI века» (М., 2012).

Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырянской земли

В собрании Государственного Русского музея находится редкий памятник северной иконописи XV столетия — икона «Чудо архангела Михаила в Хонех», происходящая из Никольской церкви двинского села Комарицы под Котласом¹. (См. на стр. 166 илл. 1, на стр. 162 илл. 2). Она довольно давно попала в поле зрения исследователей древнерусского искусства. Ещё в 1984 г. вышла в свет монографическая публикация В. К. Лауриной, в которой речь шла главным образом о времени и месте создания этого произведения. Однако эта статья не сняла всех вопросов, которые вызывает комарицкая икона. Во-первых, её датировка концом XV в., возможно, является слишком поздней: с учётом особенностей стиля и

¹ ГРМ, инв. № ДРЖ-3047. Размер — 168 × 107 см. Вывезена экспедицией Н. В. Мальцева в 1966 г. из Никольской церкви села Комарицы (Гагарки) Котласского района Архангельской области, на левом берегу Северной Двины (существующий каменный храм построен в 1773–1781 гг.). Раскрыта в Русском музее в 1967–1970 гг. И. П. Ярославцевым. Основные публикации: Лаурина В. К. Икона «Чудо в Хонех» из деревни Комарицы // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 248–257; Преображенский А. С. Урок язычникам: икона «Чудо в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырян // Иконы Русского Севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2005. С. 93–121 (полный вариант публикуемой статьи); Иконы из Архангельской области в собрании Государственного Русского музея // Там же. С. 234–235, 254. Кат. 45 (с более ранней библиографией). См. также упоминания о памятнике: Вздорнов Г. И. О «северных письмах» // Советское искусствознание. № 80/1. М., 1981. С. 55; Смирнова Э. С. Образ монашества в русской живописи второй половины XIV в. // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 68.

палеографии надписей памятник будет правильнее отнести ко второй половине XV в.¹. Во-вторых, вывод исследовательницы о том, что икона была написана «на территории Северной Двины, по всей вероятности, в Каргополе», настораживает своей географической неопределенностью и даже противоречивостью и, кроме того, слишком удаляет предполагаемое место создания «Чуда в Хонех» от места его обнаружения. Наконец, в статье В. К. Лауриной не были рассмотрены необычные особенности иконографии этого произведения. Между тем этих особенностей довольно много, и они складываются в определенную программу.

Ключевой деталью иконы является девяносточная надпись, которая находится под изображением и поясняет происходящее. Приведём её текст в упрощённой орфографии, восполняя лакуны по очень близкому тексту «Деяния святого архангела Михаила и пономаря Архиппа» из Великих Миней Четий митрополита Макария²: «Бысть чудо святого архистратига Михаила на месте нарицаемем Херотопа, идже иските святая вода силою Христовою, творящи исцеление недужным. Мнози елини прихожаху исцеляеми, вероваху Господу нашему Иисус Христу и крещахуся. И создана бысть церковии во имя святого архангила Михаила над святою водою. И се приде отроча от Яраполя 5 лет, именем Архип, родителю крестьяну сын, и тои бе первъи пономар. Бяше бо житье ево тако. Во животе лет 70, отнелже нача работати церкви, хлеба не вкуша, ни мяс, ни вина. Пища же блаженаго бълье едино, варя, ядяше бес соли, и то единою неделено. Честную же его душу прихожаше (надо: «прохлажддаше». — А. П.) водою 3 краты тремя очк[и?]ямъ (по ВМЧ — «укиями», то есть унциями. — А. П.). Съ блажены творяще за телесны покой. Одежю свою имеяше блажены две вретище острее, во едино же оболчен, не изменоваше, дондеже скончится, в другое облачачашеся (так! — А. П.). Постель же его настлана на камения остраго, а верху камения лежаше оstryи клин (по ВМЧ — «килик», грубая шерстяная ткань, изготавливавшаяся в Килиции. — А. П.). дабы ... н ... о в...щи в хижю (в ВМЧ — «дабы не видимо было камения от входящих в хижю его». — А. П.) ... глава ...ше верху вретища на кам[е]ни терния. Тако раб Божи Архип свершаше бдение горкаго сна по вся ноць ... бог... покоя (по ВМЧ — «и николиже раб Божий имеяше покоя». — А. П.), мучая тело свое».

Эта надпись обращает на себя внимание буквально всем — и титлами, помещёнными над данными без сокращений словами, и пляшущим ритмом строк, и протяжённостью, и местом, на котором её расположил мастер. Дело в том, что

¹ По мнению А. А. Турилова, которому я приношу искреннюю благодарность за палеографическую консультацию, надписи комарицкой иконы написаны почерком, сочетающим признаки устава и декоративного письма, и могут быть датированы третьей четвертью XV в. Следует обратить внимание и на архаичность материальных признаков памятника: доски, составляющие иконный щит, скреплены накладными торцовыми шпонками, которые на протяжении первой половины XV в. выходят из употребления. Подобные шпонки известны по некоторым провинциальным произведениям второй половины XV столетия, но это обычно указывает на их тесную связь с более ранней художественной традицией.

² Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 1. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 287–288. Близкий текст содержится в Сборнике слов и поучений рубежа XII–XIII вв. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, Российская государственная библиотека, Троицк. 12 л. 38 об. – 46 об. (об этом и о надписи на иконе «Чудо в Хонех» см.: Замятин Н. А. Текстологический анализ русских иконных надписей. Дисс. ... канд. филологических наук. М., 2002. С. 170–173).

русская иконопись классического средневековья почти не знает текстов, комментирующих изображение и находящихся на нижнем поле или в нижней части средника иконы (не считая вкладных надписей с их особыми функциями, а также надписей на нескольких иконах Спаса Нерукотворного). Какой бы длинной ни была надпись, раскрывающая сюжет отдельной иконы, её детали или клейма, она располагается иначе — над изображением или рядом с ним. Такая вполне традиционная киноварная надпись «Чудо святого архангела Михаила» сохранилась и в верхней части иконы из Комариц. Лишь со второй половины XVII в. в нижней части иконной доски начинают помещать тексты молитв, виршей, тропарей святым или празднику, а также надписи, информирующие молящегося об обстоятельствах явления того или иного чудотворного образа. Однако комарицкая икона не имеет никакого отношения к этому явлению.

Пролить свет на причины появления такого произведения может лишь единственный сохранившийся аналог, который старше иконы Русского музея на целое столетие. Это знаменитая икона Ветхозаветной Троицы с шестистрочной зырянской надписью, соответствующей тексту книги Бытия (18, 1–8). (*См. на стр. 162–163 илл. 3, 4*). Как известно, она находилась в Троицкой церкви Вожемского погоста под Яренском и в конце XVIII в. была вывезена в Вологду (ныне — в Вологодском музее-заповеднике)¹. Икону принято датировать последней четвертью или концом XIV в. и связывать с деятельностью св. Стефана Пермского — просветителя пермских племён и создателя пермской письменности. Известно, что в той же Троицкой Вожемской церкви хранилась ещё одна икона с поясницательной пермской надписью — «Сошествие Святого Духа» (судя по рисунку, опубликованному П. Савваитовым, здесь надпись располагалась иначе — в верхней части средника, по сторонам огненных языков, исходящих с небес на апостолов). (*См. на стр. 167 илл. 5*). Помещённый на этой иконе текст являлся зырянским переводом 1–4 стихов второй главы Деяний апостолов². Поскольку окрестности

¹ Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. № 2780, размер — 119,5 × 74 см. См. последнюю аннотированную публикацию с библиографией и воспроизведением надписи: Иконы Вологды XIV–XVI веков / Древнерусская живопись в музеях России. М., 2007. Кат. З. С. 130–139. О судьбе иконы в XIX в. см. подробнее: Виноградова Е.А. К истории иконы «Святая Троица Зырянская» в Вологде // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 61–72. Исследования и публикации надписи: Extrait d'une letter de M. Fries, Chirurgien-Major de Oustjug Weliki et Correspondant de l'Academie // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. VI. Petropoli, 1788. Histoire. Р. 31–34; Савваитов П. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850. С. VI–VII, З. Ненум. табл.; Шестаков П. Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермского // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Январь. С. 29–46 (переиздано: Вологодские епархиальные ведомости. 1871. Прибавления. № 15. С. 556–567); Лыткин Г. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка. СПб., 1889. Отд. 1. С. 26–28. Табл. II.

² Савваитов П. Грамматика зырянского языка... С. VII. Ненум. табл.; Шестаков П. Святитель Стефан, просветитель пермский // Учёные записки императорского Казанского университета. 1868. Вып. 1; Лыткин Г. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык... Отд. 1. С. 28–29. Табл. III. Михайлов был склонен считать икону Сошествия Святого Духа более поздней, чем образ Троицы, поскольку надпись на ней была написана менее уверенными и чётким почерком (Михайлов М. Описание Устьвыма. Вологда, 1851. С. 147–148; то же: Вологодские губернские ведомости. 1850. Часть неофициальная. № 21. С. 229–230). Этого нельзя исключить, однако вполне возможно, что хронологическая разница между двумя памятниками не была существенной.

Яренска входили в ареал расселения пермских племён, а церковь Вожемского погоста именовалась Троицкой, вполне возможно, что обе иконы ещё в эпоху св. Стефана выполняли функции храмовых образов Троицкого храма и изображали обе сцены, которые в Древней Руси связывали с праздником Пятидесятницы. Таким образом, несохранившуюся икону Сошествия Святого Духа тоже можно датировать концом XIV в. Безусловна и связь этих икон с миссионерской деятельностью Стефана Пермского или его ближайших последователей, чего нельзя сказать о других предметах, которые приписывают святителю местные предания.

Таким образом, общие признаки двух икон Вожемской церкви и «Чуда в Хонех» из села Комариц позволяют связать икону Русского музея с процессом христианизации пермской земли. Правда, Котлас, из окрестностей которого происходит «Чудо в Хонех», да и вообще территории близ слияния Сухоны и Вычегды, тяготели скорее к Ростовской, чем к Пермской епархии. Однако границы диоцеза не совпадали с границами миссии св. Стефана, поскольку не охватывали весь традиционный ареал расселения зырян. Если верить Е. Е. Голубинскому, во времена Стефана зыряне еще не были отделены от Двины полосой русских поселений; более того, они селились до самого Устюга, подчинявшегося ростовским епископам¹. Примечательно, что автор Жития Стефана Пермского Епифаний Премудрый, перечисляя «иноязычников», обитающих вокруг собственно «Перми», называет среди них «устьюжан», «двинян» и даже «галичян»², то есть жителей Галича Костромского, граничившего с устюжскими землями, но никогда не входившего в состав миссионерской Пермской епархии. Существует предание (в Житии св. Стефана этот эпизод отсутствует), что просветитель Перми начал свою проповедь именно с Котласа³. Даже если это предание является позднейшим измышлением, оно интересно тем, что всё же считает Котлас и его окрестности зырянским регионом (справедливость этой мысли подтверждает и сам явно автохтонный топоним).

Ко второй половине XV в., когда была создана интересующая нас икона, ситуация времён Стефана могла сильно измениться: славянский язык надписей на образе «Чудо в Хонех» и русский топоним «Комарицы» свидетельствуют о постепенной русификации племён, живших на пограничье Пермской земли — в верховьях Северной Двины. Впрочем, смену языка можно истолковать и по-другому. Икона из Комариц ещё следует схеме «образ и развёрнутый комментарий», действовавшей на раннем этапе христианизации зырян. Следовательно, миссионерские задачи были актуальны и в эту пору, однако от проповеди на родном языке неофитов здесь уже отказались. Наметившаяся тенденция соответствует постепенному исчезновению пермской письменности, благодаря чему не сох-

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. II. П/т. 1. М., 1997. С. 271, 278.

² Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 9.

³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт: М., 1989). Примеч. 2 на с. 96; Лыткин Г. С. Зырянский край... С. 5, 46; Прохоров Г. М. Стефан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 412; Он же. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Ред. Г. М. Прохоров. СПб., 1995. С. 19. Справедливость этого предания — но не в пользу Усть-Вымы, а в пользу окрестностей Устюга — оспаривал Е. Е. Голубинский (Голубинский Е. Е. История русской церкви... С. 278).

ранилось ни одного зырянского манускрипта за исключением ряда кратких записей¹. И всё же проповедь христианства ещё велась: в 1462 г. епископ Иона крестил Великую Пермь. Состоявшееся в конце XV в. присоединение к Пермской епархии Вологды и её окрестностей спровоцировало происшедшее в XVI в. перенесение епископской резиденции из кафедрального городка Усть-Выми в Вологду. Очевидно, это событие было связано с частичным отказом от миссионерских традиций Стефана Пермского и с относительной прочностью позиций православия на Вычегде и Выми.

Несмотря на фрагментарность письменных и изобразительных источников, сообщающих о христианизации Пермской земли, три иконы с пояснительными надписями позволяют судить о возложенных на них миссионерских задачах. Безусловно, иконы Ветхозаветной Троицы, Сопшествия Святого Духа и Чуда в Хонех не принадлежат к числу иконографических редкостей. Однако именно факт широкого распространения этих тем в православном мире указывает на дополнительную смысловую нагрузку, приобретённую ими в Пермской земле. Видимо, это касалось и посвящений храмов, основанных св. Стефаном. Так, кафедральная церковь Усть-Выми была названа Благовещенской². Без сомнения, Стефану, сыну священника, клирику с отроческих лет и знатоку греческого языка³, было известно, что тропарь Благовещения определяет это событие как «спасения нашего начаток», что греческий эквивалент слова «благовещение» родственен слову «Евангелие» («благая весть») и что всё это как нельзя лучше отвечает злобе дня — началу спасительной проповеди Евангелия среди идолопоклонников. Актуальность этих идей подтверждается соответствующими рассуждениями Епифания в Житии св. Стефана (при этом агиограф отмечает особое значение месяца марта, когда празднуется Благовещение, как первого месяца года)⁴.

Не менее показательно освящение Вожемской церкви в честь Троицы и помещение в этом храме икон Ветхозаветной Троицы и Сопшествия Святого Духа. По всей видимости, им была отведена роль храмовых образов, то есть икон праздника Пятидесятницы. Если обе иконы были написаны одновременно, мы можем сделать вывод, что автор этой иконографической программы посчитал нужным обеспечить новокрещёную паству двумя вариантами праздничных икон — традиционным византийским, связывавшим с праздником Пятидесятницы образ Сопшествия Св. Духа, и русским, примерно в эту эпоху заменившим указанную композицию «Гостеприимством Авраама». Это свидетельствует о заботе самого св. Стефана или одного из его учеников о своей пастве, которой следовало знать как о первом, так и о втором варианте.

Естественно, эти иконы можно было воспринимать и порознь. К концу XIV в. изображение Ветхозаветной Троицы ужеочно связывалось с учением о трёх лицах Божества. Следовательно, именно такой образ должен был познакомить язычников с троичным догматом. Помещённая под изображением цитата из книги Бытия (18, 1–8) сообщала молящемуся о событийной основе сюжета, но не

¹ Некрасов И. С. Пермские письмена в рукописях XV века // Записки императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. Т. 51. С. 249–254; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XIV–XVII вв. М., 1977. С. 42; Прохоров Г. М. Стефан... С. 414.

² Житие святого Стефана... С. 23.

³ Там же. С. 4, 8.

⁴ Там же. С. 23.

информировала его о догматическом аспекте происходящего. Поэтому рядом с головами ангелов появились уникальные надписи (тоже на зырянском языке), определяющие ипостаси. Как известно, Отцом здесь назван средний из ангелов, и на этом основании некоторые исследователи считали, что именно Отца символизирует средний ангел рублёвской «Троицы». Однако «Зырянская Троица», скорее всего, или демонстрирует неустойчивость толкований этого сюжета, или приспособливается к молящемуся-неофиту: не исключено, что размещение Отца на наиболее почётном среднем месте казалось ему более логичным.

Вполне вероятно, что универсальное догматическое значение иконографии Троицы в данном случае было осложнено дополнительными коннотациями, которые нужно было довести до сведения зырян. Автор вожемской иконы не отказывается от изображения собственно гостеприимства Авраама, описанного в тексте на нижнем поле, очевидно, памятуя о завете, заключённом между Авраамом и Богом (Быт. 15, 18; 17, 1–22) и ознаменовавшем начало еврейского монотеизма. Это событие могло ассоциироваться как с отказом зырян от язычества в пользу христианского единобожия, так и с заявленной в Евангелии устами Иоанна Предтечи (Мф. 3, 9; Лк. 3, 8) способностью Бога «и от камения воздвигнути чада Аврааму», то есть привести к истине язычников. Примечательно, что эти слова Предтечи включены Епифанием Премудрым в текст молитвы Стефана, произнесённой им вступлением в пределы Пермской земли¹.

Пропавшая икона «Сошествие Святого Духа» тоже имеет прямое отношение к ситуации, сложившейся в Перми благодаря деятельности св. Стефана. Хорошо известно, что христианская традиция воспринимает собрание апостолов в день Пятидесятницы как момент основания земной Церкви. Продолжением апостольской миссии оказывается и возникновение Пермской епархии. Более того, возможность проповедовать на разных наречиях, полученная в этот день апостолами, оправдывала миссионерскую практику Стефана Пермского, изучившего язык своей паствы и сделавшего его языком богослужения и проповеди. Об этом постоянно напоминала икона Сошествия Святого Духа с зырянской надписью об апостолах, удостоенных дара говорения на языках.

Итак, можно считать доказанным, что выбор определённых сюжетов и сопровождение их пермскими надписями позволили актуализировать некоторые идеи православного вероучения для их популяризации в среде христиан-неофитов. Этот прагматический подход к иконографии демонстрирует и икона из села Комарицы. Правда, она выполняет несколько иную задачу, внушая зрителю, что церковь как институт, церковь как конкретная культовая постройка, а также служители церкви находятся под защитой небесных сил. Собственно, эту идею иллюстрирует любое изображение Чуда в Хонех: это чудо, как известно, заключалось в том, что архангел Михаил защитил свой храм и пономаря Архиппа от козней язычников, испугавшихся падения популярности их богов². Трудно сказать, насколько частыми были конфликты между православным духовенством Пермской епархии и некрещёными аборигенами. Епифаний Премудрый сообщает об их относительной пассивности, хотя и указывает на оппозицию действиям Стефа-

¹ Там же. С. 18.

² См. тексты сказания о Чуде в Хонех: Великие Минеи Четии... Вып. 1. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 286–293, 299–306.

на (самый яркий пример — спор епископа с волхвом Памом)¹. И то, и другое можно считать данью законам жанра — с одной стороны, для большей убедительности у святого должны быть оппоненты («внide яко овца посреде волк»), с другой стороны, ему дана власть смягчать сердца жестоковыхых язычников. Тем не менее, гибель двоих пермских иерархов Герасима и Питирима свидетельствует о том, что даже спустя многие годы после основания епархии проповедовать в этих местах было не так уж просто. Естественно, что в искони финно-угорском регионе долгое время сохранялись языческие традиции, аналогичные обычаям, которые в 1501 г. стали поводом для появления послания митрополита Симона, внушиавшего пермякам (правда, уже камским, но к тому времени также крещёным): «А кумиром бы есте не служили, ни треб их не принимали, ни Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаяу, и всех Богу ненавидимых тризнищ не творите идолом»². К тому же источником угрозы могли быть не сами зыряне, а их соседи vogуличи, жертвой которых и стал епископ Питирим.

В таком случае икона, напоминающая о Чуде архангела Михаила в Хонех с помощью изображения и текстового комментария в виде славянской, а не зырянкой надписи, предназначалась для всех проживавших в этом регионе православных, будь то русские или частично обрусовшие угро-финские племена. Вероятно, в северодвинских землях архангела Михаила воспринимали как защитника православного народа и безотносительно к проблеме христианизации местного языческого населения: в Великом Устюге, главном форпосте православия в этом регионе, уже в XIII в. существовал Архангельский монастырь. Любопытно, что поздние предания о св. Стефане, не зафиксированные в его Житии, сообщают о возведении первым пермским епископом храма в честь архистратига — в память о дне вступления в пермские пределы³. Очевидно, благодаря легенде о чуде в Хонех строительство Архангельских храмов прочно связалось с обращением язычников⁴: аналогичный мотив, проникший и в изобразительную традицию, содержится в легенде об обращении в христианство Афин и в преданиях о Леонтии Ростовском, не говоря уже о знаменитом объяснении топонима «Выдубичи» на Днепре ниже Киева — в месте, где пристал к берегу свергнутый языческий идол и где при князе Всеvolоде Ярославиче был основан монастырь св. Михаила (примечательно, что по крайней мере в XVII в. собор Выдубицкого монастыря был посвящён именно празднику Чуда в Хонех 6 сентября).

¹ Житие святого Стефана... С. 19–20, 25, 27, 30, 39–58.

² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. И. Харьков, 1916 (репринт: М., 2000). С. 129.

³ Михайлов М. Описание Устьвыма... С. 41, 63–69; Лыткин Г. С. Зырянский край... Примеч. 1 на с. 48; Григорий, иеромонах. Рядная запись 1683 г. на построение деревянного собора Архистратига Михаила близ Устья Выми // Известия Императорского Археологического общества. Т. 4. СПб., 1863. Вып. 1. Стб. 72–74; Прохоров Г. М. Стефан... С. 412–413; Гуров С. И. Формирование и особенности монастырской системы Коми края // Уваровские чтения — III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром, 2001. С. 109. Ср. также сведения об основании Стефаном ещё одного Архангельского храма — в Яренске.

⁴ О миссионерском аспекте культа архангела Михаила см. подробнее: Rohland J.P. Der Erzengel Michael, Arzt und Feldherr. Zwei Aspekte des vor- und frühbyzantinischen Michaelkultes. Leiden, 1977. S. 109–112; Габели С. Циклус архан•ела у византијској уметности. Београд, 1991. С. 29.

Спасение церкви архангелом Михаилом — лишь кульминация предания о чуде в Хонех. Между тем замысел комарицкой иконы наверняка учитывал и предысторию этого сюжета. Согласно сказанию о чуде, особый статус места, где стоял храм, был предопределён ещё в апостольские времена, поскольку явление архистратига Михаила предсказал побывавший здесь Иоанн Богослов. После того, как этот евангелист посетил Херетопу, на месте будущей церкви забил целебный источник, ставший причиной исцеления и крещения многих язычников. Один из таких неофитов, житель города Лаодикей, и был строителем церкви в честь архангела Михаила. Сюжет сказания о Чуде в Хонех, благодаря мотиву чудесного источника и усмирения водной стихии, можно с полным правом счесть очередным проявлением связи культа архангела Михаила с почитанием целебных источников — связи, которая в христианизированном виде стала убедительной альтернативой почитанию водных божеств в языческой или полуязыческой среде. Великие реки русского Севера и «поганство» местного финского населения сделались поводом для актуализации этого аспекта архангельского культа и обращения к иконографии Чуда в Хонех. В связи с этим можно вспомнить об основании митрополитом Алексием — старшим современником Стефана Пермского — Чудова (то есть посвящённого именно Чуду в Хонех) монастыря в Московском Кремле. Это событие в трактовке более поздних источников стало следствием митрополичьего визита в Орду и исцеления ханши Тайдулы: здесь просматривается и апелляция к целительскому аспекту почитания Михаила (он был актуален не только из-за слепоты татарской царицы, но и в связи с постигшим Русь мором), и желание отблагодарить архангела за благополучный исход единовременного, но опасного своей непредсказуемостью контакта с иноверцами.

Показав связь исследуемого сюжета с положением дел в Пермской земле и её окрестностях конца XIV–XV вв., перейдём к особенностям его трактовки на иконе из Комариц. Возможно, что доходчивости изображения должен был способствовать внушительный размер иконы, высота которой достигает почти 170 сантиметров (кажется, это самая крупная из всех известных византийских и русских икон Чуда в Хонех). Однако первостепенная роль всё же принадлежала надписи на нижнем поле. Как ни странно, в этом тексте нет ни слова о самом чуде: он практически полностью посвящён характеристике пономаря Архиппа и его аскетических подвигов. Впрочем, этот казус поддаётся объяснению: пояснительный текст, равно как и пермские надписи на иконах Троицы и Сопшествия Святого Духа из Вожемской церкви, довольно точно воспроизводит конкретный литературный источник. Во всех этих случаях цитирование начинается не с середины повествования, а с самого его начала, хотя в комарицкой иконе исходный текст даётся с пропусками и в переработанном виде. Судя по резкому уменьшению размеров букв в последних строчках надписи, для рассказа о спасении архангелом церкви от язычников попросту недоставало места; при том, что последняя строчка оказалась неполной, её остатка явно не хватило бы для описания кульминационного момента. Это обстоятельство существенно снизило эффективность замысла иконы (сходным образом дословная библейская цитата на нижнем поле «Зырянской Троицы» оказалась фактически неадекватной по отношению к актуальной для современников Стефана Пермского символике этого сюжета). Впрочем, для миссионерских целей было достаточно ссылки на литературную основу, упоминания о цельбоносной силе источника, о появлении над «святою водою» церкви в честь

архистратига и, самое главное, о крещении исцелённых язычников. Воспетый же в надписи пономарь Архипп становился идеальным прообразом церковнослужителя и монаха, чья горячая молитва способна противостоять чьему бы то ни было злому умыслу.

Итак, надпись на нижнем поле выполняла комментирующие функции, существуя по соседству с изображением. Между тем ещё один текст был включён в состав самой композиции. Речь идёт о развернутом свитке в левой руке архангела Михаила — уникальной детали, которая отсутствует почти во всех известных византийских и русских изображениях Чуда в Хонех. Надпись на свитке, к сожалению, не везде ясно читаемая, выглядит следующим образом: «Божии есми воевода движка оружие на [в?]со[т?]у Божью и уст[раша?]ю жьим о».

Бесспорно, эта надпись — от лица самого архангела Михаила: главный герой комарицкой иконы, как бы компенсируя неполноту надписи на нижнем поле, лично заявляет пономарю Архиппу и молящемуся о характере своей деятельности. Он Божий воевода, а в данном случае — защитник конкретного храма. Такого рода заявления в литературной и изобразительной традиции весьма нередки и, очевидно, восходят к словам, которые произнёс муж с обнажённым мечом, явившийся Иисусу Навину и издревле отождествляемый с архангелом Михаилом: «Я вождь воинства Господня, теперь пришёл» (Иис. 5, 14). Тем не менее, почти все изображения явления архангела Михаила Иисусу Навину обходятся без свитка с такого рода надписями. Однако в позднесредневековой иконографии всё же известны одиночные изображения архистратига в воинских доспехах и с развернутым свитком. Они восходят к единому источнику — образу архангела Михаила в воинских доспехах у храмовых дверей. В качестве примера назовём памятник, близкий по времени «Чуду в Хонех» из Комариц и сохранивший первоначальный текст на свитке — изображение архангела Михаила на западном фасаде собора Ферапонтова монастыря (1502 г.). (См. на стр. 166 илл. 6, 7). На его свитке читается следующая надпись: «Божии есми воевода оружие движу на высоту страшаа...». Близость двух текстов и смысл изображения архангела у храмовых врат (Михаилу отводится роль защитника церковного входа, очевидно, по аналогии с его же ролью хранителя райских дверей, закрытых для согрешивших Адама и Евы) позволяют предположить, что инкрустация этого мотива в иконографию Чуда в Хонех стала совершенно сознательным актом. Очевидно, это была вполне узнаваемая цитата: реальный храм, у дверей которого изображался вооружённый архистратиг, заменялся изображением знаменитого святилища в честь архангела, которому в своё время угрожала серьёзная опасность. Иными словами, свиток в руке архангела стал недвусмысленным предупреждением всем язычникам, покушающимся на христианские церкви и их клириков.

Изображение язычников, пытающихся разрушить храм, довольно часто включалось в состав композиции «Чудо в Хонех», хотя не было её обязательным элементом. Фигуры язычников присутствуют и на комарицкой иконе. Однако этот вроде бы традиционный мотив трактован не совсем обычным образом. Прежде всего, язычников здесь очень много — двенадцать человек. Они вооружены лопатами и заступами и составляют два симметричных отряда, как бы марширующих по склонам двух гор, вдоль которых текут направляющиеся к храму потоки. Очевидно, комарицкий мастер в назидательных целях пытался подчеркнуть серьёзность намерений безбожников. Олицетворяемая ими опасность соразмерна

и высоте иконной доски, и громадной фигуре архангела, и внушительному облику спасённого храма.

Итак, есть все основания связывать язычников комарицкой иконы с её миссионерскими задачами. Кажется, это предположение подтверждается и тем, что язычники изображены обнажёнными (и, возможно, с хвостами)¹. Последняя особенность практически несвойственна изображениям Чуда в Хонех XIV–XVII столетий. Мастера этого времени не прибегают к столь карикатурному способу изображения неверных: последние, как правило, показываются в более крупном масштабе, вполне одетыми, и вообще имеют благообразный облик, даже если вниз головами низвергаются вдоль потока. Однако странная деталь, которую на первый взгляд можно объяснить провинциальной непосредственностью памятника, имеет древние прототипы. Кроме композиции на южных вратах собора Рождества Богородицы в Суздале (1220-е – 1230-е гг.), это два византийских произведения, раскрывающие смысл данного мотива: миниатюра Менология рубежа XI–XII вв. в венецианской библиотеке Марчиана и композиция позднего XII в. в кастирийской церкви свв. Козьмы и Дамиана. В обоих случаях язычники были изображены крылатыми и нагими демонами. Таким образом, «Чудо в Хонех» из Комариц продолжает древнюю традицию, основанную на текстах сказания о чуде и приравнивающую язычников к бесам и, что нимало не противоречило этой трактовке сюжета, к ложным богам-идолам (в том виде, как изображалось их падение в сценах бегства Богоматери с Младенцем Христом в Египет). Очевидно, «портретные черты» дьявола передавались язычникам по библейскому принципу «образа и подобия» (Быт. 1, 26) через посредство их ложных богов, тех самых, которые, согласно знаменитому пассажу из Повести временных лет, «живут в безднах, суть же образом черни, крилати, хвосты имуще»². Актуализация старинного мотива — ещё одно доказательство миссионерского назначения комарицкой иконы: иконописец подчёркивает, что архангел Михаил сталкивается не просто с злоумышленниками, но со своим исконным врагом — диаволом. Здесь можно вспомнить ещё одну композицию на южных вратах сузdalского собора — сцену низвержения ангельским воинством сатаны и его демонов, которые показаны в виде обнажённых существ с крыльями и хвостами. (См. на стр. 167 илл. 8, 9).

Неизвестно, принадлежит ли замысел иконы её автору и его современникам или она является репликой более раннего произведения. Последнее вполне вероятно, поскольку концепция образа в целом близка «Зырянской Троице» — памятнику времени Стефана Пермского и его ближайших учеников. Следовательно, нельзя исключить, что икона Русского музея воспроизводит один из компонентов визуальной проповеди самого св. Стефана. Поводом же для актуализации этой иконографии могла стать деятельность погибшего в 1455 г. пермского епископа Питирима, который до своего епископства был архимандритом «у Архангела

¹ Детали, которые в статье 2005 г. были приняты мною за хвосты, на самом деле, очевидно, представляют собой элементы подготовительного рисунка обнажённых фигур, не вполне совпадающего с их окончательными очертаниями. Впрочем, именно из-за этого несовпадения, возможно, допущенного сознательно, язычники и первоначально могли восприниматься как хвостатые, тем более что такая трактовка их фигур хорошо вписывается в общий символический замысел иконы.

² Полное собрание русских летописей. Т. И. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 179. О восприятии языческих богов как бесов в древнерусской книжности см.: Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914 (репринт: М., 2003). С. 108–111, 117–118.

Михаила у Чюда» в Москве¹. Разумеется, вопрос о том, не повторяла ли комарицкая икона древний храмовый образ Чудова монастыря, который наверняка видел и бывавший в Москве Стефан Пермский, навсегда останется открытым, тем более что по стилю исследуемый памятник принадлежит не к столичной живописи, а к провинциальному варианту среднерусской, скорее всего, ростовской традиции. Учитывая происхождение иконы из верхнедвинского региона, можно предположить, что она создана мастером из ближайшего крупного города — Великого Устюга.

Таким образом, комарицкое «Чудо в Хонех» — не просто обаятельный провинциальный памятник, но редкий источник по небогатой событиями истории миссионерской деятельности Русской церкви в эпоху средневековья. Даже если это произведение было создано для храма, посещавшегося не зырянами, а русским населением Верхней Двины, его всё равно следует считать отголоском миссионерской деятельности епископов соседней Пермской епархии. В известной степени эта икона компенсирует дефицит информации и отсутствие материальных свидетельств о проповеди христианства на окраинах Руси XV—XVI вв. Тем не менее, следует учитывать обособленность и своеобразие этого памятника. Иконы с текстами-комментариями для Руси и даже византийского мира — столь же уникальное явление, как и пермская грамота, изобретённая св. Стефаном. Всё это — плоды деятельности одного незаурядного человека, чьи идеи на протяжении целого столетия сохраняли свою актуальность, поскольку стали основой локальной традиции. Необходимо подчеркнуть, что практика пермской миссии включая перевод богослужебных текстов и создание икон с надписями-комментариями вообще резко контрастирует с неразвитостью византийской миссионерской практики².

Несмотря на легко реконструируемый замысел комарицкой иконы, остаётся неясным вопрос, почему пермская традиция удержала в своём арсенале столь редкий тип образа — иконное изображение в сочетании с пространным текстом: потому ли, что он действительно помогал наставлять новокрещёных, или же потому, что был освящён авторитетом местного святого. Во всяком случае, этот тип, насколько можно судить по иконам из вожемской и комарицкой церквей, обладал несколькими привлекательными для Стефана и его преемников особенностями. Он иллюстрировал идею взаимодополняемости священного образа и священного текста. Он позволял охватить различные аспекты местной церковной жизни, будь то проповедь христианских догматов, полная опасностей деятельность клира или перевод богослужебных текстов на местное наречие, освящённый включением пермских письмен в структуру сакрального изображения. Он был удобен своей единственностью и доступностью, поскольку внимание зрителя было сосредоточено на текстах и говорящих деталях композиции. По всей видимости, иконы типа «Зырянской Троицы» и комарицкого «Чуда в Хонех» воздействовали не столько на язычников, сколько на христианизированное население и духовенство чисто миссионерской по своему назначению епархии, а также соседних земель: от таких икон зависела самоидентификация этих людей как вечных должников и продолжателей апостольских деяний епископа Стефана.

¹ Буланин Д. М. Житие Питирима, епископа Пермского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988. С. 321–322; Он же. Питирим // Там же. Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 133–135.

² См. об этом: Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Елена Виноградова

Виноградова Елена Анатольевна, 1959 г. р., в 1989 году окончила Вологодский государственный педагогический институт по специальности «Учитель истории» и в 1995 году Российской институт переподготовки работников искусства и культуры /Москва/ по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры».

С 1983 года работает в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, с 2001 года в должности главного хранителя.

Область научных интересов Виноградовой Е. А. — «Древнерусское искусство», «История вологодской иконописи», «История собрания Вологодского государственного музея-заповедника». Имеет более 30 публикаций по данным темам в российских и зарубежных изданиях, неоднократно выступала с докладами на областных, российских и международных конференциях.

Из истории иконы «Св. Троица Зырянская» в Вологде*

Икона конца XIV века «Св. Троица Ветхозаветная (Зырянская)» с XIX века до наших дней является предметом устойчивого интереса лингвистов, историков, искусствоведов¹. Памятник является одним из немногих сохранившихся свидетельств миссионерской деятельности св. Стефана, епископа Пермского (1383–1396), чья пламенная проповедь звучала среди северного народа коми-зырян, пребывавшего в язычестве и не имевшего своей письменности. Результатом подвига св. Стефана было не только обращение в христианство значительной части населения, проживавшего по рекам Вычегде и Сысоле, но и создание зырянской

* Данная публикация является доработанным вариантом публиковавшейся ранее статьи того же автора «К истории иконы «Святая Троица Зырянская» в Вологде» // Вестник церковной истории. М., «Православная энциклопедия» 4(8)/2007. С. 61–72.)

¹ Е. Болховитинов «О древностях вологодских и зырянских», СПб., «Вестник Европы», 1814, № 15, 16; Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Составитель Болховитинов Е.. СПб., 1827. С. 230–251; Савваитов П. И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850; Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке // Труды 1-го Археологического Съезда в Москве. Т. П. М., 1871. С. 408–416; Шестаков П. Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермского // «Журнал министерства народного просвещения», 1871, январь. С. 29–46; Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка. Составитель Г. Лыткин. СПб., 1889, Отдел 1. С. 26; Лебедев В. О святынях Вологодской епархии, ВЕВ, 1900, №№ 21, 23, 24. и 1901 №№ 1, 2; Успенский А. И. Очерки по истории русского искусства. Т. 1: Русская иконопись до XV века включительно. М., 1910. С. 12–14; Лебедев В. От Вологды до Ульянова монастыря на дальнем Севере у зырян //Труды IV обл. историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 года. Кострома, 1914. С. 49–129; Лукомский Г. К. Вологда её стариине. СПб., 1914/ С. 80; Лазарев В. Н. Живопись и скульптура Новгорода // История русского искусства. Т. II. М., 1954. С. 264; Демина Н. А. Троица Андрея Рублёва. М., 1963/ С. 49–51, 54; Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1966/ С. 53, 18; Л. И. Лифшиц. Икона «Донской Богоматери» // Древнерусское искусство. Художественная

письменности, древнейший образец которой сохранился на белом фоне в нижней части средника иконы «Св. Троица Ветхозаветная (Зырянская)» (Быт. XVIII, 1–8). История бытования и почитания этого широко известного памятника остаётся неясной, в связи с чем попытаемся сопоставить легендарные сведения и известные нам факты, подтверждённые документами из Государственного архива Вологодской области и собраний музеев-заповедников Вологды и Великого Устюга.

Интерес к культуре зырян, их быту и верованиям, и, в первую очередь, к зырянской письменности значительно возрос в конце XVIII века. Экспедиции академика Ивана Лепёхина, обследовавшей в 1771 г. селения на реках Лузе, Сысоле и Вычегде, не удалось найти ни одного памятника зырянской письменности. Результатом поисков стали лишь названия пермских букв, записанные по-русски. Казалось, что зырянская азбука безвозвратно утрачена вместе с христианскими книгами, которые Св. Стефан перевёл на зырянский язык. В 1788 г. удача улыбнулась устюгскому штабс-лекарю, академику Якову Фризу¹, узнавшему об уникальной иконе Св. Троицы с зырянскими надписями в Вожемской церкви Зырянской волости, расположенной в 40 верстах от Яренска вниз по реке Вычегде. К тому времени надписи на иконе были уже непонятны зырянам, и никто из них не смог прочесть написанный по-зырянски текст, т.е. стефановская письменность была полностью забыта². Трудно переоценить значение

культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI веков. М., 1970. С. 126; Г. И. Вздорнов. Новооткрытая икона «Троицы» из Троице-Сергиевой лавры и «Троицы» Андрея Рублёва // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI веков. М., 1970. С. 128; Вздорнов Г. И. Вологда. Л., 1972. С. 45–54; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. М., 1989. С. 414; Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды XIII – начала XX века. Л., 1980. С. 12, илл. 4,5; илл. 228–230; Рыбаков А. А. Вологодская икона. М., «Галарт», 1995, с. 343, 228–230; Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. Редактор-составитель И. А. Кочетков. М., «Индрик», 2003. С. 474; Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города. Вологда, «Древности Севера», 2004. С. 34; Вологодская энциклопедия. Вологда, «Русь», 2006. С. 476; Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., «Северный паломник», 2007. С. 130–137; Виноградова Е. А. К истории иконы «Святая Троица Зырянская» в Вологде // Вестник церковной истории. 4 (8)/2007. М., «Православная энциклопедия». С. 61–72.

¹ Яков Фриз составил в 1791 г. «Историческое и физическое описание города Устюга», в 1798 г. — «Физическое и топографическое краткое описание всей Вологодской губернии с медико-физической ландкартою» (напечатано в Технологическом журнале АН, т. 3, часть 1, 1806 г.).

² По мнению А. С. Преображенского, исследовавшего другой памятник, связываемый им с зырянским краем, от проповеди на родном языке новообращённых отказались уже во второй половине XV века. См.: Преображенский А. С. Урок язычникам: икона «Чудо в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырян // Иконы русского севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. М., «Северный паломник», 2005. С. 93–121; С. М. Котылев считает, что стефановская письменность вышла из употребления не позднее XVI столетия. См. Котылев А. Ю. Социокультурное значение образа и деяний святителя Стефана Пермского в свете исторических аналогий// Памяти равноапостольного Стефана. К 610-летию успения св. Стефана Пермского. Материалы расширенного заседания учёного совета Национального музея Республики КОМИ. Сыктывкар, 2006, с. 18. Предпринимаемые в XIX в. попытки «возрождения» зырянской письменности и «чистого зырянского языка», на котором говорили во времена Св. Стефана, не дали желаемого результата, т.к. язык подвергся к тому времени значительным изменениям, «Краткая грамматика зырянского языка и зырянско-русский словарь» Г. С. Лыткина оказались слишком сложными для освоения людьми, не получившими хорошего образования. Называя воссозданный исследователем зырянский язык «исторической гипотезой», священник Д. Попов отмечает, что рассылаемые для бесплатной раздачи учащимся и народу издания на зырянском языке «остаются без употребления», «зырянин не любит их, не читает, не берёт даже в руки, так как они не понятны и недоступны ему». См. Отзыв о книгах Г. С. Лыткина // ВЕВ 1904 г. № 5.

единственного памятника с зырянской надписью для изучения этого утраченного письма и попыток возрождения древней зырянской письменности.

Многочисленные публикации содержат легендарные сведения поздних преданий о написании иконы св. Стефаном, епископом Пермским, для Вожемской Троицкой церкви во время его последней поездки в Москву (1395–1396 гг.), но эта легенда вызывала сомнения ещё в начале XIX в. Преосвященный Евгений (Болховитинов)¹ в «Словаре историческом о Российских писателях духовного чина» пишет: «Кем и когда писана Вожемская Троицкая икона, и от кого тамошней церкви досталась, никаких нет сведений, ни признаков по самой иконе, кроме народных преданий о троекратном чудесном её перенесении из Цилибинской Рождественской церкви», т.е. учёному-иерарху, проявлявшему немалый интерес к данному памятнику, была известна единственная легенда о троекратном перенесении иконы в Цилиб на противоположный берег реки Вычегды и чудесном возвращении её назад. Преосвященный Евгений считал сообщение о вложении иконы в Вожемскую Троицкую церковь самим Стефаном Пермским выдумкой Я. Фриза, который сначала заявил о древности существующей на этом месте церкви, относя её постройку ко времени жизни первого пермского епископа², а затем, «для уважения своей находки», написал, что и икона вложена в церковь самим святителем. Привлекательная легенда обрастила новыми подробностями, и, по мнению преосвященного, в результате домысла другого «мечтателя» появилось сообщение о написании образа самим св. Стефаном, об иконописных трудах которого нет никаких сведений ни в житии, написанном через год после его кончины³ лично знавшим святителя иеродиаконом Епифанием Премудрым, ни в каких-либо других сохранившихся источниках. Иную роль в создании иконы отводит св. Стефану Пермскому и автор описания Вологодского архиерейского дома, опубликованного в 1898 г. Перечисляя наиболее важные дела епископа Вологодского и Устюжского Арсения (Тодорского), он сообщает и о перенесении в вологодский кафедральный собор древней иконы Св. Живоначальной Троицы «с надписью на ней зырянскою, писанною по преданию св. Стефаном просветителем зырян»⁴. На рубеже 19–20 столетий в описании святынь епархии наряду с образом св. Троицы, находившейся

¹ Евгений Болховитинов (Евфимий Алексеевич) (1767–1837) — известный учёный-иерарх, оставилший после себя научные труды в области археографии, русской истории и церковно-исторических древностей, с 1808 по 1813 гг. епископ Вологодский.

² Евгений Болховитинов приводит сведения о том, что первая деревянная церковь стояла до 1686 г., вторая деревянная церковь на этом месте просуществовала до 1797 г., каменный храм построен в 1772 г. (См. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. 1818. С. 250), однако, само существование столь древнего храмового образа в Вожемской Троицкой церкви косвенно свидетельствует в пользу возникновения храма на этом месте во времена Стефана Пермского.

³ Св. Стефан Пермский скончался в 1396 г., в Москве, канонизирован в 1549 г., был похоронен вдоль северной стены притвора Спасо-Преображенского собора Московского Кремля, затем останки святителя были торжественно перенесены в основной объём храма, в 1909 г. во время исследования комиссией Синода были смешаны с костями других захоронений и погребены на прежнем месте. Спасо-Преображенский собор разобран в 1933 г., место нынешнего погребения мощей св. Стефана неизвестно. См. Судьба некрополя Спасо-Преображенского собора и захоронения святого Стефана Пермского // Протоиерей Владимир Клюев, Т. Д. Панова. Святитель Стефан, епископ Пермский и история некрополя Спасо-Преображенского собора Московского Кремля. М., 2006. С. 67–89.

⁴ Вологодский архиерейский дом. Вологда, 1898. С. 49.

в то время в Воскресенском соборе г. Вологда, включаются сообщения о других произведениях святителя Стефана с зырянскими и древнеславянскими надписями¹. Эти легенды могли возникнуть на почве «известности» иконы «Св. Троицы Зырянской» уже в XIX в. Во всяком случае, логично предположить, что они не были известны ни перевезшему в епархиальный центр именно этот, единственный, образ епископу Арсению, ни занявшему место на вологодской кафедре через 6 лет после него Евгению Болховитинову, знаяшему о существовании других икон с зырянскими надписями. Сбором преданий и поверий занимались члены постоянной церковно-археологической комиссии при вологодском Обществе Всемилостивого Спаса и привлечённые ими для составления описаний «замечательных по древности храмов епархии» лица, путешествовавшие по епархии миссионеры. Легенды, связывающие церковные реликвии с именем св. Стефана Пермского, могли быть взяты из сообщений приходских священников, собранных для церковно-исторического и статистического описания церквей епархии. Так, например, учитель Устьысольского уездного училища М. Михайлов в «Описании Устьвыма»² сообщает о существовании в Яренском уезде сказания о кресте с резной надписью, изготовленном и поставленном Стефаном Пермским в часовне при Троицкой церкви в Удоре. «К кресту до сих пор не прикоснулась разрушительная сила тления и, как утверждают местные жители, горело много часовен, но крест оставался цел и невредим». М. Михайлов утверждает, что надпись на нём во многих местах «сладилась» и даже невозможно понять на русском или зырянском языке она выполнена. Однако в церковно-историческом и статистическом описании Устьысольской Благовещенской церкви Яренского уезда 1854 г. находим острую критику в адрес этого автора: «Господин Михайлов увлекается излишнею смелостью и в других случаях: в неофициальной части № 10 за 1850 г. он говорит, будто бы крест в часовне при Бесленской Троицкой церкви в Удоре, которая до учреждения штатов была пустынею, поставлен святым Стефаном самим, но в этой ошибке обличает его сама подпись на кресте. Он поставлен около 7070 (1562) — ого года». К сожалению, критикуя М. Михайлова, авторы статистического описания не приводят точную надпись на кресте, видимо, по причине многочисленных потёртостей, затрудняющих её прочтение, но сам факт выражения недоверия автору «Описания Устьвыма» говорит о том, что легенда не имела широкого распространения в kraе и не подтверждена датирующей надписью на кресте.

Вопрос об авторстве Св. Троицы на сегодняшний день нельзя считать закрытым, исследователи относят её к великоустюжскому кругу памятников древнерусской живописи: Г. И. Вздорнов высказывает предположение о написании иконы великоустюжским мастером³; А. А. Рыбаков, относя памятник к тому же иконо-

¹ Икона Сопшествия Святого Духа из той же Вожемской церкви с надписью «пермскими письменами» четырёх стихов второй главы Деяний Святых Апостолов; икона Святителя Николая Мирликийского в Михайло-Архангельской Шешкинской церкви; крест с живописным изображением Голгофского креста в часовне, существующей более 300 лет близ деревни Крестовской Яренского уезда, и чудотворная икона Спаса Нерукотворного в Спасской Иртовской церкви Яренского уезда.

² ВГВ, 1850, № 10. Часть неофициальная; Описание Устьвыма. Вологда, Губернская типография, 1851. С. 76–77.

³ Вздорнов Г. И. Вологда. Л., 1972. С. 45–54.

писному центру, находит вполне возможным, что творения уроженца Великого Устюга Св. Стефана, прошедшего выучку в Ростове Великом, вполне могли стать началом распространения ростовской художественной традиции в северных землях¹, хотя отсутствие икон этого периода с документально подтверждённым устюжским происхождением лишает данную научную гипотезу необходимых доказательств.

«Дорожные заметки» П. И. Савваитова, опубликованные в журнале «Москвитянин» в 1848 г. (№ 12), и описание церкви Преподобного Симеона Столпника в г. Великом Устюге, составленное протоиереем Устюжского Успенского собора А. М. Поповым, содержат описание копии Зырянской Троицы, находившейся в холодном храме у правого столба трапезной Симеоновской церкви в Великом Устюге. На её обороте была выполнена надпись с легендой о написании подлинника: «сей образъ Святый Троицы Живоначальныя снятъ съ подлиннаго зырянскаго образа, находящагося в Яренской округи, Вожемской волости, въ Троицкой старинной деревянной церкви. Оный, по словеснымъ народнымъ сказкамъ, якобы писанъ собственными рукама Святаго Стефана Епископа Великопермскаго, въ то время, когда онъ, плывши по реке Вычегде обратно изъ Перми въ Москву, по причини ненастной погоды, остановился на правомъ берегу, ниже Яренска въ 30 верстахъ, и въ знакъ своего пребывания там приказал построить церковь и сей образ в оную приложил»². К сожалению, дата написания списка, как и его местонахождение в настоящее время, неизвестна, что оставляет не ясным вопрос о времени возникновения народных преданий, упоминаемых в надписи. Сообщая об иконе из Вожемской Троицкой церкви в «Летописи города Устюга» 1793 г.³, Яков Фриз не упоминает о существовании великоустюгского списка. Поскольку из надписи следует, что подлинная икона на момент его написания находилась в деревянной церкви, просуществовавшей до 1797 года, можно предположить, что список сделан между 1793 и 1797 гг. Представляется маловероятным его создание раньше обнаружения подлинника в 1788 г., хотя версия о великоустюгском списке как источнике информации о месте нахождения подлинника для Я. Фриза также достойна внимания. Если верить имеющемуся в надписи сообщению о нахождении «Святой Троицы» в Вожемской церкви, то список должен был появиться раньше перенесения иконы в Вологду, а поводом к его написанию вполне могло быть особое почитание устюжанами святителя в его родном городе⁴. Преосвящен-

¹ Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды. Ленинград, «Художник РСФСР», 1980. С. 12; Рыбаков А. А. Вологодская икона. М., «Галарт», 1995. С. 343.

² См. ВЕВ, 1885, № 21. Прибавления. С. 430 («Образ Св. Троицы, стоящий в трапезной у правого столпа. Сей образ считается списком с образа Св. Троицы, писанного Стефаном Епископом Пермским, находящегося при Вожемской Троицкой церкви Яренского уезда. величиной образ: в длину аршин и девять вершков, а в ширину аршин. Укращений на нём нет, а есть зырянская подпись, написанная на лицевой стороне внизу ясно, чётко, для знающих язык зырянский»). Арсений Попов отмечает, что образ не отличается «ни древностью, ни особым искусством»; Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке // Труды 1-го Археологического Съезда в Москве. Т. II. М., 1871. С. 408–416.

³ См. рукопись в собрании Великоустюгского музея-заповедника, Инв. № ВУМЗ 24202, л. 7: «Ныне же в одной только из зырянских селений церкве ниже Яренска в 30-ти верстах находится образ, приложен самим оным Стефаном Епископом Пермским при последнем Его отществии в Москву, почему и хранится оный при той церкви для вечной его памяти»; Журнал «Северный архив», 1822 г. № 11 и следующий.

⁴ В летописи Велико-Устюгского Успенского собора в 1816 г. зафиксировано установление местного праздника: «Установлено празднование Святителю Стефану, уроженцу от клирика Успен-

ный Евгений не только знал о существовании копии, но и лично видел этот список, отмечая в своём труде лучшую сохранность надписей на нём, нежели на подлиннике¹. Если создание устюжской копии было результатом преподнесения устюжанам своей находки как уникального творения св. Стефана Яковом Фризом и относится к последнему десятилетию XVIII века, то надпись на ней вполне может содержать упоминание о предании, появившемся вовсе не в народной среде.

Хотя написание иконы самим епископом по дороге в Москву представляется маловероятным, создание произведения в период времени, исторически совпадающий с миссионерской деятельностью святителя, не вызывает сомнений. Икона служила храмовым образом Вожемской Троицкой церкви, т.е. св. Стефан мог выступать в данном случае в роли заказчика иконы, как во многих других случаях, когда он, по свидетельству жития, «украшал» церкви, возводимые в местах проживания новообращённого в христианство народа. В житии Св. Стефана нет даже косвенных указаний на то, что святитель занимался иконописью, но представляется весьма вероятным его участие в разработке иконографической программы, обусловленной миссионерской задачей. Этим объясняется и появление наименований ипостасей, и размещение в нижней части средника комментирующей надписи, и, вероятно, изображение крестчатых нимбов у всех троих ангелов, наглядно указывающее на единосущие лица Святой Троицы.

Известно, что в Троицкой церкви, кроме вывезенной в Вологду иконы Троицы, находилась икона Сопшествия Святого Духа, также имевшая зырянскую надпись, которая соответствовала тексту 1–4 стихов II главы Деяний апостолов². По всей вероятности, это была икона, современная «Троице», или её более поздний список. Оба произведения являлись образами храмового праздника Вожемской церкви — Пятидесятницы, или дня Святой Троицы, а «выбор сюжетов обеих икон (и посвящения Вожемского храма) соответствовал миссионерскому характеру новооснованной Пермской епархии. Образ Троицы знакомил зырян с основным догматом христианского вероучения и в то же время напоминал о завете, заключённом между Господом и Авраамом — родоначальником избранного народа, чищуего единого Бога (Быт. XV, 18; XVII, 1–22), а икона Сопшествия Святого Духа на апостолов изображала событие, которое воспринималось как момент основания Церкви, и благодаря получению апостолами дара говорения на языках оправдывало действия Стефана, проповедовавшего на языке зырян и переводившего для них богослужебные книги»³.

Исследования иконографии произведения содержат его описание в альбоме-каталоге Иконы Вологды XIV–XVI веков, где отмечена вероятность существования протографа, подобного иконе Троицы из афонского монастыря Ватопед последней четверти XIV столетия (с отличиями в изображениях Авраама и Сарры). Те же истоки имеет иконография «Троицы» Андрея Рублёва, композиция которой является логическим завершением эволюции позднепалеологовской иконографии

ского собора Симеона и жены его Марии». См. С. И. Добренький. Церковно-приходские летописи Великоустюгского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века // Глагол времени. Вологда, 2005. С. 129.

¹ ВЕВ, 1814 г., № 16.

² Евгений, 1827. Т. 2. С. 249 (то же: Евгений, 1995. С. 303); Шестаков, 1871; Лебедев, 1896/2. № 6. С. 91; Прохоров, 1989/2. С. 414; Прохоров, 1995. С. 37.

³ Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., «Северный паломник», 2007. С. 132.

Гостеприимства Авраама, в то время как «Зырянская Троица» представляет собой её своеобразный, боковой вариант, не нашедший продолжения в древнерусском искусстве. Изображение Троицы на этой иконе занимает менее половины живописной поверхности. В левой части композиции помещено розовое трёхъярусное строение, завершённое башенкой-кивoriем, на фоне которого изображена Сарра, готовящая тельца, а правее — как бы выходящий из чёрного проёма здания Авраам с чашей. Большую часть живописной поверхности занимает изображение Мамврийского дуба с тремя широко раскинутыми ветвями, что заставляет вспомнить позднее предание о посечении Стефаном Пермским «прокудливой берёзы» в Усть-Выме, особо почитавшейся язычниками-зырянами. «Не исключено, что масштабное выделение дерева на иконе — своеобразная миссионерская уловка, целью которой было облечение библейского предания в наглядную и доступную форму»¹.

Живопись «Зырянской Троицы» находит аналогии в памятниках Ростова и ростовской провинции последней трети XIV – начала XV века. На принадлежность иконы к ростовской традиции указывает характерный колорит, сочетающий различные оттенки кирпично-красного, алого и приглушенно-коричневого цветов.

О создании иконы в пределах Пермской епархии или в Устюге свидетельствуют и зырянские надписи, которые вряд ли могли быть исполнены в Ростове, без помощи со стороны Стефана или его учеников.

Икона оставалась в Троицкой церкви села Вожем до начала XIX века, хотя уже в 1492 г. от Новгорода в Пермскую епархию была отделена Вологда, а епископы Пермские и Вологодские с XVI в. «всё больше предпочитали жить в Вологде, бывшей тогда в состоянии культурного и хозяйственного подъёма, а не в далёкой Усть-Выми»² — центре епархии Стефана Пермского. Окончательно архиерейская резиденция была перенесена в 1571 г., а епархия с того времени стала именоваться Вологодской и Великопермской.

По-видимому, икона «Св. Троица Зырянская» не была широко известна, а Вожемская церковь не являлась местом массового паломничества верующих. Вологодские архиереи обратили на икону особое внимание благодаря любознательности придворного штабс-лекаря Якова Фриза, который, в 1788 г., оценив уникальный памятник истории и культуры, передал сделанный с надписи на иконе снимок в Императорскую академию наук³ и внёс предания об иконе в Устюжскую летопись.

Все исследованные нами источники кратко информируют о перенесении иконы в Вологду при епископе Арсении⁴. Лишь вступительная статья В. И. Буганова и Л. Н. Смоленцева к переизданию книги Г. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. 1383–1501»⁵ содержит дополнительные

¹ Там же. С. 133.

² Камкин А. В. Православные епархии Русского Севера XIV – начала XX века: иерархи, духовенство, учреждения //Глагол времени. Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопьевские чтения». Вологда. «Книжное наследие», 2005. С. 294.

³ Напечатан в 1790 г. в VI т. Nova acta Academiae Scientiarum Petropolitanae при статье академика Лепёхина.

⁴ Преосвященный Арсений (Тодорский) пребывал на вологодской кафедре в 1796–1802 гг.

⁵ «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. 1383–1501». Сыктывкар, «Полярная звезда», 1996. С. 19.

подробности о том, что Вологодский епископ Арсений «сам поплыл к иконе, побывал в Усть-Сысольске, уговорил вычегодцев отдать бесценную редкость во владычную ризницу, довольствуясь на Вычегде списком (копией)¹ с творения святителя земли Пермской», ссылки на источник информации в статье отсутствуют. В Вологодском календаре 1894 г. и публикациях В. Лебедева 1900 и 1909 годов появляется точная дата перенесения иконы — 1790 г., которая, по всей вероятности, является ошибочной, т.к. не совпадает с временем пребывания на Вологодской кафедре епископа Арсения с 1796 по 1802 год, а все известные нам источники относят событие к деяниям именно с этого иерарха.

Бытовало предание о том, что икону пытались переносить и раньше, но все попытки её перемещения оставались безуспешными. В книге «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» Г. С. Лыткин пишет: «Новгородские переселенцы Осколковы, жившие в Цилибе, против Вожема, три раза уносили этот образ в своё селение, но он чудесно возвращался в Вожем»². В. И. Буганов и Л. Н. Смоленцев, без ссылки на источник, публикуют и другую легенду, связанную с первым поновлением образа в Вологде, когда икона «плача смывала слезами грунтовку над зырянскими словами Аи, Пи, Кылтос, размывала в подтёки чёрную краску с надписи «Сарпа»³. Вероятно, поновление действительно было не слишком удачным, т.к. описывая копию иконы в Великом Устюге в сентябре 1841 года, П. И. Савваитов отмечает: «Зырянская подпись на этом списке гораздо яснее, чем на подлиннике, который находится ныне в Вологодском архиерейском доме; на списке можно видеть зырянские надписи над головами лиц, между тем, как на подлиннике, при покрывании его лаком, многие буквы подписи смылись, а особливо надписи над головами трёх ангелов совсем сделались темны, а над главами Авраама и Сарры — даже заменены русскими».⁴ Г. С. Лыткин сообщает, что она была помещена Преосвященным Арсением в Софийском кафедральном соборе, на правой стороне, против епископского места⁵. Хотя это точное указание расположения иконы является единственным, т.к. остальные публикации указывают на нахождение иконы «Св. Троицы» в «кафедральном соборе» Вологды, не конкретизируя, был ли это Софийский (холодный) или Воскресенский (тёплый) храм. Сообщение Г. С. Лыткина представляется нам убедительным по нескольким причинам: автор правильно описывает расположение епископского места в Софийском соборе, находившегося с восточной стороны первого южного столба; о нахождении Троицы в Софийском соборе косвенно свидетельствуют документы об украшении её серебряной ризой при Преосвященном Онисифоре, «сделанной на пожертвованные лучшими здешними чиновниками и гражданами деньги», и деловая переписка протоиерея Софийского собора Василия Нордова с епископом Евлампием в 1846–1848 гг. о поновлении иконы.

¹ Село Вожем ныне не существует, местонахождение иконы-списка неизвестно.

² Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889 г. С. 46–47.

³ Вступительная статья В. И. Буганова и Л. Н. Смоленцева в кн. «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. 1383–1501». Сыктывкар, «Полярная звезда», 1996. С. 20.

⁴ Савваитов П. И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга (извлечение) // Глагол времени. Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопьевские чтения». Вологда. «Книжное наследие», 2005. С. 294.

⁵ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб, 1889. С. 26.

В Приходной книге 1828–1830 годов зафиксирован сбор средств на украшение святыни с января 1828 г. по март 1829, хотя серебряных дел мастеру Ивану Матвеевичу Зуеву была выплачена полная сумма за серебро и работу 1530 рублей 13 копеек с января по июнь 1828 г., а в реестре прибыльных вещей оклад значится уже 1827 г. Октября 30 дня: «Сделана по дозволению Его Преосвященства данному в сентябре месяце сего года из пробного серебра 14 фунтов 55 золотников риза на икону Живоначальныя Троицы, писанную первым вологодским архиереем Стефаном Епископом Пермским»¹. В приходной книге Софийского собора² 1828–1830 г. отмечены пожертвования на украшение иконы Живоначальной Троицы серебряной ризою Госпожи Шипиловой с её детьми (55,68 руб.), городского главы купца Николая Ивановича Скулябина (10,80 руб.), купеческой жены вдовы Евфимии Петровой Витушечниковой (10,80 руб.), купеческой дочери девицы Марии Николаевны Белозеровой (108 руб.) и неизвестных лиц (134,12 руб.), вносявших деньги лично, а также через вологодского купца Василия Ивановича Грудина и мещанина Николая Шанькова³. Риза, исполненная И. М. Зуевым⁴ в октябре 1827 года из пробного серебра весила 14 фунтов 55 золотников, т.е. стоимость серебра составила четыреста тридцать два рубля (ценюю 105 рублей за каждый фунт), а работа известного вологодского мастера была оценена в 1098 рублей 13 копеек⁵. Тем не менее, как следует из донесения (1846 г.)protoиерея Софийского собора Василия Нордова и ключаря Алексея Сорокина Преосвященному Евлампию в Январе 1834 г., на седьмой год после создания, «ризу с этой иконы по резолюции бывшего Преосвященного Стефана сняли и продали». О причинах такого решения иерарха сегодня можно лишь строить предположения: была ли заменена она другим окладом или настолько патинировалась в неблагоприятном микроклимате неотапливаемого Софийского собора, что совершенно утратила первоначальный вид, или просто очень были нужны деньги на возобновление Воскресенского собора. Представляется несколько странным продажа в качестве лома драгоценного металла ризы, стоимость работы над которой в 2,5 раза превышала стоимость использованного материала. Во всяком случае, в приходо-расходной книге Софийского собора за январь 1834 г. имеется следующая запись: «Внесено эконому Вологодского Архиерейского дома отцу игумену Израилю вырученных в прошлом (?) году от продажи соборного ветхого неупотребляемого серебра денег 4545, 60 рублей⁶. В силу специфики иконографии, в качестве драгоценного оклада она могла быть перенесена лишь на один из списков иконы в Вожем или Великий Устюг. Ни один из этих памятников не сохранился до наших дней, а данная версия совершенно не подтверждена документами.

¹ ГАВО. Ф. 528. О. 1. Ед. хр. 37.

² ГАВО. Ф. 528. О. 1. Ед. хр. 46. Лл. 2, 3, 5, 6, 28.

³ Возможно, в сборе средств участвовали граждане, которые не проживали в Вологде и не могли внести пожертвование лично, что свидетельствует о широкой кампании сбора средств на драгоценный оклад иконы.

⁴ Зуев, Иван Матвеев, черневых дел мастер.

Родился в 1786. Участник вологодской губернской выставки 1837 г. Умер в 1860 г. Его произведения находятся в ГИМ (табакерка и изображение сцены въезда Александра I в Париж, 1837; поднос с видом Вологодского кремля, 1837), Гос. Оружейной палате, Вологодском государственном музее-заповеднике (Оклад Евангелия, 1823; Оклад иконы «Богоматерь Федоровская», 1826 г.).

⁵ ГАВО. Ф. 528. О. 1. Ед. хр. 45. Лл. 1-об, 3, 9-об, 10-об.

⁶ ГАВО. Ф. 528. О. 1. Ед. хр. 51. Л. 9-об.

Икона «Святой Троицы» не значится в сохранившейся неполной описи имущества Софийского и Воскресенского соборов 1833–1834 гг.¹. К началу 40-х годов XIX века история её перенесения была основательно позабыта, особым почитанием она не пользовалась и находилась в ризнице среди неучтённых старых икон. Можно предположить, что икона была убрана в ризницу ещё до снятия драгоценного оклада или одновременно с ним, во всяком случае, она вряд ли могла оставаться после этого на своём прежнем месте перед иконостасом. При всём уважении к решению епископа, сам факт продажи устроенной «всем миром» ризы, по всей вероятности, не стали бы делать достоянием широкой общественности на память одного поколения.

Свидетельства о перенесении иконы Преосвященным Иннокентием² в Архиерейский дом имеются в уже упоминавшемся донесении протоиерея Софийского собора Василия Нордова вологодскому епископу Евлампию и путевых записках М. П. Погодина, посетившего Вологду в 1841 г., где он с трепетом описывает своё состояние при встрече с известной древней иконой: «Проснулся в прекрасной огромной комнате, только что отделанной и назначенней быть кабинетом Преосвященного. Окон 12 на три стороны. Из одних виден собор, из других поле и часть города. В углу передо мною стоял большой образ Троицы, древняго письма. Подхожу к нему... что же?.. Это тот исторический образ, с Зырянской подписью, о котором столько было написано в статье Евгения «О древностях вологодских и зырянских», в Вестнике Европы, 1815 или 1814 г. Подпись составляет единственный почти памятник Зырянского письма. Как археолог, помолился перед ним с большим усердием».³.

Возвращаясь к служебной переписке по запросу Преосвященного Евламния, приходится констатировать факт, что по прошествии десятилетия после снятия ризы икона не являлась общеизвестной святыней и предметом поклонения широкого круга верующих. Во всяком случае, на первый запрос Преосвященного Евлампия⁴ в 1846 г. ответа, который мог бы удовлетворить интерес владыки, не последовало. Из донесения от 4 сентября 1846 г. «Его Преосвященству Преосвященнейшему Евлампию, Епископу Вологодскому и Устюжскому и Кавалеру» следует, что иконы не было в кафедральном соборе с начала 1840-х годов, и как чтимая святыня вступившему на Вологодскую кафедру в 1844 г. Евлампию она не передавалась: «Указом Вологодской духовной консистории от 27 апреля сего года вследствие Резолюции Вашего Преосвященства предписано нам донести Вашему Преосвященству касательно древней иконы Живоначальной Троицы съ зырянскими надписями с прояснением исторического начала ея, важности в чествовании народа, и того давно ли и как она перешла в Софийский собор; и почему мы до сих пор не обратили внимания Вашего Преосвященства на такую древнюю икону. Во исполнение такого указа сим Вашему Преосвященству почтеннейше доносим, что при здешнем кафедральном соборе она икона

¹ ГАВО. Ф. 528. О. 1. Ед. хр. 49.

² Иннокентий Борисов, был на вологодской кафедре с 1841 по 1842 г.

³ Ж. «Москвитянин», 1841 г., № 9. С. 249.

⁴ Евлампий (Пятницкий) был на вологодской кафедре с 1844 по 1852, профессор богословских наук, 1828 – член Комитета для цензуры духовных книг. Одним из важнейших епархиальных дел Преосв. Евлампия в Вологде было возобновление им в 1846 г. тёплого Воскресенского собора и в 1848–1851 годах кафедрального Софийского собора.

Св. Троицы хотя действительно находилась, как частно нам известно, но при поступлении нашем на службу во оный в Собор в Сентябре 1841 г. иконы той в Соборе уже не оказалось, так как в описи оной нет, и мы не принимали её от бывшего келаря и протоиерея Юшкова. Известно всем, что икона та при Преосвященном Онисифоре, бывшем здешнем епископе была украшена новой серебряной ризою, сделанной на пожертвованные лучшими здешними чиновниками и гражданами деньги, из записи же в приходной соборной книге за Январь 1834 г. видно, что ризу с этой иконы по резолюции бывшего Преосвященного Стефана сняли и продали, сама же икона, как известно нам из частных сведений, находилась в ризнице соборной между другими вне описи состоящими старыми иконами. По прибытии на Епархию Преосвященного Иннокентия (1841), икона эта была взята им Преосвященным в Архиерейский дом, как сказывал нам при сдаче имущества соборного бывший келарь Протоиерей Александр Юшков, ныне иеромонах Александропской Лавры Арсений. Где же теперь находится сия икона, нам неизвестно, равно не можем сказать ничего ни в рассуждении исторического начала этой иконы ни касательно того, давно ли и как перешла она в Софийский собор. Протоиерей Василий Нордов. Ключарь Алексей Сорокин». Преосвященный Евлампий наложил на донесение 14 марта 1846 г. следующую визу: «Справить на месте первоначальной Епископии Святителя Стефана просветителя Перми-Зырян, в Усть-Вымской церкви, потом каких сведений об этой иконе Святой Живоначальной Троицы с Зырянской надписью. Как икона Св. Живоначальной Троицы отыскалась в ризнице при Доме, как краски на ней довольно потеряли вид и цвет: то Эконом Дома пригласит искусственного иконописца и уговорится с ним о поновлении оной иконы с удержанием во всей точности писания ея, кроме освежения и отлакирования красок. О последующем донести».

Во исполнение желания епископа, с большим уважением отнёсшегося к древнему памятнику, в качестве поновителя «Живоначальной Троицы» был выбран Александр Петрович Поваров — казённый крестьянин села Коровничего Спасо-Прилуцкого монастыря, известный как иконописец и монументалист¹. В донесении, на которое епископ наложил 5 ноября 1846 г. визу «Согласен», читаем: «Резолюцию Вашего Преосвященства, от 4 минувшего сентября, — по рапорту старшей братии Кафедрального Собора — касательно древней иконы Живоначальной Троицы съ зырянской надписью,— предписано мне приискать искусственного иконописца для поновления этой иконы с удержанием во всей точности писания ея, просить освежения и отлакировки красок. В следствие осведомления моего, является для

¹ В 1839 г. исполнял кресты и иконы в Предтеченском приделе Воскресенской Устьянской церкви. В 1842 г. живописью клейма на иконах в Заонежской пустыни, работал в Троицко-Двиницкой церкви (ГАВО. Ф. 1. О. 1. Ед. хр. 144. Лл. 26-26 об.). В 1843 г. заключает контракт на написание икон в Преображенской церкви близ Вельска (ГАВО. Ф. 1. О. 4. Ед. хр. 146. Л. 25 об.). В 1858 г. участвует в росписи Святых ворот Спасо-Прилуцкого монастыря и Александро-Невского придела того же монастыря (ГАВО. Ф. 516. О. 1. Ед. хр. 697. Лл. 6, 48 об.). В 1868 г. поправил монументальную живопись на 4 столбах (16 композиций) Софийского собора, икону Антония Епископа Вологодского, икону Софии Премудрости Божией, изображения двух ангелов в заднем крыльце (ГАВО. Ф. 526. О. 1. Ед. хр. 93. Л. 28.). См. Словарь вологодских художников XIX в. Приложение к диссертации на соискание звания кандидата искусствоведения М. Е. Даен «Платон Тюрин. Вологодская живопись XIX в.» 1988 г. Научный архив ВМГЗ. На правах рукописи; И. Евдокимов. Памятники художественной культуры на Севере. Выпуск второй. Вологда, 1922. С. 26.

этого дела прилуцкий иконописец крестьянин Алексей¹ Петров Поваров, и выпросил решительную цену за поправление иконы Живоначальной Троицы с соблюдением предписанных условий, 3 рубля серебром. Донося о сем Вашему Преосвященству, испрашиваю разрешения,— истребовав от иконописца Поварова образец его работы, допустить его, до разрешения Вашего Преосвященства и о поправлении иконы Живоначальной Троицы за объявленную цену, когда образец его будет одобрен Вашим Преосвященством». Донесение эконома игумена Феодосия подкреплялось «рапортом Соборян».

Мастерство живописца было одобрено епископом, и порученная работа была выполнена им к 21 мая 1848 г., когда епископ вологодский Евлампий отдал распоряжение выдать Александру Поварову 10 рублей ассигнациями из церковной домовой суммы. Поновлённая икона была установлена на правой стороне в трапезной Воскресенского кафедрального собора. Такое месторасположение святыни отмечено в Вологодском иллюстрированном календаре 1894 г., в котором икона включена в список главных святынь Вологды с описанием особенностей образа: «Надъ изображешем Авраама, Сарры и каждого из трёх ангелов значатся надписи зырянского письма; внизу иконы ещё видны шесть строк такого же начертания». В Воскресенском соборе отмечает Троицу Зырянскую среди «замечательных» икон И. Н. Суворов в 1874 г.². Другой известный вологодский краевед И. К. Степановский в 1890 г. отмечает как главную достопримечательность Воскресенского собора единственную икону «Богоматерь Всех скорбящих...», ничего не сообщая читателям книги «Вологодская старина» о находившейся в соседнем киоте иконе «Св. Троица (Зырянская)». Икона была скорей яркой достопримечательностью Вологды, нежели чтимым чудотворным образом. Во всяком случае, в сообщении епископа Вологодского и Тотемского Израиля в Святейший Синод 21 декабря 1893 г. она не отмечена среди особо чтимых святынь епархии³.

Икона оставалась в Воскресенском соборе Вологды до 1928 г., хотя регистрация памятников, «имеющих художественно-историческое или археологическое значение», велась с начала 1920-х годов, и Троица Зырянская не могла остаться за пределами этого списка. Иконы, зарегистрированные в действующих церквях и соборах, оставались на своих местах и поступали в музейную коллекцию лишь в исключительных случаях. Это были уникальные произведения, нуждающиеся в срочной противоаварийной реставрации либо в особой охране: так поступила в музей в 1928 г. из Воскресенского собора⁴ «Троица Зырянская», XVI в. для консервации, пробной реставрационной расчистки и научного исследования. 4 июля 1928 г. в президиум церковного совета Воскресенского собора было направлено письмо Управления по музеинным делам ГубОНО (именуемого в документах «Губмузей») с требованием выполнения консервационно-реставрационных работ на памятнике за счёт церковной общине: «Вологодский Губмузей просит Вас теперь же произвести расчистку и укрепление иконы «Зырянская Троица»,

¹ В документе сделана ошибка, правильное имя художника Александр.

² Путеводитель по Вологде с указанием на ея церковные древности и святыни и другия достопримечательности. Вологда, 1874. С. 4; В. Лебедев. От Вологды до Ульянова монастыря на дальнем Севере у зырян // Труды IV историко-археологического съезда в Костроме в июле 1909 года. Кострома, 1914. С. 56; Г. К. Лукомский. Вологда в её старине. СПб., 1914. С. 80.

³ ГАВО. Ф. 496. О. 1. Ед. хр. 16480. Л. 91 об.

⁴ Собор был действующим до 1938 г.

находящейся в трапезной Воскресенского собора, причём означенная работа должна быть поручена мастеру Брягину и произведена за счёт самой общины...»¹.

Времени на раздумья у церковного совета было немного: 10 июля 1928 г. икона была передана в музей «для научного обследования путём пробной расчистки и методом сравнения стилистических и иконографических признаков с другими памятниками, находящимися в самом музее»². Текст акта передачи не позволяет сделать вывод об изъятии иконы, возможно, церковная община приняла условия властей, а икона была передана в музей только на реставрацию, но закрытие собора в 1938 г. решило вопрос о смене владельца памятника.

Точные сведения о реставрации иконы в 1930-х – 1940-х годах отсутствуют. Окончательная реставрация памятника была выполнена во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации (ВЦНИЛКР) Е. М. Кристи. По акту от 17 января 1968 г. икона была передана на реставрацию как требующая «дополнительной расчистки и склейки доски» в следующей сохранности: «Доска расколота, не снята олифа в левом нижнем углу, выпады красочного слоя, фрагмент поздней записи, имеются карандашные надписи на иконе». Работы были закончены Е. М. Кристи в 1973 г. Слабое основание иконы (доски склеены, шпоночного крепления нет) требует особенно бережного обращения с ней при экспонировании и транспортировке. Поэтому икона лишь однажды экспонировалась вне музея на выставке «Живопись Вологодских земель» в московском Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублёва, 1976 г. С 1985 г. памятник находится в экспозиции древнерусского искусства художественного отдела Вологодского музея-заповедника и занимает достойное место среди лучших произведений иконописи в зале XIV–XV веков.

Правительство республики КОМИ не раз обращалось в Вологодский музей с просьбой о передаче памятника на постоянное хранение в Национальный музей, но ходатайство это не могло быть удовлетворено по причине огромной значимости иконы «Св. Троица Ветхозаветная (Зырянская)» для вологодской культуры. Попавшая в Вологду в силу своей исторической судьбы икона представляет собой большую историко-лингвистическую ценность и характеризует важный этап развития живописного искусства Севера. В 1990-х годах с неё вновь были выполнены две копии-списка³: в 1996 г. художниками-реставраторами ОАО «Купина» /Москва/ и И. Н. Федышиным /Вологда/, первая из которых установлена в настоящее время в Свято-Вознесенском соборе Сыктывкара — нынешнего епархиального центра земель, выбранных некогда для миссионерства и подвига Св. Стефаном, епископом Пермским, вторая находится в личных покоях Архиепископа Вологодского и Великоустюгского Максимилиана.

Список сокращений:

ВГВ — Вологодские губернские ведомости

ВЕВ — Вологодские епархиальные ведомости

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГубОНО — губернский отдел народного образования

¹ ГАВО. Ф. 2038. О. 1. Ед. хр. 62. Л. 26.

² ГАВО. Ф. 2038. О. 1. Ед. хр. 62. Л 25.

³ Авторский красочный слой подлинника имеет значительные утраты, копии XX в. выполнены с учётом и восполнением традиционных элементов композиции, в частности — иконных горок, полностью утраченных на иконе XIV в.

Наталья Плаксина

Плаксина Наталья Евгеньевна – искусствовед, заместитель директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми. Сфера научного интереса – история иконописи в Коми крае.

Икона «Спас Нерукотворный» из с. Ирта Яренского уезда: прошлое и настоящее

Среди наиболее чтимых в прошлом святынь Коми края особое место занимает образ Спаса Нерукотворного. Его широкое почитание нашло отражение в большом количестве церквей и престолов во имя Спаса Нерукотворного, и, соответственно, в значительном количестве икон данной иконографии, широко бытовавших в прошлом и дошедших до наших дней. Эту традицию принято связывать с именем просветителя зырян Стефана Пермского, по легенде, самолично написавшего икону Спаса Нерукотворного и тем самым положившего начало культу этого образа в Перми Вычегодской. До революции драгоценная стефановская реликвия находилась в Спасской церкви с. Ирты Яренского уезда¹. Об иконе сообщал В. К. Лебедев в своей статье «О святынях Вологодской епархии»², которая служит главным источником сведений об этом памятнике. Однако, в отличие от «Зырянской Троицы», образ Спаса Нерукотворного из Ирты не вызывал столь же пристального внимания исследователей. Его упоминают только в связи с гипотетическим иконописным наследием Стефана Пермского. При этом, отмечается отсутствие непосредственной связи иконы, как и других приписываемых Стефану Пермскому предметов, с миссионерской деятельностью святого, и её принадлежность другой эпохи³. Однако это не делает икону менее интересной для исследований, тем более,

¹ Воскобойникова Н. П. История церковного строительства на территории Ленского района Архангельской области (Яренского уезда) в XIV–XX вв. Сыктывкар, 2000. С. 22.

² Лебедев В. К. О святынях Вологодской епархии // ВЕВ. 1901. № 1. С. 8–9.

³ Преображенский А. С. Урок язычникам: икона «Чудо в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырян // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М.: Северный паломник, 2005. С. 100–101.

что легендарный чудотворный образ сохранился до нашего времени в фондах Архангельского музея изобразительных искусств (№ 338-држ). Икона была вывезена экспедицией АОМИИ в 1965 г. из молельного дома Потапова в Ирте. Она опубликована в ряде изданий. В каталоге «Северные письма» икона датируется концом XVII – первой половиной XVIII в. и приписывается к кругу мастеров из Великого Устюга¹. В каталоге приводится легенда о том, что икона происходит из местной церкви с. Ирта, какой не уточняется. В издании «Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств» икона Спаса Нерукотворного по размерам и иконографии отождествляется с легендарной стефановской святыней².

Версия о том, архангелогородский Спас является именно тем чудотворным образом, что приписывался в прошлом кисти Стефана Пермского, подтверждается данными «Краткого исторического описания Иртовской Воскресенской церкви», составленного Стефаном Мельниковым в 1853 г. для Императорского Археологического общества. Стефан Евгеньевич Мельников — житель Усть-Сысольска, член-сотрудник Императорского Русского Географического общества и член Комитета церковно-исторического описания Вологодской епархии. По заданию Русского археологического общества он составил подробные и обстоятельные описания храмов и церковных древностей Кomi края, которые имеют огромный научный интерес. Некоторые из них были опубликованы в Вологодских губернских и епархиальных ведомостях, другие, как, в частности, рукописное «Краткое историческое описание Иртовской Воскресенской церкви», до сих пор не было востребовано исследователями. Документ хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в составе Савваитовского собрания³. Подробное описание Иртовской Воскресенской церкви и её главной святыни, составленное С. Е. Мельниковым на основе данных хранившихся при церкви документов, в частности, грамоты на построение Успенской церкви, записной книги и прочих источников, позволяет реконструировать историю и бытование легендарной иконы.

С. Е. Мельников сообщает, что первоначально икона находилась в верхнем ярусе иконостаса деревянной Успенской церкви, построенной в 1632 г. (при церкви хранилась грамота на построение этой церкви; вероятно, церковь была возобновлена, так как имеются её упоминания в документах 1585 г.). По данным Н. П. Воскобойниковой, эта церковь была шатровая, одноглавая, покрытая лемехом.⁴ Икона Спаса Нерукотворного, согласно традиции, появившейся в XVI в., могла завершать иконостас⁵. Однако описанные С. Мельниковым две иконы архангелов Михаила и Гавриила «в полных бранных доспехах, с мечами и ножами в руках», написанные на «досках одного дерева и одинаковой высоты с чудотворным образом Спасителя, и, по видимости, одной кисти живописца», также сохранявшиеся в храме со времён его устроения, позволяют предположить, что все три иконы

¹ Северные письма: каталог. Авт.-сост. О. Н. Вешнякова, Т. М. Кольцова.— Архангельск, 1999.— С. 83. Кат. 141.

² Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. В 2 т.— М.: Северный паломник, 2007. Т. 2.— С. 186. Кат. 139.

³ РНБ. Отдел рукописей. Ф I. № 788. Л. 322–326.

⁴ Воскобойникова Н. П. Указ. соч. С. 21.

⁵ Евсеева Л. М. Спас Нерукотворный. Иконы XII–XVI вв. // Спас Нерукотворный в русской иконе.— М. 2005.— С. 120.

происходили из одного, скорее всего, деисусного ряда. В таком случае, иконостас деревянной Успенской церкви мог быть двухрядным и включать в себя местный и деисусный ряд со Спасом на убрусе в центре. Подобная композиция часто встречается в средневековой иконографии, в частности, на верхних полях икон конца XV – первой половины XVI в.¹.

Основываясь на данных сохранившейся при церкви записной книги, С. Мельников сообщает легенду о том, как в 1642 г. икона Спаса Нерукотворного «через благочестивого отрока София Мокиева Д(е)мутова (так читается — *Н. П.*)» явила «благодать и чудодейственную силу», в результате чего она была снята из иконостаса и перенесена в новый деревянный храм во имя Спаса Нерукотворного образа, построенный в том же году «усердием прихожан». Эти сведения подтверждаются данными письменных источников, согласно которым деревянная Спасская церковь, приписанная к Воскресенской, первоначально была построена в 1642 г.². В начале XVIII в. этот храм сгорел, от него, как пишет С. Е. Мельников, «до нашего времени остались» только иконы Нерукотворного образа и вышеупомянутых Архангелов Михаила и Гавриила. В середине XVIII в. была построена новая каменная однопрестольная церковь во имя Нерукотворного Спаса, где и находилась легендарная икона. В середине XIX в. она размещалась в местном ряду иконостаса, очевидно, справа от царских врат. Иконостас, как описывает его С. Мельников, «по случаю ограниченного возвышения свода, небольшой... : в нём над местными образами расположен один полукруглый став в трёх отделениях на колоннах столбах с вызолоченными дорожками. В среднем изображение Господа Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей, а в крайних предстоят двадцать апостолов». Икона Спаса Нерукотворного размещалась справа от царских врат, слева — образ Тихвинской Богоматери, «вокруг ея для сравнения с чудотворной иконой Спасителя и укрупнения верхнего става утверждены 12 икон двадцатых праздников». По обеим сторонам этих икон между северными и южными дверями были размещены сохранившиеся от раннего иконостаса иконы архангелов Михаила и Гавриила той же высоты, что и икона Спасителя, и ширины около 5 четвертей. Все остальные иконы, размещавшиеся за южными и северными дверями и позади клиросов, были, по данным С. Е. Мельникова, живописи XVIII века.

С. Е. Мельников оставил довольно подробное описание чудотворной иконы. Она имела «поразительную величину»: высота её составляла 3 аршина, ширина — 2 аршина 4 $\frac{1}{4}$ вершка, толщина доски составляла 1,5 вершка³, что соответствует размерам: 210 см x 158 см x 6 см. Основа иконы была составлена из 5 лиственных досок, связанных с задней стороны по верхнему и нижнему концам железными полосками и стянутыми в середине гайками. «Края иконы вставлены со всех четырёх сторон в двухрядные кругловатые каймы такого же дерева. Икона имеет чёрные выпуклые поля, писана особым составом красок, которые, отличаясь густотою, в частности, называются смоляными, от чего представляется самый тёмный колорит без всякой перспективы». Возможно, такое впечатление произвела

¹ См., например: «Введение во храм с Деисусом и избранными святыми». АОМИИ. 1626-ДРЖ / / Северные письма...— С. 43. Кат. 8.

² Воскобойникова Н. П. Указ. соч.— С. 22.

³ ОР РНБ. Ф. I. № 788. Л. 322–326.

на исследователя потемневшая олифа, покрывающая старинную икону. «Божественный Лик Спасителя» был «в самом большом размере, так что голова занимает собою высоты 2, а может, 1,5 аршина. Внизу на убрусе вязью с титлами подписано: «Образ Нерукотворенный Господа Нашего Иисуса Христа». Далее автор, «не позволяя себе сделать сравнение по признакам с каким-либо древним художеством и не имея дерзновение относить написание ея к какому-либо определительному времени», излагает народное предание о том, что икона была написана Стефаном Пермским.

Теперь обратимся к иконе «Спас Нерукотворный» из Архангельского музея изобразительных искусств. Размеры иконы, приведённые в каталоге «Северные письма», 207x158 совпадают с описанием С. Е. Мельникова. Основа иконы также состоит из пяти частей, правда, как указано в каталоге, соснового дерева, с ковчегом¹. Большую часть иконного поля занимает изображение лика Спасителя в обрамлении узкого нимба на фоне густо задрапированного платы с дробным полосатым рисунком. Огромные размеры иконы и самого лика свидетельствуют о монументальном характере замысла и говорят в пользу версии о его предназначении для размещения на большой высоте в завершении высокого иконостаса. Иконографический тип изображения на фоне свисающего угловатыми складками платы лица с волосами, разделёнными на пряди, и небольшой кудреватой бородкой относят к иконографическому типу, сформировавшемуся в московской иконописи². Он возник несколько раньше, нежели восходящий к западноевропейским образцам вариант с ангелами, поддерживающими плат, распространившийся в Москве в XVI в.³. Интересно, что в разных вариантах иконографии количество прядей волос и их расположение варьируется от двух до шести. Подобный вариант изображения волос по три пряди, симметрично расположенные по сторонам от лика, наблюдается преимущественно на иконах XVII в., атрибутируемых как произведения иконописцев из Великого Устюга и бытовавших в том же регионе⁴, что может свидетельствовать о существовании какого-то общего местного прообраза. Однако в отличие от рассматриваемой иконы, плат на устюжских иконах поддерживается в углах летящими ангелами. Подобный тип изображения прядей волос наблюдается также на иконах Хлыновского Спаса (Вятка), датируемых концом XVI–XVII вв.⁵. Однако и здесь иконография не совпадает полностью: плат поддерживает ангелы, изображённые в рост.

Лик Христа на иконе из Архангельского музея вытянутый, с близко посаженными большими глазами под округлыми бровями. Глаза с тёмными крупными зрачками, взгляд направлен влево. В лице преобладает длинная вертикаль носа. Волосы, усы и борода разделаны линейным графическим рисунком. Особенности лика Христа обнаруживают некоторое сходство с лицом на иконе Хлыновского

¹ Северные письма...— С. 83. Кат. 141.

² Евсеева Л. М. Указ соч.— С. 118.

³ Там же.— С. 116.

⁴ «Спас Нерукотворный». Конец XVII в. Великий Устюг, ЦМИАР, КП 264. Опубликована: Спас Нерукотворный в русской иконе.— М., 2005.— С. 318. Кат. 67; «Спас Нерукотворный». 1678. Великий Устюг. ГТГ, инв. ДР-508. Опубликована: Спас Нерукотворный в русской иконе...— С. 283. Кат. 49.

⁵ «Спас Нерукотворный (Хлыновский)». 1693. Вятка. ГИМ, Инв. № 103803 НДМ 1129/2437. Опубликована: Спас Нерукотворный в русской иконе...— С. 307. Кат. 60.

Спаса — удлинённый нос, округлые брови, направленный влево взгляд близко посаженных глаз, форма губ и ушей. Аналогичный тип лика представляют вышеупомянутые иконы великоустюжских иконописцев из собрания Музея имени Андрея Рублёва. Однако, в отличие от вышеназванных, манера письма рассматриваемой иконы более упрощёна, характеризуется плоскостностью, преобладанием линейного начала. Провинциальный архаический стиль исполнения иконы говорит в пользу версии, что она принадлежит к местному варианту устюжской традиции. На наш взгляд, её стилистика близка к кругу икон, бытовавших в храмах зырянского края и известных по единственному сохранившемуся памятнику из собрания Национального музея Республики Коми иконе «Богоматерь Муромская»¹. Близки приёмы в изображении глаз с крупным тёмным зрачком, в рисунке носа, бровей, белильных вы светлений лица, в геометрическом рисунке тканей убруса и мафория Богоматери. Стилистическое сходство может указывать на происхождение памятников из одного иконописного центра, предположительно, из бывшего владычного городка Усть-Выми, где в XVII в. существовало иконописание. Во второй половине XVII в. в Усть-Выми и в Сереговском усолье работал Григорий Анкиндинов Тырин по прозвищу Иконник, о котором известно, что в 1689 г. он написал образ Спаса Нерукотворного по заказу яренчанина А. И. Азарова². Разумеется, это только предположение, и для его подтверждения требуются дальнейшие изыскания.

В фотоархиве Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) сохранилась уникальная фотография, на которой запечатлена Иртовская святыня³. Она была сделана в 1907 г. пермским художником и иконописцем А. Н. Зелениным. Убор иконы на фотографии несколько отличается от описанного С. Е. Мельниковым: «Венец и цата на Спасе серебряные вызолоченные чеканные древней работы, в них весу $11 \frac{1}{4}$ фунтов» — их мы видим на фото. Басменные украшения, приложенные «в 17 в. богатым купцом, бывшим владельцем Сереговского солеваренного завода Курочкиным», заменены на более поздний цельный оклад. В соответствии с описанием Мельникова, «перед чудотворным образом на двух лентах висят великое множество золотых и серебряных чеканных и литых подвесок, принятых в дар чудотворному образу за избавление свое... благодарным стекающимся с окрестностей народом. Они представляют: главу, очи, уши, руки, сердце и даже весь корпус человека в доказательство чудес исцеления».⁴ Основываясь на данных хранившейся в церкви рукописи, С. Е. Мельников приводит сведения о чудесах, происходивших от иконы Спаса Нерукотворного. «Всего было зафиксировано 147 чудесных исцелений, из них 106 произошли в первые три года по снятии иконы с верхнего яруса иконостаса деревянной Успенской церкви, а именно, в 1642, 1643 и 44 годах, а последнее число излитых благодатных исцелений совершилось между 1675 и 1723 гг., которыми и оканчивается описание чудес».

Прославление иконы в 1642 г. как чудотворной происходило в русле общего для XVII в. всплеска набожности, свойственного переходному периоду от Средне-

¹ НМРК. КП № 5730/5.

² Плаксина Н. Е. Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII – начало XX века).— Сыктывкар, 2010.— С. 110.

³ ИИМК РАН. Фотоархив. О. 406/1931.

⁴ РНБ. Отдел рукописей. Ф. I. № 788. Л. 325.

вековья к Новому времени. Непосредственным стимулом к усилению религиозности стали события Смутного времени, когда борьба с интервентами приняла характер войны за веру¹. К Спасу Нерукотворному обращались в молитве при защите от нашествий иноплеменников². Существует множество исторических свидетельств повсеместного возрастаия почитания образа Спаса Нерукотворного под эгидой правящей династии Романовых. Приведём лишь некоторые из наиболее близких по времени и месту происходящих событий примеров. Существует предание, что в 1613 г., когда польские войска приступили к Великому Устюгу, явила свою охранительную силу особо почитаемая местными жителями икона Спаса Нерукотворного письма иеромонаха Серапиона, поставленная в 1447 г. «на крепостной башне». В 1636 году она была перемещена в церковь Нерукотворенного образа, возведённую на башне³. Прославился своими чудотворениями в XVII в. в Устюжских землях «Нерукотворный образ» на Красном Бору. Чудеса от иконы начали происходить в 1641 г. в церкви Всемилостивого Спаса на Красном Бору⁴. С 1645 г. стали происходить чудеса от иконы «Нерукотворный образ Спасителя» «величественного и колossalного вида» в Хлынове. В результате в 1647 г. икона была принесена в Москву к освящению новосооружённого Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря, а взамен Хлынов получил список, созданный мастерами Оружейной палаты⁵. Все эти события, как и начало чудотворений от иконы Иртовского Спаса, происходили примерно в одно и то же время. Появление собственной чудотворной иконы Нерукотворного Спаса в зырянском крае, явившей свою милость и покровительство его жителям, становится логическим звеном в цепочке повсеместного обретения святости и благодати, небесного покровительства величайшей святыни христианского мира во всех концах Святой Руси, ставшей центром православного мира.

Таким образом, «Краткое историческое описание Иртовской Воскресенской церкви» С. Е. Мельникова подтверждает версию, что икона «Спас Нерукотворный», хранящаяся в Архангельском музее изобразительных искусств, и есть та самая легендарная икона, приписываемая кисти Стефана Пермского. Однако создана она была не ранее XVII в., хотя и восходит к некоему более древнему иконографическому протографу, общему для территорий, входивших в круг влияния Великого Устюга. Возможно, дошедшая до наших дней икона представляет собой результат поновления после пожара начала XVIII в., когда Спасская церковь сгорела, и, согласно легенде, чудом уцелели только образ Спаса и иконы архангелов. По сообщению специалистов Архангельского музея изобразительных искусств Т. М. Кольцовой и О. Н. Вешняковой, на иконе имеются повреждения, возникшие в результате воздействия огня. Так или иначе, икона таит ещё много загадок, разгадать которые уже вряд ли возможно.

¹ Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия.— М.: Индрик, 2008.— С. 143.

² Чугреева Н. Н. Нерукотворный образ Спасителя в XVII в. // Спас Нерукотворный в русском искусстве...— С. 144.

³ Евсеева Л. М. Указ. соч.— С. 124.

⁴ Чугреева Н. Н. Указ. соч.— С. 144.

⁵ Там же.— С. 139–140.

Чудотворный образ Спаса Нерукотворного в церкви с. Ирта Яренского уезда.
Фото А. Н. Зеленина, 1907. Фотоархив ИИМК РАН.

Бабушка Оля

И. Ф.: Поговорим о твоём творческом пути. Что на тебя оказало влияние?

О. М.: Я думаю, что ВСЁ ИЗ-ЗА ЛЮДЕЙ. Детство до 5 класса прошло в посёлках Чим и Усогорск Удорского района. Это были 90-ые, перестроечные годы. Родители искали работу. Я росла самостоятельно, часто играла на пустынных, заброшенных местах, недоступных для взрослых, например, на территории недостроенного детского садика, задней стороны дома культуры, возле помойки, на трубах или реке, там, где спрятаться можно...

И. Ф.: Мне кажется, это важные составляющие опыта пространственно-чувственного освоения мира и возможности в детстве что-то отыграть, получить полноценную информацию о внутреннем содержании окружающей реальности. Во что играла? Играла одна или с друзьями?

О. М.: Во что угодно. В «секретики» играли всё время по весне: из первых цветочков делали куколок, обматывая листочками и конфетными бумажками, укладывали в ямку под цветные стёклышки и бегали иногда смотреть: нашли — не нашли. Из дома нести нечего, находила, что есть в природе, с тем и играли с подругой. Я стала художником, а она патологоанатомом. С мальчишками не дружила, дрались с ними, теперь я жалею об этом, надо было всё же тогда как-то понять их, что ли...

И. Ф.: Кто был значимым человеком в детстве?

О. М.: На лето меня отвозили в деревню на реке Юг, недалеко от Кич-Городка Вологодской области. До сих пор есть огромное желание вернуться туда, а я даже название деревни забыла... И спросить уже не у кого... Жила там бабушка Оля, не родная мама моего отца, она его вырастила и воспитала. Что это за история, не успела узнать. У бабушки не было своих детей. Она, имея характер суровый и независимый, как-то умудрялась растить меня в свободе при соблюдении строгих правил, только ей самой ведомых. Среди деревенских баба Оля, на мой взгляд, выглядела как «пацианка»: в кедах, штанах и платье. «Ядрёная», активная, всем помогала: сено косила, чужих коз пасла, рубила дрова, «сидела на домах» (делала срубы домов). Я очень на неё похожа, она ко мне как к себе относилась. Свободы играть было больше: на реке — голубая глина, делала из неё домики и пирожки с цветами; любила огонь, и чуть не подожгла деревянное здание леспромхоза; самой таинственной игрой (когда взрослые «спят») было времяпрепровождение на реке, на переправе, там мостки старенькие, скользкие, шатающиеся, манили по-прятать, походить как «по воде», а рядом лодка на верёвке через реку — садились и пере-правлялись туда-сюда.

И. Ф.: Часто истории перекликаются: и в моём детстве была глина, только красная, на кирпичном заводе, и небезопасный почти поджог сена, что казалось обязательным в подготовке индейцев к охоте, дойка коз, засыпание на земляничных буграх, похороны ёжика за сараем, почти у леса, игра «в дом» возле курятника или на полатях. А как с искусством в сундуке?

О. М.: Рисовать начала рано, с копирования старых почтовых открыток, каких-то букашек... Мне не нравилась «колючая» одежда, которую покупала мама, а в бабушкином сундуке я «нарыла» драную, старинную кофту с потрясающе красивым орнаментом, и гуляла и бегала в ней. А в школе равнодушна была к тому, в чём ходить, на это никто не обращал внимания.

Оля

И. Ф.: С тобой мы познакомились в Гимназии искусств при Главе РК. Как часто бывает в моей жизни и педагогической практике, появление сложных, «неправильных» детей побуждает меня к узнаванию, творческому взращиванию тех зёрен, которые они в себе уже носят. Несомненно, ты из этой удивительной команды. Спрощу неожиданное: когда ты узнала об этнофутуризме как направлении современного искусства?

О. М.: «Этнофутуризм» — это красивое слово, понятное, если оно подходит мне... Совсем недавно я узнала о творчестве Павла Микушева, Юрия Лисовского, увидела и услышала ваш с Обрезковой Ниной перформанс «Чудины». Меня очень привлекает художник — «пограничник», соединяющий параллели... Ещё в Гимназии искусств вставал вопрос о моих корнях, я не коми, внешне похожа на папу, чувствую в себе движение смешанных кровей, что-то связанное с монголотатарским... При этом знала коми языки, начинала изучать финский, мифологию и быт народа коми, этническое «вылезало» в композициях, например: панно «Би» (батик, ткачество), триптих «Коми-зырянские песни» (батик). Да и в Ярославском художественном училище, несмотря на «академизм» обучения, на отделении «средовой дизайн» мой диплом (на отлично) звучал: «Серия костюмов по коми-зырянской мифологии и выставочное оборудование к ним» (шёлк, батик). Ярославский период дал мне профессиональный опыт: разработка детских игрушек для лепки в фирме «Апрель дизайн», развитие мотивов огня, воды, воздуха в оформлении трёх залов Центрального выставочного зала (к Новогодней сказке). Это было время ощущений и знакомства с по-настоящему древней Россией и начало моих самостоятельных путешествий...

И. Ф.: Твоё понимание мифологии? Откуда ЧЕРИ ЛЭБАЛАН*?

О. М.: Мифология это (перноведущая вещь — *O. M.*) первостепенная, ведущая линия в искусстве, а ни в коем случае не историческая... Мифология либо присуща художнику, либо нет... Миф рождается индивидуально, здесь и сейчас, в мировом поле культуры. ЧЕРИ ЛЭБАЛАН — это мой миф о парящей рыбе, соединение символов птицы и рыбы в движении, вдохновение от фильма Э. Кустурицы «Аризонская мечта», так я себя понимаю. Мифология — это путешествие во вселенной...

И. Ф.: Развитие твоего творчества, судя по тематическим предпочтениям и эстетическим «вторжениям», происходит в архаическом контексте, в слагаемой тобою сказочной (мифопоэтической) ситуации. И ты, как внимательный «пограничник», находишься в поиске значений и необходимостей тех или иных временных и культурных особенностей. Размышляешь, на мой взгляд, тонко, аккуратно, как «на лезвии», прислушиваясь внутренним ухом к своему древнему «Я», и наполняешь его новым содержанием, пропитывая лишь «соками без ГМО». Как тебе удаётся оберегать традиционное видение и границы собственных интересов?

О. М.: Нужно для себя сохранять тот минимум, который дорог. Когда я поступила в МУХУ (СПбГХПА им. Штиглица, кафедра Дизайн костюма), у меня

* Чери лэбалан — авт. лэбалан чери.

уже сложилось отношение к «академизму», это, как в школе, какие-то предметы не фиксируются ни во время учёбы, ни абсолютно не нужны дальше по жизни. А вот знания традиционной культуры коми и интерес к импровизациям позволили мне на первом курсе проработать для себя тему женского жизненного пути. Сделанные композиции: рождение – детство – свадьба – замужество – смерть, были лично не необходимым творческим этапом и отразились в батиках «Скрип снега» (коллекция костюмов). Вообще, я многому сопротивлялась во время обучения, например, неприятию моими этническими увлечениями, уводу в «многостилье» или куда-нибудь ещё... У меня к костюму был свой подход и любимые идеи, например: крой, напоминающий чехлы (раскрывающиеся и складывающиеся), а также символика креста в визуальных трансформациях и цветовые ограничения, только белое – серое – чёрное (ахроматические растяжки) или цветовые столкновения.

И. Ф.: Однако устойчивость твоей позиции была ярко продемонстрирована и поддержана преподавателями в некоторых международных проектах, например, «Маленькое чёрное платье», где ты, в противовес банальным калькам, сохранив только идею «чёрного», создала комплексный образ через игру с народным кроем платья и декором самою шитой обуви, стилизацией звериного стиля в нагрудном украшении. Расскажи о другом проекте, как о прекрасном завершении студенчества.

О. М.: Это финский проект «Неограниченный дизайн» по обмену студентами-дизайнерами, наша группа из четырёх студентов и одного педагога (мы были первыми) из Санкт-Петербурга работали в древнейшем городке Савонлинна, географическом центре Финляндии, а финская группа — в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга. В нашу задачу входило знакомство с городом, с условиями обучения в театральном институте, с музеинными экспонатами, в частности, с национальным финским костюмом (сбор информации через схематичные зарисовки, но, в основном, фотосъёмка). Студенты обеих стран завершили проект созданием костюмных коллекций и выставкой лучших моделей в Российском этнографическом музее. В своей коллекции «Финская земля» хотелось отразить простоту форм и необычайную «полосатость», привлекшие моё внимание в музее. Костюмы хотелось сделать как бы стёртыми во времени, не точными по функции, не ограниченными по назначению. И получилось то ли это, то ли то: юбка — штаны, блузка — фартук, накидка — куртка. Цвета: белый и красный. Полоски рисовала кисточкой «по-сухому» от руки на натуральном шёлке и хлопке. Центром декора блузки была «баба» с большим животом, Мать-земля (то ли финская, то ли коми), вышитая тамбурным швом красным по белому, а на окончаниях накидки вышиты ну очень стилизованные «лошадиные морды». Хорошая практика экспериментальных переработок народных традиций в современном мире.

Окно

И. Ф.: Итак, ты осталась жить в Петербурге, рассчитывая исключительно на собственные экономические и творческие возможности. Поделись силой иллюзий.

О. М.: Иллюзия как естественное блуждание в грёзах под вуалью маскировки, в придуманном нами лабиринте. В Петербурге мир раскрылся, и я почувствовала

полноценно свою этническую душу... Этот город наполнен различными национальными культурами, звучащими особенно активно в пространстве улиц. То, что это центр туризма и глобальное информационное поле, позволило открыть себя в ином, с одной стороны, это — перформанс, с другой — путешествия, жизненно необходимые для свободы и свежего воздуха, перелезь через рамку и кричи «А-А-А...» сколько хочешь.

И. Ф.: Перформанс как особый язык и способ существования в искусстве — общепринятое явление. Если ранее девизом художественной среды было «Только вперёд!», в однолинейном прочтении идеи, правил и форм, следующему поколению по душе пришла «шнуровка» и «штопка»... то сегодня молодые художники направляют векторы эстетического воздействия центробежно, сохраняя идею символа и знака, ...организуя своеобразный коктейль... микс из интонаций звука, света, цвето faktur и рокировке ролей. Ты участвовала во многих акциональных действиях, магнитом притяжения их осуществления являлась знаковая среда...

О. М.: Идеи и увлечения так или иначе реализуются. Нельзя сказать, что наши перформансы создают новую пространственную ситуацию, скорее, перформанс уже встраивается в оформленную идею, и значение его — спровоцировать у зрителя смещение символических канонов. На Международном фестивале Сергея Курёхина «SKIF» перформанс «ПОГНАЛИ» (2006), перформанс «ПОПУПОК» (2012), в которых постпанковские идеи воплощались в атмосфере звуковых импровизаций группы «Самогонный аппарат», видеоряда чёрно-белого фильма 50-х годов «Берлин», бесконечно несущегося через города поезда. Коллекция костюмов «выброшенного» стиля (авангард, народный, новогодний, зачатки преддипломных практик, трансформеры), беспорядочно надетая на откровенно бесполое, импульсивное, должна была смутить зрителя своим абсолютным несоответствием общепризнанной эстетике подиума. «SKIF»ская площадка разрешает нам выражать коллективные идеи в совместном, групповом действии... спонтанно, нетрадиционно.

И. Ф.: Немногим удается легко и жёстко разрыхлять имитации общественного и культурного сознания, и речь здесь идёт исключительно об искусственно созданном субкультурном или маргинальном жесте. При этом ваша группа пошла дальше, сделали замечательный фильм «Сегодня я попугай» о месте встречи человеческой сущности с вещью и архивирование этих взаимоотношений. Этот фильм как часть Берлинского проекта?

О. М.: Предыстория: первая модель Петербургского Дома Моды Евгения Курагина (княгиня) в перестройку переехала в Германию. Марина Демидова открыла галерею с концепцией культурных обменов с Санкт-Петербургом. Фотографии с моделью Евгенией К. легли в основу проекта «МОДА. СИГНАЛЫ ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ» (2013), галерея «Демидов», Берлин. Цель этого проекта — используя старые фотографии модной одежды советского времени на фоне ленинградского архитектурного ландшафта сделать серию фотографий в тех же местах, но с изменённым модельным образом и стилевым обликом костюма. Это не реконструкция, не аналоговый повтор, а лишь тонкая связь «по касательной», ирония с условным сохранением позы и жеста, цвета и отдельных деталей (Алиса Гиль — фото и видео, Мария Ерохина — идеолог).

И. Ф.: Какова твоя роль?

О. М.: Модель в фотосессиях, подбор костюмных образов (Петербург), составление

экспозиции и проведение перформанса «В РАЗРЕЗ» на открытии выставки (Берлин).

И. Ф.: Абсолютно неожиданным для меня было твоё «вторжение» на территорию Музея политической истории (Ночь музеев) с акцией «ИКОНОСТАС».

О. М.: Всё очень просто. Обмен символами. Увлечение идеями буддизма (древняя и мощная философия) в то время как-то пересеклось с увлечением символом Ленина. Вообще, советская символика — это интересная, винтажная тема для меня, не раздражающая. Наоборот, я удивляюсь силе политических символов, которые целую страну развернули на 180 градусов... А во время действия в музее, не в прошлом, а здесь, на ладошке держала Ленина (его маленький бюст), без войн, без революций... «Иконостас» — золотая трёхъярусная перегородка из 9 ячеек, в каждой — гипсовый бюст Ленина, по центру белый, остальные выкрашены в соответствии с индийской цветовой символикой, у всех — третий глаз (точка). 22 апреля 2009 г., держа в руках «иконостас», совершила обход музея в сари. «Иконостас» в коллекции музея.

И. Ф.: Это не православный иконостас, а некая метафора окна, мостика к миру... Людям художественного склада свойственно присутствие предметно-знакового образа с этноресурсным содержанием. У некоторых это запылённая кукла, смотрящая из окна; у кого-то коробка с игрушками; кто-то составляет предметные композиции со взаимозаменяемыми элементами; особо эстетствующие натуры своё пространство превращают в инсталляцию... У тебя тоже есть рамка-окно со смыслами: камни, засоленные в розу, скарабей, кусочки вулканической породы, улитки, деформированные монеты, сосуды, лики, дерево и металлы...

О. М.: Это мои сакральные вещи, собранные из разных мест, переставляю и пересматриваю их, они вызывают жажду путешествий. В поездках (Греция, Франция, Финляндия, Германия, Индия и т.д.) у меня минимальные потребности. Что я оттуда привожу? Ощущения — тишину, запахи, желания, звуки и краски. Много фотографирую. Например, в Индии потрясающие люди, особенно старики, и одежды, рыбачки деревни, и когда на фоне заката появляются графичные женские фигуры, на голове которых огромные «гнёзда» из сучьев, коряг и веток для костров, чтобы готовить ужин. Через реку, впадающую в океан, мост из более 100 мешков, потрёпанных и линялых, с песком — отличная инсталляция. Поразили скелеты метровых черепах, раненные лодками рыбаков и выброшенные утром на берег. Рисовала чередования из силуэтов черепаховых костей, как-то сразу складывается орнамент... Подобрала на берегу бусы из воска и обожжённые фрукты, передвигалась на велосипеде...

Ольгино

И. Ф.: Посёлок Ольгино под Санкт-Петербургом, где ты работаешь в мастерских компании «АРТ – МОЗАИКА» с 3 курса института. Привлекательность мозаики как живого языка искусства открыла твоему творчеству новые возможности и право на актуальные высказывания. В современном финно-угорском искусстве подобных примеров, по-моему, ещё не появлялось, когда традиционная тематика оформлялась в мозаичных формах.

О. М.: Сначала это был просто заработка, получение технологических навыков в роли подмастерья, затем – заказы. Мозаичное искусство уникально и вечно во времени. Чувствование камня, его твёрдого звучания при расколе на модули, фактурные и рельефные, очень тактильные, поверхности, подталкивающие к композиционной динамике уже в процессе набора материалов, а лишь используя контраст между различными углами наклона плиток можно добиться световых эффектов при ограниченном цветовом дизайне. На Первой Международной выставке современной мозаики «Архитектура и мозаика» (Москва), инициируемая итальянскими художниками, моя скульптуро-мозаика (объект) «Рождение мира» заинтересовала организаторов проекта именно финно-угорской тематикой, эпической формой и простым, дешёвым керамогранитом.

И. Ф.: Следующее твоё участие в мозаичном итальянском проекте — эстетическая и технологическая школа. Посещение Третей Международной выставки современной мозаики в Центре дизайна «ARTPLAY» (Москва) открыло для меня мозаичные инсталляции и скульптуры, важность требований к современному экспозиционному пространству, создающему зрительский интеллектуальный комфорт.

О. М.: Наша небольшая группа молодых художников была привлечена как раз к созданию структуры выставочного пространства и техническим работам: разрезать стекло сrepidукциями наиболее значительных произведений искусства XX века, получаемые таким образом тесеры (модульные полосы) монтировать на заводские трубы в мозаичных приёмах, выкрашивать пол и оборудование... Но самое ценное — это живое общение с маститыми, продвинутыми итальянскими мозаистами (Вердиано Марци, Марко Бравура, Душана Бравура, Пелагия Ангелополу). В процессе работы я сделала фотосерию портретных образов Душаны и костюмы к перформансу «Алхимия», показанному на открытии. Этот проект позволил по-новому оценить универсальность выразительных средств мозаики, расширить представления о великолепной мозаичной текстуре.

И. Ф.: В мозаике много загадок и конкретностей, холодного одиночества теней и светового душевного покоя. Разделение на осколки, рукотворные и природные, и собирание картины — таинство?

О. М.: Таинство — это закодирование символов и умение их читать. Таинство требует силы и красоты. Исполняя авторский мозаичный дизайн-проект панно «Русалка», я получила необыкновенное удовольствие от масштаба работы — 6 кв. м.; от фантастического пространства — Греция, вилла на берегу моря; от фактурно-колористической динамики (камень, витражное стекло, смальта оттенков: лунный, перламутр, матовый, глянец). Два месяца выполняла фрагменты в мастерской (п. Ольгино) и две недели монтаж панно в Греции, что потребовало от меня физической выносливости и терпения.

И. Ф.: Творческая эволюция Малыгиной О. как художника демонстрируется в создаваемых ею мозаиках, которые со временем обретают зрелость и убедительность. Если в работах «Рождение мира» (2009), «Женщина, ткущая ковёр» (2010), «Двое в лодке» (2010) подчёркнута важность принадлежности к традициям места своего рождения, его духу и колориту, то в последних: «Париж» (2011–2012) и «Лодка времени» (2012), путешествующие мифологемы закладываются худож-

ником как зёрна в «почву» лаконичного, утрированного декоратизма мозаичных систем.

Мы говорили о многом: о «Митьковской ставке», где выставлена Ольгина мозаика «Охотник»; о трубах из детства, которые зазвучали золотом в московской галерее «ARTPLAY» в перформансе «Алхимия»; о сакральности видимых и невидимых швов; о мозаичных переработках традиционных тарусских вышивок; о переплетении творческих энергий и о том, сколько сюрпризов внутри природы... Наблюдая, как Малыгина Оля собирает нужные ей камни на берегу Финского залива, понимала, как важно видеть и чувствовать цели нашего выбора, а вот поднять сумку с набранными идеями не всем под силу... Попробуйте.

*Беседовала Федосова Ирина, художник,
педагог Центра творческого развития и гуманитарного
образования «На Васильевском», Санкт-Петербург, 2013.*

Участие в конкурсах и выставках:

- 1998 — Гран-при в конкурсе «Легенды и предания коми-зырянских народов». Триптих, батик (Сыктывкар);
- 2001 — Персональная выставка. Живопись, батик (Гимназия искусств при Главе Республики Коми, г. Сыктывкар);
- 2003 — конкурс логотипа к 1000-летию г. Ярославля (г. Ярославль);
- 2006 — Всероссийский конкурс дизайнеров одежды «Русский силуэт». Коллекция «Скрип снега» (Санкт-Петербург);
- 2006 — Международный фестиваль Сергея Курехина SKIF. Перформанс «Погнали», группа «ПРОЧЫIS» (Санкт-Петербург);
- 2008 — выставка студентов СПбГХПА им. барона Штиглица, кафедры Дизайн костюма «Маленько чёрное платье» (Выставочный центр Союза Дизайнеров, г. Санкт-Петербург);
- 2009 — Международная мозаичная выставка «Solo-Mosaic». Мозаичная скульптура «Рождение мира» (Москва);
- 2009 — Мастер-класс «Маленько чёрное платье» немецкого профессора школы дизайна одежды и презентации в «loft»-проекте со студентами московского, петербургского и немецкого вуза дизайна костюма (Санкт-Петербург);
- 2009 — «Ночь музеев». Музей политической истории России. Особняк М. Кшесинской. Акция «Иконостас» (Санкт-Петербург);
- 2009 — Дизайнер костюма в фильме Ржановского «Дао». Серия костюмов для сцены «Бал» 1920 г. (г. Харьков, Украина);
- 2010 — Международная мозаичная выставка «Архитектура и дизайн». Серия фотографий, где создавались проекты. Перформанс «Алхимия» («Art play», Москва);
- 2010 — «Неограниченный дизайн». Переработка финского и русского фольклорного костюма в современном мире (Савонлинна (Финляндия) и Этнографический музей (Санкт-Петербург));
- 2012 — Международный фестиваль Сергея Курехина SKIF. Перформанс «Попупок» (Санкт-Петербург);
- 2013 — «Мода. Сигналы точного времени» (Берлин, Германия);
- 2013 — Женская выставка «Белый вальс». Мозаика «Охотник». Перформанс «Белый танец» («Митьковская ставка», Санкт-Петербург).

Лидия Чувьюрова

Лидия Даниловна Чувьюрова (1949–1993 гг.) — заслуженный деятель искусств Республики Коми, педагог, фольклорист, автор многих горячо любимых коми песен. Родилась в селе Деревянск Усть-Куломского района, получила высшее профессиональное музыкальное образование в Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Будучи педагогом народного хорового отделения Республиканского училища искусств, создала ансамбль коми песни «Коми сылан», стала инициатором Республиканского праздника народного творчества «Шондібан».

Со своим коллективом Лидия Даниловна объездила практически все районы республики, активно собирала коми фольклор непосредственно от носителей. Черпая своё вдохновение в коми народной песне в её первозданном виде, она и сама стала творцом песни тонкой, трепетно-нежной, истинным художником,

ведь она рисовала в песне настоящую жизнь. Её песни полюбились как исполнителям, так и зрителям и вошли в репертуар многих любительских и профессиональных коллективов Республики Коми.

* * *

15 мая 2013 года исполнилось 20 лет, как Лидия Даниловна ушла из жизни.

Памяти Лидии Даниловны Республиканский Центр народного творчества и повышения квалификации организовал цикл благотворительных мероприятий.

В октябре прошлого года в концертном зале Республиканского Центра народного творчества и повышения квалификации состоялся вечер-портрет Лидии Даниловны Чувьюровой для учащихся Республиканского колледжа искусств и Республиканского колледжа культуры имени В. Т. Чисталёва. На вечере выступили друзья, коллеги, родственники Лидии Даниловны, прозвучали её песни, была представлена экспозиция личных вещей, редких фотографий и рукописей Лидии Чувьюровой из архива Республиканского Центра народ-

ного творчества и повышения квалификации. В этом году планируется переиздание сборника её песен «Пельсы», выпуск CD-диска.

Завершился цикл благотворительных мероприятий 11 мая 2013 года в зале Республиканской филармонии, где состоялся концерт памяти Лидии Даниловны Чувьюровой «Войыв дзоридз» (Северный цветок).

В нашем журнале о Л. Д. Чувьюровой делятся своими воспоминаниями её ученики и коллеги.

Михаил Герцман,
композитор

Горькое композиторское счастье

Живи Лидия Даниловна сегодня, она бы очень удивилась, что ее всерьез называют композитором. Вполне в её стиле было бы спросить: «А вы меня не путаете с Бетховеном?» Она закончила дирижёрско-хоровое отделение Ленинградской консерватории и точно знала, что слово «композитор» относится к Баху, Моцарту, Чайковскому, Рахманинову... Она вообще была насмешливым человеком и умела шутить не только над другими (это хоть кто может), но и над собой. Чувюрова прожила короткую жизнь — всего 44 года. Хотя, если сравнить её жизненный путь со сроком, отпущенными судьбой, скажем, Моцарту (35 лет), Шуберту (31) и, особенно, итальянцу Перголези (26), то вроде бы это и не так мало... Но если учесть, что сочинять она начала только за 5 лет до смерти... К тому же, в свои 15 лет, когда она приехала из Деревянска поступать в Сыктывкарское музыкальное училище, она ещё не знала нот. Так, играла себе по слуху на баяне. Поступить в наше училище, не зная нот, непросто: всё-таки оно выпускает профессиональных музыкантов. Закончить его, не имея за спиной музыкальной школы, ещё сложнее. А уж поступить потом в консерваторию, да ещё в Ленинградскую — одну из лучших в мире — и вовсе фантастика. Но ведь всё это у неё получилось! Талант? Конечно. А ещё труд, упорство и необыкновенное стремление к новым знаниям. И вот, получив консерваторский диплом, она становится преподавателем того училища, где начинала свою учёбу. Ну, не прекрасно ли? Каким красивым, логичным и достойным получился бы её первый жизненный круг! О чём, кажется, ещё мечтать? Но именно с этого момента начинается непонятное. Через пару лет она понимает, что преподавание — это не её удел. И она уходит. Уходит в прославленный ансамбль «Асъя кыа», хормейстером. Что ж, работать педагогом не каждому нравится, да и не всем дано. А она знает коми языки. Может, именно в ансамбле и есть её настоящее место? Но вскоре она покидает и ансамбль! Причём уходит на телевидение, звукорежиссёром! «Какая жалость, — говорили многие (и я тоже), — такой одарённый музыкант пропадает». А годы, между тем, шли... На заре перестройки в родном училище возникает новое отделение — «народный хор». И Чувюровой предлагают возглавить это отделение. Неужели снова возвращаться к преподавательской работе, не сулящей особой радости? Да ещё и взвалить на себя руководство целым отделением?.. Но она решается. Скорее всего, в ней побеждает любопытство. Вернее, даже не любопытство, а непреодолимая страсть делать что-то такое, чего она ещё не делала. Тут-то и случается чудо. Создав на основе отделения вокальный ансамбль «Коми сылан», она уже через год начинает ездить с ним по всей республике, она открывает новые композиторские таланты, она готовит Дни культуры районов, она записывает и жадно впитывает в себя всё новые и новые народные песни, она придумывает первый республиканский праздник народной музыки «Шондібан». У неё словно вырастают крылья, и всё, за что она берётся получается.

Я помню её ещё задорной первокурсницей, похожей на мальчишку. Но такой

счастливой я её не видел никогда! То было ЕЁ время — время какого-то непрерывного вдохновенья. Все видели, что теперь она уже знает, зачем живёт. Только ни она, ни кто-либо другой не знали, что Судьба уже включила свой страшный счётчик... Именно в это счастливое время и появляются её первые песни. А может, они жили в ней всегда и только ждали своего часа? И — не чудо ли? — первые же её песни запела вся республика. Сразу же! Они стали популярными так быстро, что казалось, будто именно их и ждали — и лукавую «Пельсь», и нежную «Арся мойд», и причудливый полонез «Тупи-тап». Чем же её песни заслужили такую популярность? Почему так редко удавалось завоевать республику другим, может, и не менее талантливым композиторам-песенникам, но так легко удалось ей? Ответ напрашивается сам собой: конечно же, её песни покорили сердца прелестью и обаянием новизны. Только вот откуда взялась эта самая новизна? Как вдруг появились и заиграли в её песнях эти свежие интонации, упругие ритмы, оригинальные мелодические находки? Тоже чудо? А вот тут-то как раз особого чуда нет. Оказывается, чтобы быть творцом (и не только в музыке), одного таланта мало. Нужны ещё и специальные знания. Ведь и талант, и знания хранятся, образно говоря, в разных сосудах. Талант без знаний быстро истощается, а знания, к которым не подключён талант, могут оказаться бесполезным грузом. С Лидией Чувьюровой же произошло следующее. Знание народной песни, впитанное ещё с молоком матери, и мировая музыкальная классика, к которой она приобщилась в консерватории, в какой-то момент слились в новое единство. А талант и поразительная творческая раскованность придали её музыке естественность народной песни. И народ, с его безошибочным чутьём, тут же оценил свежий вкус её песен, полюбил их, и они стали частью его души. Наверное, в этом и состоит настояще композиторское счастье... Но вот, что не даёт мне покоя до сих пор. Какая-то странная у неё получается жизнь. Противоречивая, нескладная, что ли.

Вот смотрите. Чувьюрова с детства стремилась учиться музыке, а научившись, не раз пыталась убежать от неё. Она вернулась в музыку зрелой творческой личностью, творцом, деятелем — и почти сразу ушла из жизни. Не вышла замуж, не родила ребёнка, а ведь пользовалась всенародной любовью. Не считала себя композитором, а стала драгоценной частичкой истории музыки нашей республики...

И всё же в чём-то ей можно позавидовать: она сумела пройти по жизни своим собственным, только ей одной предопределенным путём — трудным и прекрасным путём поиска.

Александр Кузнецов,
заслуженный артист Республики Коми:

«Моё знакомство с Лидией Даниловной произошло в 1988 году на II туре отбора во вспомогательный состав Государственного ансамбля «Асья кыя». Тогда мне Лидия Даниловна и предложила пойти учиться к ней на отделение народного хора, которое открывалось при Республиканском училище искусств. Попросила меня спеть, и я спел частушку:

Я хотела выйти замуж,
Мать корову не даёт,
А жених такой попался,
Без коровы не берёт.

Лидия Даниловна долго смеялась и зачислила меня на курс без дальнейшего прослушивания.

Учёба в училище искусств запомнилась не только занятиями по мастерству у замечательных педагогов, но и бесконечными интересными гастролями, концертами, фольклорными экспедициями на Ижму и Усть-Цильму. Лидия Даниловна очень тонко чувствовала народную песню, умела услышать в ней самые сокровенные, глубокие и проникновенные ноты. И учила нас эти ноты спеть так, как сложил их народ. Я очень благодарен судьбе, что мне посчастливилось встретиться и учиться у такого удивительного педагога, композитора, музыканта, доброй и мудрой женщины Лидии Даниловны Чувьюровой.

Вера Бульшева,

*Коми республиканской филармонияса солистка, В. Есевалён премияла лауреат,
Коми Республикасаса заслуженнай артистка:*

1990-өд воясöэ зэв сьёкыд кадыс вöl. Эз вöв сьём, паськом вöl лёкиник, да и сёйнгёти нинём. Велёдьсясь юасьбоны: «Кёнöсъ велёдчысъяс, мыйла урок выlö оз ветлöдлыны?» А Лидия Даниловна шоü: «Ме лэдзи найös гортаныс кёчанла да картупельла». Зэв лабутнёя вöl сёрнитö. А öтчыд меным отсалис ньёбны тёвсся сапожки. «Коми сылан» ансамбль вöl кыдзи ыджыд семья. Лидия Даниловна тёждысис ставным вöсна, тöдлис миянлысь сьёкыдлунтъяс да кыдз вермис отсасис.

* * *

Мунё вöl урок — хоровой класс. И урок вылас Лидия Даниловна тшёкыда юасис сольфеджио кымын бомоль да диез знакъяс тональностьясын. Унджыкыслён эз вöв музыкальной образование, и Лидия Даниловна миянкёд содтöд занимайтчис. И öтчыд мыйкё гораа кутим сёрнитны öта-мёдкёд, эгö кутой кывзыны Лидия Даниловнаös, и сийё ставös вöтлис, ме кындзи: «Бульшева, кольччы». И ми заводитим велёдны сыланкыв. И помнита, мый Лидия Даниловна новлöдлис мено бýдсикас мероприятие выlö, кёсъян ли он ли, тшёктис сывны. Öтчыд мунам сыкёд площадь кузя и шоü: «Кöть кутшом сьёкыдлунтъяс лобны миян водзын, си выlö видзöдтöг век коло петны сцена выlö...»

* * *

Сыланкыв «Регыд» чужис классын урок дырии. Лидия Даниловна вöl сула-ло öшинь дорын да видзöдö ывлла выlö, кёнä надзöникён заводитчö тёв. Сэсся Лидия Даниловна вомгорулас шуис: «Усьё лым». Матыстчис пианино дорö да кутис ворсны. Шылад улас сэсся чужисны кывъяс:

«Кольёма кё кадыс,
 Подён тэ он су.
 Ковтёмторийн корыйс
 Вевттьё арся му.
 Регыд, регыд, регыд
 Усясны лым чиръяс
 И пуксяс тёв...»

Позьё унатор, дерт, казытывны. Сёмын содта, мый миян вичмис шуд уджавны збыль ыджыд таланта композиторкёд и велёдыськёд, бур морткёд и...

И тысь ыджыд аттьё век шуа Енмыслы...

Лидия Логинова,

съылысь, Россия Федерацияса заслуженней артистка, Коми Республикаса народнней артистка

Тэнад сылансыыд съёлёмой пётлө,
 Быттьё мамёлён пёжалом нянь,
 Рушмём лов вылысь неджёгсө вётлө, —
 Муса сыланлён шыладыс шань.

Со и бара на вой тёлыш швичкё,
 Арыс шёпкигтыйр висьталё мойд.
 Дзоля кагукёс унмыс тай личкё,
 Корё-сибёд таръяслён койт.

Эськё Енмыс и сетлёма тэныд
 Ыджыд мывкыдлун, кыпыдлун, шуд.
 Но эн вермы тай водзасасыны-венны —
 Сьокыд висьомыс пудъяліс пуд.

Кёні ныланёй, матын ли, ылын
 Оні лэбалан енбия борд?
 Век на важ мозыс мылаа кылан
 Тані, му вылас чужлывлём морт.

Сёмын вётё тай уськёдчан шоча:
 Синнад вильышлун, вом дорад нюм...
 Эськё вемёсён лоин кё воча.
 Гашкё, волас на аддзысьлан лун?

Утверждён протоколом
наблюдательного совета
от «17» мая 2013 г. № 2/2013

ОТЧЁТ
автономного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
о деятельности в 2012 году

№ п/п	Наименование показателя деятельности	Единица измере- ния	Отчётный год	Год, пред- шествующий отчетному
1	2	3	4	5
1.	Исполнение задания учредителя	%	100	100
2.	Осуществление деятельности, связанной с выполнением работ (оказанием услуг), в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	%	_____	_____
3.	Среднегодовая численность работников учреждения	человек	7	8
4.	Средняя заработная плата работников учреждения	тыс. руб.	15,8	16,0
5.	Объем финансового обеспечения задания учредителя	тыс. руб.	2343,4	2275,0
6.	Объем финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утвержденных в установленном порядке	тыс. руб.	_____	_____
7.	Объем финансового обеспечения деятельности, связанной с выполнением работ или оказанием услуг, в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	тыс. руб.	_____	_____
8.	Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения	тыс. руб.	(0,4)	(-143,6)

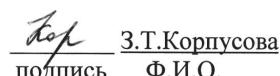
9.	Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения	единиц	5800	5800
	в том числе бесплатными, в т.ч. по видам услуг:	единиц	_____	_____
	частично платными, в т.ч. по видам услуг (работ): освещение социально-значимых проектов	единиц	4800 4800	4800 4800
	платными, в т.ч. по видам услуг (работ): - издание книг - издание компакт-дисков, буклетов - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и пр.	единиц	1000 1000	1000 1000
10.	Средняя стоимость получения платных услуг (работ) для потребителей по видам: - издание книг - издание компакт-дисков, буклетов - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и т.п.	тыс. руб. за экземпляр тыс.руб. за единицу	0,28	0,14

11.	Средняя стоимость получения частично платных услуг (работ) для потребителей, в т.ч. по видам: освещение социально-значимых проектов	. тыс. руб. за 1 экз. формата 70x100 1/16	0,58	0,62
12.	Учредитель учреждения	<i>Функции учредителя осуществляют Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям и Агентство Республики Коми по управлению имуществом</i>		
13.	Виды деятельности учреждения	<p>- подготовка, выпуск и распространение средства массовой информации и его приложений;</p> <p>- рекламная, информационная, издательская деятельность;</p> <p>- оказание информационных услуг.</p>		
14.	Перечень разрешительных документов, на основании которых учреждение осуществляет деятельность (вид, дата выдачи, №, срок действия)	<p><i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009г., выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций</i></p>		
15.	Состав наблюдательного совета учреждения (ФИО, должность)	<p>Конаков О. И. — заместитель руководителя Агентства Республики Коми по управлению имуществом; Карабанова М. Г. — консультант Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям; Чистяков А. А. — консультант отдела юридической, кадровой работы и государственного заказа Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям; Габов С.И. — председатель МОД «Коми войтыр» Лимеров П. Ф. — заместитель главного редактора журнала «Арт».</p>		

Руководитель (главный редактор)
автономного учреждения

Г.В.Бутырева
подпись Ф.И.О.
" " 2013 г.

Главный бухгалтер
автономного учреждения

З.Т.Корпусова
подпись Ф.И.О.

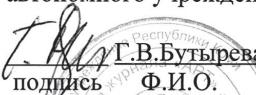
" " 2013 г.

Утверждён протоколом наблюдательного совета
от «17» мая 2013 г. № 2/2013

ОТЧЁТ
об использовании имущества, закреплённого за автономным учреждением
Республики Коми «Редакция журнала «Арт»,
за 2012 год

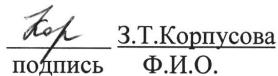
№	Наименование показателя	Еди-ница изме-рения	На начало отчёт-ного периода	На конец отчё-ного периода
1	Общая балансовая стоимость имущества автономного учреждения, <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	501,4	505,0
1.1	балансовая стоимость закрепленного за автономным учреждением имущества, всего <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	501,4	505,0
1.1.1	недвижимое имущество	тыс. руб.	221,6	221,6
1.1.2	особо ценное движимое имущество	тыс. руб.	88,5	88,5
1.1.3	иное движимое имущество	тыс. руб.	191,4	194,9
2	Количество объектов недвижимого имущества, закрепленных за автономным учреждением, всего <i>в том числе:</i>	ед.	2	2
2.1	здания	ед.		
2.2	строения	ед.		
2.3	помещения	ед.	2	2
3	Общая площадь объектов недвижимого имущества, закрепленная за автономным учреждением, <i>в том числе:</i>	кв.м	35,3	35,3
3.1	площадь недвижимого имущества, переданного в аренду	кв.м		
4	Иные сведения (по решению автономного учреждения)			

Руководитель (главный редактор)
автономного учреждения

Г.В.Бутырева
подпись Ф.И.О.

" " 2013 г.

Главный бухгалтер
автономного учреждения

З.Т.Корпусова
подпись Ф.И.О.

" " 2013 г.

Обзоры. Новости. Письма

* * *

29 марта в Национальной галерее Республики Коми открылась выставка Коми регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», отмечающей в этом году свой семидесятилетний юбилей.

Выставка объединила художников разных городов республики — Сыктывкара, Инты, Ухты, Воркуты, — как мастеров старшего поколения, так и молодых авторов, работающих в разных жанрах.

Более всего в экспозиции представлены живописные произведения. Это работы А. Копотина, В. Ермолина, В. и А. Куликовых, В. Кононова, И. Тютюника, В. Осипова, А. Размановой. Большой интерес зрителей вызывает графика Т. Васильевой, В. Шустова, В. Трофимова, а также станковая скульптура В. Рохина, А. Неверова, В. Безумова, А. Неверовой. В. Кислов представил жанровую пластику малых форм.

Активное участие в выставке приняли молодые авторы — выпускники и преподаватели художественных факультетов Сыктывкарских образовательных учреждений: керамист В. Дурнев, живописцы С. Бутакова, В. Белоусова, художница-график И. Дасюк, художник по текстилю А. Денисова.

Юбилейная выставка является преддверием крупнейшего художественного смотра — XI Межрегиональной художественной выставки «Российский Север». Объединив 8 регионов Северо-Запада России и Кировскую область, она торжественно откроется в Сыктывкаре 19 сентября 2013 года.

* * *

Вот уже седьмой раз в селе Большегул Корткеросского района проходил Республиканский лыжный фестиваль на лямпах, охотничьих и гоночных лыжах на призы исполнкома МОД «Коми войтыр».

Год от года он становится всё популярней.

В соревнованиях принимают участие лыжники из множества населённых пунктов республики, а также спортсмены других регионов России.

В прошлом году впервые вышли на старт представители национально-культурных автономий и обществ РК: украинцы, немцы, армяне, белорусы и др.

По традиции фестиваль открывают самый старший и самый младший лыжник...

Однако наибольший интерес у болельщиков всегда вызывали и вызывают гонки на охотничьих лыжах, лямпах, с непременной палкой, именуемой «кобедь». Этой палкой охотник проверяет в сугробах силки и капканы, не нагибаясь и не снимая лыж. А лызь и лямпа должны быть только из натуральных материалов (дерево и мех). И ещё должен быть один обязательный элемент формы одежды — охотничий жилет (вёralан лаз).

Перед стартом группа женщин показывает обряд проводов на охоту. С песнями, разными наставлениями — чтобы все вернулись домой в добром здравии и с хорошей добычей...

Гонки на лямпах придают фестивалю лыжного спорта в Большелуге особый колорит. Лямпиада — это уже не только спортивные состязания, но и возвращение к национально-культурным традициям. И кажется, не так уж и важно, кто приходит к финишу первым. Потому что выигрывают все — от общения друг с другом, с природой, с гостями, среди которых можно встретить и известных спортсменов, олимпийцев, и политиков, и ветеранов лыжного спорта... Всех и не перечислить. Но имя одного человека надо непременно назвать — это учитель физкультуры Большелугской школы Афанасий Габов. Это благодаря ему родился такой фестиваль на Корткеросской земле. И слава ему, и наша благодарность за такую гениальную инициативу!

Думается, что фестиваль «Лямпиада» в Большелуге вполне мог бы претендовать и на международный статус. Доброго ему пути!

Г. Бутырева, член правления МОД «Коми войтыр»

Нам пишут

* * *

Здравствуйте, Галина Васильевна! Пишет постоянная читательница вашего журнала «Арт» Дина Ивановна Чупрова. От всей души поздравляю Вас и Ваших сотрудников с 15-летием со дня основания журнала и желаю всем вам дальнейших успехов. Читая журнал «Арт», имеющий своё «лицо», свой стиль, ориентированный на этнокультурное направление, получаешь мощный заряд бодрости и гордости за Коми Республику, за Удору.

Ещё больше удивила и заставила меня написать отзыв Вами написанная книга «Ритмы реки». Читая документальную прозу, я заочно путешествовала по местам, с огромной любовью и восхищением описанным Вами. Особо затронули меня в этой книге записки о чёрной бане. Имея две бани в деревне и одну в посёлке, давно мечтаю построить ещё и чёрную, запах и ощущения которой помню я ещё с детства. А вот о печке-каменке в «банной палатке» я узнала впервые, прочитав «Ритмы реки». Отправляясь в путешествие с детьми по Удоре, этот полезный совет обязательно возьму себе на заметку. Будем надеяться, что с такой же любовью Вы, Галина Васильевна, напишете книгу о нашей Удоре.

18.03.2013 г.

С уважением, Дина Ивановна.

* * *

Уважаемая Галина Васильевна!

Посылаю для публикации в Вашем журнале отрывок о Воркуте из моих воспоминаний.

О себе хочу сообщить следующее:

Родился в 1930 г. в г. Ленинграде. Во время ВОВ был эвакуирован из г. Ленинграда в Ярославскую обл., потом в г. Пензу. После возвращения в Ленинград окончил 241 школу и ЛЭИС, в котором впоследствии защитил кандидатскую

диссертацию. По окончании института работал в ПМТ № 5. После аспирантуры 40 лет проработал в ЛОНИИСе пройдя путь от старшего инженера до начальника отдела. За время работы опубликовал около 100 статей и несколько справочников и монографий по вопросам линейно-кабельных сооружений городских телефонных сетей. В 2000 г. эмигрировал в США, живу во Флориде (США), женат, имею двоих детей и двоих внуков. В эмиграции написал воспоминания «Из Советского Союза через Россию в Соединённые Штаты (фрагменты жизни)», где рассказывается о предках, о довоенной, военной и послевоенной жизни, об эмиграции и жизни в Америке. В 2008 г. в библиотеке журнала «Мишпоха» («Воскресшая память», Минск) опубликован отрывок о предках: «Взгляд в прошлое».

С наилучшими пожеланиями, Анатолий Брискер

Заметки о Воркуте

Одной из первых командировок во время моей работы в Проектно-монтажном тресте № 5 была командировка в Воркуту. Осенью 1954 г. мы вдвоём с моим коллегой-приятелем поехали поездом в Воркуту собирать исходные данные для телефонизации шахт комбината «Воркутауголь».

По пути мы с аналогичным заданием заехали в г. Инту на комбинат «Интауголь». Инта в то время была маленьким городским посёлком... Воркута была чуть побольше и чуть получше; жили мы в небольшой, по-моему, единственной в городе гостинице, от которой до шахтоуправления и до отдельных шахт нужно было добираться на автобусе около получаса. Вокруг города, да и в самом городе были лагеря, входящие в систему,вшедшую потом в историю, как «ГУЛАГ» (Главное управление лагерей), сами шахты находились в лагерных зонах, куда проходить можно было только через охраняемые КПП (контрольно-пропускные пункты). Это было послесталинское время и, как нам рассказывали, только после его смерти произошли некоторые послабления: в бараках сняли с окон решётки, и конвоирование проходило без собак.

Работали мы с генпланами шахт, согласовывали с начальниками связи шахт и руководством шахтоуправления места установки АТС и телефонов, а так же трассы прокладки кабелей. Кстати, очень странно, но эти документы не имели грифа секретности, как было общепринято, видимо, потому, что вся эта территория с находящимися на ней предприятиями уже находилась под управлением КГБ. Именно на этих шахтах нам довелось видеть власовцев, украинских националистов — бандеровцев и даже немцев, участников восстания в Берлине в 1953 г. А когда начальнику связи одной из шахт (еврею из западных районов СССР) я вежливо предложил сесть, он мрачно ответил, что он и так сидит 25 лет, как потом выяснилось, за антисоветскую деятельность, выразившуюся в националистической пропаганде, насколько я понял, это было изучение еврейского языка и еврейской истории. По-видимому, потом его реабилитировали, но в то время это выглядело довольно мрачно.

В Воркуте я впервые для ознакомления, а больше из-за любознательности, спустился в шахту. На меня надели шахтёрскую одежду с электрофонарём на

каске, и мы по главному стволу в специальной клети спустились на рабочий горизонт, прошли, осматривая проложенные кабели и специальные пыленепроницаемые телефонные аппараты, по горизонтальному штреку, где вода хлюпала под ногами и капала сверху. Самое сильное впечатление оставило посещение «лавы» (подземная выработка с забоем большой протяжённости). Там мы буквально на четвереньках проползли около 50 метров (должен сказать, удовольствие ниже среднего). Ползёшь, высота около метра, кругом (снизу, сверху, с боков) тебя окружает мрачная чёрная масса каменного угля, над тобой нависает потолок, опирающийся на хлипкий крепёж (деревянные, реже металлические столбики), не внушающий доверия, кажется, что вот-вот потолок тебя придавит. Ситуация не для слабонервных. И когда я поднялся на поверхность, снял спецодежду и отмылся, я понял, почему шахтёрам необходимо снимать стресс и что им не зря платят большие деньги.

Из этой командировки я привёз в подарок маме тапочки из оленьего меха с народным орнаментом и в качестве северного сувенира оленьи рога. В Воркуте на базар в воскресенье съезжались окрестные оленеводы, у них я и купил две пары рогов.

Потом на деревянной подставке они довольно долго весели на стене в прихожей в качестве декоративного украшения, использовать их как вешалку для головных уборов, что предполагалось вначале, не довелось.

Вот такое осталось в памяти кратковременное, но запомнившееся знакомство с Севером Советского Союза.

